НОВАЯ ПОЛЬША

№1 (148) 2013

ЧЕСЛАВ МИЛОШ, «АЗБУКА»

ЕЖИ ПОМЯНОВСКИЙ ОБ ИСААКЕ БАБЕЛЕ

В ОКСФОРДЕ ВЗЯТ КУРС НА ПОЛЬШУ

ЕЖИ РЕГУЛЬСКИЙ: МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ — ПОЧВА ДЛЯ ДЕМОКРАТИИ

ТЕПЕРЬ В ПОЛЬШЕ ЕСТЬ УЛИЦА МАНДЕЛЬШТАМА

ВАРШАВА

ISSN 1508-5589

Вы можете подписаться на «Новую Польшу», перечислив деньги на наш счет и отправив нам по почте, факсу или электронной почте копию подтверждения оплаты с пометкой: *prenumerata.*

Деньги просим перечислять на счет издателя «Новой Польши»:
Instytut Książki
ul. Szczepańska 1
31-011 Kraków

Подписка в Польше:
Название банка: BANK MILLENNIUM S.A.
Номер счета: PL79 1160 2202 0000 0000 4272 2741
Цена 1 экз. — 8 зл.
Цена годовой подписки — 96 зл.

Подписка за границей:
Название банка: BANK MILLENNIUM S.A.
Номер счета: PL79 1160 2202 0000 0000 4272 2741
SWIFT CODE: BIGBPLPW
Цена годовой подписки — 70 евро или 100 долларов

Информация о подписке за границей:
Тел. +48 22 608-27-95
Факс: +48 22 608-25-05
e-mail: nowpol@instytutksiazki.pl

Информация о подписке в Польше:
Тел./факс: 22 608-24-88, 22 608-23-74
e-mail: czaspatron@instytutksiazki.pl

НОВАЯ ПОЛЬША

№ 1 (148)
2013
январь

ISSN 1508-5589

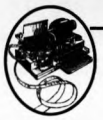
ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЕЖЕМЕСЯЧНИК

КОЛЛАПСА НЕ БУДЕТ 3
Беседа с Яном Кшиштофом Белецким

Ежи Регульский 8
О САМОУПРАВЛЕНИИ В ПОЛЬШЕ

СОЖАЛЕНИЯ О РОЖДЕНИИ 13

Мартина Бунда 18
УНИЖЕННЫЕ СНИЖЕНИЕМ



Виктор Кулерский 20
ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

Мацей Немец 30
СТИХОТВОРЕНИЯ

Лешек Шаруга 35
ОСОБЕННЫЙ ПОЭТ
ИЗ ЦИКЛА «МОЯ РОССИЯ»

Ян Ружджинский 36
ТОСТ ЗООТЕХНИКА

В ОКСФОРДЕ ВЗЯТ КУРС НА ПОЛЬШУ 41

Виолетта Озминковски 43
GOOD MORNING, ПНР

Чеслав Милош 46
АЗБУКА (отрывки из книги)

Игорь Мельников 57
БЕЛОРУССКИЙ КАТЫНСКИЙ СПИСОК

Мартин Мицнер 59
СЫГРАЙ В ГОРОД

Эугениуш Соболь 62
МАНДЕЛЬШТАМ И РЕВОЛЮЦИЯ

ОТКРЫТКА МАНДЕЛЬШТАМУ 64

Эльжбета Савицкая 66
КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА

Лешек Шаруга 70
ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Ежи Помяновский 73
ПИСАНО В СЕДЛЕ

Переводчики: А. Базилевский, И. Белов, А. Векшина, Е. Гендель, Н. Горбаневская, Т. Дубинина, Н. Кузнецов, В. Окунь, Д. Пелихов, С. Политыко, Е. Шиманская

© Фото: Agencja Gazeta (стр. 3), E. Lempp (стр. 35), Archiwum (стр. 43, 64), M. Mitzner (стр. 59)

Редакционный совет
Стефан Братковский
Генрик Возняковский
Ежи Клочовский
Кароль Модзелевский
Януш Тазбир
Станислав Цёсек

Ежи Помяновский
(главный редактор)

Редколлегия
Элиза Вольская
Наталья Горбаневская
Галина Дубик
Никита Кузнецов
Виктор Кулерский
Петр Мицнер ***(зам. гл. редактора)***
Евангелина Скалинская
(секретариат)
Гжегож Пшебинда
Ежи Редлих
(зам. гл. редактора, секретарь редакции)
Эльжбета Савицкая
Лешек Шаруга
Дмитрий Шевионков-Кисмелов
(главный художник)

Графика и макет
Дмитрий Шевионков-Кисмелов

Техническая редакция
Паулина Зеленая

Адрес редакции
INSTYTUT KSIĄŻKI
al.Niepodległości 213
02-086 Warszawa
Ал. Неподлеглости, 213
02-086 Варшава
тел: **(22) 608 27 95; 608 25 65**
факс: **(22) 608 25 05; 608 27 96**
e-mail: **nowpol@instytutksiazki.pl**

Информация о журнале для стран СНГ
Издательство МИК, Москва,
ул. Большая Переяславская, д.15, кв.49
тел: **621-41-42**
e-mail: **mic@inbox.ru**

Журнал издается по поручению Министра Культуры и Национального Наследия Республики Польша
WYDAWCA:
Instytut Książki, 31-011 Kraków
DZIAŁ WYDAWNICTW:
al. Niepodległości 213, 02-086 Warszawa
tel/fax (22) 608 24 88
Тираж 4700 экз.

КОЛЛАПСА НЕ БУДЕТ

О том, что видно с капитанского мостика, какой будет Польша после 2020 года, а также о польском самодовольстве и недостатке страстности — об этом с Яном Кшиштофом Белецким, бывшим премьер-министром, ныне главой Экономического совета при премьер-министре, беседует Янина Парадовская.

— Будет трудно, сейчас плохо, станет еще хуже — это слышно со всех сторон, в том числе и из правительства. Страх обычно способствует кризисным ситуациям — так не слишком ли мы уже напуганы?

— Если говорить о принципах, то правительству не следует пугать граждан, оно должно создавать позитивные ожидания, но и не может притворяться, будто ничего не происходит, будто никаких угроз нет. На мой взгляд, эту линию равновесия у нас не переступили. Вместе с тем за последнее время произошло очень много таких событий, которые, по моему глубокому убеждению, перечеркивают чрезмерно пессимистическое мышление. Видна большая решимость в поддержании функциональности Евросоюза, и предпринимаются действия, даже нетрадиционные, чтобы обеспечить дальнейшее сохранение зоны евро. Если мы добавим к этому деятельность правительства США и их Центрального банка, нацеленную на поддержание экономической конъюнктуры, а одновременно учтем попытки стимулирования экономики в КНР и Японии, то всё это приводит нас к выводу, что окружение Польши не должно впасть в будущем году в рецессию, даже если в Польше следующие два квартала могут оказаться хуже, чем последний.

— Значит, сценарий рецессии отсутствует?

— Отсутствует. Если Германия развивается в темпе «плюс один» — а новейшие прогнозы говорят именно так, — то Польша развивается в темпе 2% за год, возможно, несколько выше.

— Польша, развивающаяся в темпе «плюс два», по-прежнему остается страной, испытывающей большие трудности.

— Это, однако, приведет к тому, что 2014 год будет лучше 2013-го. Таким образом, в более короткой перспективе, может быть, виды на будущее не самые лучшие, но и не драматические.

— Разве рост безработицы больше чем на 13% — это не драма?

— Какой она будет в действительности, мы не знаем; впрочем, безработицу мы рассчитываем специфическим способом. По данным Евростата, в Польше она достигает теперь 10% и находится ниже среднего европейского показателя. Разница вытекает, в частности, из того, что мы считаем тех, кто регистрируется, а не тех, кто реально ищет работу. Я вообще оптимист, когда смотрю на среднесрочный прогноз для Польши до 2020 г., иначе говоря, до конца следующего европейского финансового горизонта. Высмеиваемая гарантия на 300 млрд. зл. будет реализована, Польша наверняка получит это вливание — быть может, даже несколько более высокую квоту. Даже если европейский бюджет подвергнется ограничению. Располагая на данный момент неплохой демографией, европейской подпиткой и хорошей конъюнктурой в мире, где нас рассматривают в качестве привлекательного места для инвестиций, — нам не нужно прогнозировать никакого коллапса или катастрофы.

— Это такая идиллическая версия политики, принципиальным образом расходящаяся с ходовым ее описанием и с ощущениями людей.

— Я описываю макрокартину, которая именно такова. Разумеется, на нее накладываются сотни структурных проблем и еще больше единовременных и второстепенных, которые, если трактовать их поодиночке, могут создавать впечатление крупной неудачи. Но это плохой угол зрения. Если смотреть с капитанского мостика, ситуация для нас благоприятна.

— В таком случае каковы же эти наиболее важные структурные проблемы?

— Одной из основополагающих является, конечно же, конкурентоспособность, а она «расписывается» на необходимые изменения на рынке труда, на качество нашего обучения на всех уровнях, на количество инноваций либо патентов, на обучение взаимодействию уже в школе... Под определение «конкурентоспособность» можно в сущности подвести все главные элементы, которые продолжают оставаться нашими слабостями.

— Со многими из них нынешнее правительство, а также предыдущие боролись долгие годы, но выходило это у них как-то слабовато, начиная с образования.

— То, чего удается достичь в образовании, видно лишь спустя много лет. Несомненно, самое худшее — перескакивать от одного решения к другому. Кроме того, существуют такие вызовы, с которыми борется весь западный мир, как, скажем, хотя бы растущий качественный разброс между учебными заведениями. Весь западный мир сражается также с проблемой качества здравоохранения. Пример США доказывает, что можно расходовать на него 20% национального дохода и по-прежнему иметь 40 млн. незастрахованных лиц. У нас тоже фактическое удвоение затрат на здравоохранение за последние годы не нашло отражения в росте удовлетворенности пациентов. На протяжении многих месяцев мы в Экономическом совете вели дискуссии о системе здравоохранения, и теперь видно, что нет никакой универсальной модели либо самого лучшего западного практического подхода, который можно было бы перенести в Польшу.

— Это как раз и есть тот пример, где нас качает от стены к стене. Мы устраиваем очередную реорганизацию и попутно неразбериху, так как у нас нет мужества ввести частичную, хотя бы символическую платность или дополнительные виды страхования.

— Если мы хотим действительной конкурентоспособности, а я принадлежу к ее сторонникам, — пусть даже на первых порах искусственно стимулируемой посредством разделения Национального фонда здравоохранения или создания второго фонда, — то основополагающим условием остается внедрение профессиональных форм страхования здоровья. Разумеется, первоначально оно может

служить вспомогательной, дополняющей системой, но пока что у нас нет даже дефиниции для страхования здоровья. Страховщики, действующие на польском рынке, занимаются главным образом самыми простыми видами страхования, типа страхования имущества или жизни и т.п. Это не требует больших знаний — таких, как для современного космодрома, а не для Байконура.

— Вытекают ли какие-либо существенные выводы из дела компании «Амбер Голд»?

— Здесь мы имеем две плоскости данного дела. Первая — это панорама его восприятия с капитанского мостика, если придерживаться уже использованной в этой беседе аллегории. С мостика видно, что ряд учреждений действовал рутинным образом и им не хватило профессионализма — иными словами, способности противодействовать: если была бы воля, то нашлись бы и статьи закона, и никакого нового закона не требовалось бы создавать. Более серьезная проблема, однако, — точка зрения рядового гражданина, а у рядового гражданина укрепилась уверенность в том, что, сделай он что-то плохое, его сразу же настигнут государственные службы, а тут действует магнат, которого даже не подвергают основательной проверке, которому больше позволено.

— Политическая культура, культура деятельности институтов — это такие барьеры, с которыми необходимо бороться годами. Здесь не бывает быстрых результатов.

— А поэтому меня больше всего интересует и одновременно, не стану скрывать, больше всего мучит как раз вопрос, какой будет Польша после 2020 г., когда нам уже придется искать другие, отличные от простых факторы развития, когда мы уже построим все эти автострады, аэропорты, железные дороги — потому что мы их, несомненно, построим — и понадобится наращивать качество функционирования государства, его институтов. Сооруженную инфраструктуру потребуется заполнить более высокой организационной культурой, социальным капиталом, способностью вырабатывать компромиссы. Это будет высшая школа верховой езды.

Мне представляется, что наша величайшая проблема состоит не в самом глубоком за 70 лет мировом кризисе, а в самодовольстве. Мы как страна одержали большой успех, миллионы семей добились личного успеха, подняли уровень жизни — благодаря собственной предприимчивости, посредством эмиграции, десятками способов. Видно, что уровень чаяний и образования необычайно повысился, и теперь мы перестаем быть народом «голодным», жаждущим дальнейшего участия в гонке и успехов.

— Вы говорите о самодовольстве, а мы скорее народ вечно неудовлетворенных.

— Неудовлетворенность — это действительно свойство, приписываемое нашей стране, так как у нас уровень доверия человека к человеку, к учреждению остается по сравнению с другими странами шокирующе низким. Это очень хорошо видно, когда живешь за границей. Но я думаю в данный момент не о вечных сетованиях, которых у нас в избытке, а об отсутствии страстности. Нам меньше присуще желание состязаться, причем на самых разных постах — директора больницы, ректора высшего учебного заведения, даже предпринимателя. Порой у меня складывается впечатление, что достижение определенного уровня стабилизации инфицировало ведущие круги бизнеса, науки, администрации и они уже не хотят участвовать в гонках.

— Может быть, они функционируют в таких структурах, в такой гуще правил, которые делают гонки невозможными?

— Наверно, отчасти это так, но участие в гонках по определению предполагает выход за рамки существующих структур, изменение последних. Структуры всегда будут слегка тормозить, потому что такова их природа.

— Но философия правительства — это стабилизация, политика горячей воды в кране; иначе говоря, правительство тоже полно самодовольства. Вдобавок «Гражданская платформа» вновь выиграла выборы, она правит пятый год, а значит, у нее есть причины для самодовольства, даже при растущем общественном нетерпении.

— Перед нами ситуация, не имеющая прецедента, и по правительству, по многим его ведомствам действительно видно такое самодовольство. Есть много учреждений и институтов, которые не ощущают натиска конкуренции, и это вытекает, в частности, из того, что процессы оценки, столь важные для развития всякой организации, практически не функционируют. Примером служат суды,

независимая власть, но никто этих судей не оценивает, потому что они не выработали собственных механизмов добросовестной оценки, а всякая внешняя воспринимается как покушение на их независимость. Лишь закон об устройстве судов общей юрисдикции вводит элементарную оценку, и это сразу же порождает протест.

— Вам хочется говорить о том, что будет после 2020 г., но в политике существует перспектива ближайших выборов, причем лучше всего — ускоренных.

— Мы не можем на всё смотреть с перспективы того политического театра, который разыгрывается главным образом в Варшаве.

— Театр, который разыгрывается в Варшаве, налагает свой отпечаток на качество политики.

— Я не согласен с подобным мнением, потому что надо отделить этот театр, устраивающий перманентное шоу, от реально принимаемых решений и их последствий, так как это и есть подлинная политика. Считаю, что на протяжении истекшего уже более чем двадцатилетия подавляющее большинство решений разнообразных правительств было попросту хорошим, и в этом смысле польская политика оправдалась. Гораздо лучше, чем во многих других странах.

— И немедля почти вся оппозиция скажет вам, что ничуть она не оправдалась, что всё было ошибкой или прямо-таки антипольской деятельностью.

— Но, когда та же самая оппозиция приходит к власти, она тоже принимает неплохие решения, которыми впоследствии, уже оказавшись в оппозиции, гордится. Польская специфика заключается в том, что, хотя этот политический театр становится всё хуже, вульгарнее, грубее, где-то там в конце проявляется нечто такое, что мы называем коллективной мудростью польского народа, и крайности отпадают. Так бывает не только у нас. Здесь в голову мне приходит пример Голландии. Когда я разговаривал с голландцами, особенно с людьми, занимающимися экономикой, их ужасали предвыборные прогнозы, по которым стране предстояло быть подвешенной между крайними, полуфашистскими правыми силами и левыми, у которых базовая идеология — коммунизм. А после выборов оказалось, что экстремисты потерпели поражение и произошел возврат к солидной голландской школе, основанной на протестантских ценностях и здоровых публичных финансах. Сколько же понадобилось намешать, чтобы вернуться в исходную точку?

— Иными словами, переводя всё это в конкретное измерение политики, не нужно бояться победы «Права и справедливости» и довольно экзотических коалиций?

— Я мог бы рискнуть таким утверждением, если бы не тот факт, что у нас есть весьма отрицательный, неприемлемый опыт правления ПиСа в сфере функционирования правосудия и понимания политических свобод. Я исхожу, однако, из предположения, что каждый имеет право совершать ошибки, если извлекает из них уроки. Гораздо большую проблему составляет то обстоятельство, что сейчас в ПиСе преклоняются перед венгерской моделью, которая плоха и в самой Венгрии ни к чему хорошему не приведет. Попытка перенести эти идеи на польскую почву представляется мне фундаментально ложной.

— Сила правительства вытекает сегодня из слабости оппозиции — такая фраза повторяется часто. Это правда? Оппозиция же на самом деле сильна, зачастую она задает тон всей дискуссии.

— Оппонентов у правительства много, и они сильны. К сожалению, концентрируются они главным образом на уже упомянутой «театральной» сфере. Это приводит к тому, что им недостает логичности и каждые несколько месяцев они высказывают фундаментально противоречащие мнения. Взять хотя бы тотальную критику правительства при изменениях в открытых пенсионных фондах, а теперь они выдвигают предложения об их практической ликвидации. Или же они заламывают руки по поводу государственного долга, а через минуту вносят длинный список новых расходов. И так без конца.

Гражданин так и не может понять, чего же эта оппозиция на самом деле хочет, какова ее программа. Теперь много говорится о техническом правительстве с каким-то премьер-министром, которого намерена поддержать вся оппозиция, но зачем нужно такое правительство, что оно должно сделать — этого мы не знаем. Это и есть театр, где актеры точно знают, что это только сцена, а когда они

ее покидают, идет нормальная жизнь, и никакого технического правительства, равно как и нового премьера не будет, потому что ни один серьезный человек не позволит впутать себя в одномоментное разыгрывание какой-то гротескной роли.

— Технического правительства не будет, но будут демонстрации.

— Будут. Свящ. Рыдзык в состоянии мобилизовать существенные группы своих сторонников, имеется также эффективный профсоюзный аппарат, и несколько тысяч функционеров наверно приедут. Демонстрации в демократии — дело вполне нормальное, и надо с ними жить.

— Может ли наступление разных оппозиционных партий, даже если оно не создает никакой альтернативы, усиленное маршами зрителей телевидения «Трвам» и протестами «Солидарности», оказаться опасным для правительства?

— Могу процитировать только тех актеров этого театра, кто выступает публично. Они рассказывают о каких-то невероятных программах или о кульминации протеста, которая должна прийтись на 29 сентября, после чего плавно переходят к анализу шансов своей группировки на выборах, которые состоятся через три года, в 2015 году. Собственно говоря, они огорчаются, что Туск может править третий срок подряд.

— А действительно может?

— Почему бы нет? Если он сумеет провести Польшу через очень трудный следующий год, то, на мой взгляд, у него будет очень сильный мандат, чтобы добиваться правления в течение третьего срока. Если же возвратиться к оппонентам — они не выдвигают предложения о роспуске парламента, потому что, выдвинь они его со всей решимостью, мы, быть может, имели бы дело с иной динамикой политических процессов.

— Это было сказано одним из епископов в Ченстохове во время паломничества «Солидарности».

— Пока этого не говорит Качинский или все лидеры оппозиционных партий, это только второй акт в представлении того же театра.

— А не слишком ли долго ждет премьер-министр выхода на сцену?

— Думаю, он сохраняет хладнокровие, несмотря на попытку перенести спектакль на самую болезненную для него площадку семейных, личных дел. Это хладнокровие сейчас важнее всего.

— Чего же мы должны в итоге ждать от выступления премьера? Надежды разбужены до такой степени, что их будет трудно удовлетворить.

— Это довольно просто. Необходимо прежде всего показать, что есть нечто такое, как «фирменное блюдо дома». А фирменное блюдо польского дома состоит в том, что мы поддерживаем необходимую фискальную дисциплину, но не убиваем своих шансов на развитие. Умение удерживаться на этом зеленом острове, как бы его ни высмеивали, имеет абсолютно ключевое значение для будущего Польши.

POLITYKA

Ежи Регульский

О САМОУПРАВЛЕНИИ В ПОЛЬШЕ

Недавно исполнилось 22 года с момента проведения реформы территориального (муниципального) самоуправления в Польше. О том, что такое самоуправление, о работе над его реформированием, а также о том, каковы дальнейшие перспективы его развития и каким образом формирует оно гражданскую позицию поляков, рассказывает инициатор и один из проводников реформы, профессор Ежи Регульский. В 1988-1990 гг. — член Гражданского комитета при Лехе Валенсе, в 1989 — сопредседатель комитета по делам самоуправления во время «круглого стола», в 1989-1991 гг. — уполномоченный правительства по делам реформы самоуправления. Основатель и председатель Фонда развития местной демократии. Ныне общественный советник президента Бронислава Коморовского по делам самоуправления. Кавалер высшей польской государственной награды — ордена Белого Орла.

■ Что такое самоуправление?

Согласно определению Европейской хартии местного самоуправления, самоуправление — это право и способность местного сообщества решать свои вопросы в пользу собственных интересов. Это означает, что система должна давать возможность принимать решения в своих делах, а сообщество, в свою очередь, должно быть готово нести за них ответственность. Польша провела эту реформу, стартуя с позиций советской конституции, опирающейся на принцип централизма и ведомственной организации государства. В основе этой системы было прикрепление человека к месту работы. На работе человек получал квитанции на приобретение автомобиля, делал личную карьеру, там были партийные организации, там получали ордера на квартиры или путевки на отдых. Система была ведомственная, с полным подчинением местных структур отдельным ведомствам.

Однако при этом не было возможности организовать сообщество вокруг места жительства. А ведь именно там мы нуждаемся в услугах и благоустройстве территории, которая определяет условия нашей жизни, независимо от профессии или рода деятельности. Создание же этих условий и удовлетворение потребностей жителей — это и есть задача местного самоуправления.

Реформа, которую мы предприняли в 1989 г., была возможна лишь потому, что мы работали над ней десять лет. Первые ее предпосылки я показал в мае 1981-го, и в течение следующих восьми лет, в ситуации, в принципе, безнадежной, относительно небольшой группой людей мы работали над созданием концепции возрождения самоуправления. Нам было ясно, что только сила общества может изменить систему. Элита не изменит системы. Должна быть поддержка политической силы, и этой политической силой была только гражданская активность общества. На противоположной стороне находилось организованное государство с целым аппаратом давления и контроля, которое нужно было реформировать, изменить.

Когда появился шанс реализации этой программы, она была готова, и в очень короткие сроки реформа была проведена. В июле 1989 г., после первых выборов в парламент, Сенат постановил предпринять законодательную инициативу, чтобы возродить самоуправление. Потом было создано правительство Мазовецкого, в котором я занял должность уполномоченного по делам реформы самоуправления. До марта 1990 г. полностью была проложена законодательная тропинка, изменяющая около ста законов, точнее — 94.

Наша концепция самоуправления заключалась в упразднении пяти монополий коммунистического государства. Первой была политическая монополия. Выборы в органы местного самоуправления 1990 г. были первыми в полном смысле свободными выборами. Была упразднена монополия партии в назначении кандидатов. Во-вторых, была ликвидирована монополия центральной власти. Так, в коммунистической системе органом власти было правительство, парламент и партия, стоящая за ними.

Все общественные дела были подчинены центральным решениям. Реформа самоуправления ввела разделение между правительством с его администрацией и единицами самоуправления. Таким образом, возникла сфера общественных дел, исключенная из компетенции правительства, была отключена иерархическая зависимость. Премьер-министр не может давать поручений мэру. Безусловно, существует система контроля, но мэр остается независимым в своих решениях. На практике это означает преодоление концепции авторитарного государства, основанного именно на централизации. Мы ввели тогда также судебную опеку над автономией местных властей, дающую мэру право на обжалование решения центральной власти в суде, если она вмешивается в его компетенцию.

У нас были примеры судебных разбирательств: гмина [волость] N против государства. Суд решал, кто прав — гмина или правительство. Третья упраздненная монополия — это монополия собственности. Прежде вся общественная собственность была собственностью государственной. Мы освободили гмины, поветы [уезды] и воеводства. Теперь они обладают собственным имуществом, которым распоряжаются как полноправные владельцы. Гмина может сделать с ним всё, что посчитает нужным. В-четвертых, мы избавились от финансовой монополии. Гмины получили собственные деньги. Теперь они ведут самостоятельное финансовое хозяйство и имеют собственные бюджеты, которыми свободно распоряжаются, хотя частично пополняют их из бюджета государства. Прежде существовал лишь государственный бюджет, который гмина могла использовать. Наконец, была отменена монополия администрации. Раньше каждый работник гмины был государственным работником. Теперь у гмины появились свои собственные работники, работники территориального самоуправления. Из этого вытекают дальнейшие последствия. Тот факт, что гмина получила юридическую самостоятельность, возможность распоряжаться собственностью, деньгами, позволил ей получить доступ к банковскому кредиту. До этого гмина, будучи только государственной административной единицей, не имеющей ни юридической самостоятельности, ни денег, ни собственности, не могла брать кредит, это мог сделать только министр финансов. Возникла качественно новая модель функционирования. Система дала возможность местному сообществу принимать решения под собственную ответственность и от своего имени.

■ Условия проведения реформы

Чтобы такого рода реформа удалась, должны существовать четыре основных элемента. Во-первых, должна быть политическая воля лидеров, осознающих, что дело здесь не только в декларации, но и в действительном изменении системы государства. Каждое изменение приводит к тому, что одни при этом приобретают, а другие теряют. Такого рода реформы встречают всегда огромное число противников. Существует риск политического поражения, противники могут выиграть. А значит, это политическое решение должно быть предпринято с осознанием риска и сопротивления, которое нужно будет преодолеть. Второй момент — необходимо знание экспертов: что делать и как? Изменения затрагивают все сферы общественной жизни, так что деятельность местных властей касается самых разных ее аспектов, начиная с призыва в армию и заканчивая содержанием дорог, школ, охраны окружающей среды, коммунальным строительством, градостроительным зонированием и т.д. Третий вопрос — общественная поддержка. Чтобы система заработала, недостаточно просто изменить законы. Дело в том, что законодатель создаёт юридические рамки, в которых люди, предприятия и органы самоуправления будут действовать. Если люди не понимают сущности реформ, закон наполняется совершенно иным содержанием либо вовсе остается мертвым. Иными словами, существует огромная проблема общественного понимания. Ментальность людей изменяется значительно медленней, чем закон. Закон можно изменить за пару недель или месяцев, труднее перестроить государственные институции, это длится дольше, чем само изменение закона. Но дольше всего происходит изменение человеческой ментальности и привычек. Это вопрос многих лет и даже поколений и, как правило, в определенное время происходят некоторые сдвиги. Это само по себе представляет собой большую проблему, проблему координации в момент изменения закона и приспособление его к ментальности людей. Если закон изменяется медленно, то люди чувствуют себя неудовлетворенными, поскольку не могут действовать. Если изменение происходит слишком быстро, люди не понимают сущности закона и закон не работает. И так плохо, и так нехорошо. Ну и наконец, четвертый вопрос — кадры. Нужно иметь в распоряжении те сотни тысяч людей, которые обладают умением работать в новых условиях. Думая об условиях, в которых осуществляется реформа, говоря

о том, как важна общественная поддержка и кадры, мы создали независимую организацию — Фонд развития местной демократии. Он возникла по инициативе пяти тогдашних парламентеров, связанных с идеей реформы. Проблема заключалась в том, что парламент может изменить закон, правительство может перестроить институции, но человеческую ментальность (посредством образования, демонстрации положительного опыта) может изменить только неправительственная организация. Правительственная администрация не в состоянии вводить новшества, поскольку администрация всегда консервативна, она стремится сохранить свою модель. Нужно помнить, что никогда центральная администрация сама не реорганизуется. Любая корпорация против изменений. В связи с этим правительственную администрацию, администрацию государства нужно изменять также посредством другой организации. То есть деятельность, направленная на проведение реформы, требует в то же время работы по многим другим направлениям.

■ Противники реформы

Главным противником была существующая администрация. Это были люди из партийного аппарата, которые знали, что в большинстве своем окажутся вне системы. У меня в памяти остались разные события из времени проведения реформы, когда я представлял правительство. Президент Ярузельский принял права прежнего председателя Государственного совета, который имел высшую власть в отношении ко всем советам в стране. Эти якобы избранные советы создавали также иерархическую пирамиду. Президент Ярузельский каждый квартал устраивал встречу с председателями воеводских советов. Меня как представителя правительства приглашали на эти встречи. Помню прощальную встречу с ними перед выборами самоуправления в 1990 г., когда я говорил им, как будет выглядеть новая система, как она будет замечательна и прекрасна. Я видел в глазах этих 49 людей такую ненависть, что был рад присутствию президентской охраны, так как боялся, что меня разорвут. Ведь я их всех, по сути, устранял из общественной жизни.

Против реформы были профсоюзы. Сила профсоюзов в том, что они огромны, организованы вокруг определенной отрасли, ввиду чего заинтересованы в том, чтобы как можно больше дел можно было решить на центральном уровне, в ведомстве, находящемся под началом того или иного министра, перед которым они представляют интересы тысяч работников данной отрасли. Создание местных властей ограничивает полномочия министров, происходит децентрализация полномочий. В результате этого профсоюзы теряли партнеров в лице министров, так как министры лишались полномочий. Профсоюзам следовало бы децентрализоваться, но децентрализация означала утрату их силы.

Противниками были, конечно, все министерства, так как они теряли власть. Если даже министры сами объявляли о готовности сотрудничать, то им преграждали дорогу директора отделов.

Проводя тогда реформу, я проиграл в некоторых вещах именно из-за этого сопротивления. Я представлял институцию, которой не существовало. Поэтому у меня не было никакого политического тыла, который бы поддерживал эти инициативы. На моей стороне была политическая сила премьера и его доверие. Но несмотря на это я находился в положении слабого человека, который хочет что-то изменить.

Мало кто понимал сущность реформы, чувствовалась нехватка примера, опыта. Кто знал, что такое самоуправление, в чем его суть? У разных групп были свои собственные интересы. Мы хотели, чтобы школы были отданы гминам, потому что школа — это главный культурный центр деревни, а значит, она представляет местные интересы. Раздавались выкрики, что они не могут отдать школы, а то жена войта будет решать, как дети будут учиться. Какими они обладают полномочиями?! Это мы (учителя, министр) знаем, как учить. Вот какие аргументы шли в ход, чтобы помешать изменениям!

Таких групп интересов, которые хотели бы создать собственное государство, было очень много. По этой причине реформа осуществлялась с трудностями, а потом и вовсе была остановлена. Вообще в течение всего времени у нас в Польше наблюдаются конфронтации двух моделей организации государства и общества. Одна модель — это модель ведомственная, в которой управляют отдельные ведомства с министрами и с ведомственной администрацией. Вторая модель — территориальная, основанная на децентрализации, на повышении ответственности органов самоуправления, то есть местных властей, объединяющая людей по месту жительства, а не работы. Потребности у нас, вне зависимости от того, кто где работает, у кого какая профессия, в основном одни и те же. Школа, коммуникации, безопасность, здо-

ровая окружающая среда — эти элементы объединяют нас, и за них не должна отвечать местная власть. Но мы в Польше все время наблюдаем борьбу этих двух антагонистических моделей. Проявляется она в создании изолированных служб, подведомственных центру. Нет необходимости, чтобы, например, санитарная служба составляла отдельную отрасль, подчиняющуюся министру. Она с таким же успехом может подчиняться старосте повета или воеводе. Наблюдается сильное давление со стороны тех, кто хочет создать особую отрасль строительного контроля, со стороны тех, кто хочет отнять его у местной власти и подчинить министру. Словом, каждый хочет построить свою собственную империю.

■ Гражданское общество: условия для его возникновения

В Польше идея автономности и отождествления себя с местностью, осознание себя членом данного сообщества и одновременно ответственность за его развитие, продвигается медленно. Система самоуправления в разных странах создавалась в разном общественно-историческом контексте. Самые сильные системы самоуправления возникли в странах, где отдельная группа людей жила под влиянием сильной внешней угрозы. Так было в США, где поселенцы, чтобы выжить во враждебном окружении, должны были объединиться. Соединенные Штаты Америки создавались как бы снизу, взбираясь вверх, начиная от сети регионов и заканчивая возникновением государства. В Скандинавии люди перед лицом природы, в ситуации, когда в течение полугода они были отрезаны от мира, должны были объединиться, чтобы выжить. В Голландии, в свою очередь, объединяющим фактором была борьба с водой. То есть это те элементы, которые создают самоуправление. В странах Центральной Европы была обратная ситуация. Были княжества, королевства, и процесс децентрализации шел очень медленно. Передача власти вниз происходила по мере усиления общества. Иными словами, у нас был обратный порядок. В Польше, собственно говоря, не было местных традиций. Хуже всего то, что период разделов пришелся на время, когда в Европе создавались современные государства. Захватническое государство было чужим, всякая власть была чужая. Это ощущение «Мы и Они», «Мы — хорошие граждане и Они — плохая власть», длится до сих пор. Поэтому люди не отождествляют себя с властью. Люди всё еще не осознают совместной ответственности за государство, не осознают, что это мое государство, что это мой президент, мой войт или мой премьер.

Когда мы проводили второй этап реформы, то есть организацию воеводств и поветов, появились мнения, что коль скоро вводится автономия для воеводств, то государство наверняка развалится, будет децентрализация — и Польшу разорвут на куски.

Тогда мы пригласили в Польшу итальянских экспертов. В Италии очень сильны были центробежные тенденции. Тамошние регионы имеют долгую историю. Южный Тироль, к примеру, населен немецкоязычным меньшинством. В этой ситуации у итальянцев было два выхода. Или стараться это централизовать и силой подавлять эти центробежные движения, или, напротив, дать полномочия регионам. Они пошли вторым путем. Каждый регион получил возможность решать языковые, культурные вопросы, вопросы школьного образования в своих пределах и в соответствии со своими потребностями. То, что объединяет итальянцев, — это экономика. Однако такого подхода у нас всё еще не понимают.

Проблема состоит в том, что центральная власть боится изменений, поскольку считает, что только посредством централизации, удерживая всё в своих руках, можно хорошо управлять, что-то изменять. Местные власти в целом хотят что-то делать, но у них есть юридические и административные ограничения. А общество не очень хорошо понимает, в чем суть, и остается пассивным. Поэтому нет политической силы, чтобы действительно что-то предпринять. Центральная власть должна понять, что децентрализация — это не угроза.

Однако возрождение самоуправления принесло огромную пользу развитию. Я проводил исследования инвестиционных эффектов, сравнивая два временны́х промежутка — десять лет до и десять лет после проведения реформы самоуправления. Например, водопровод. Магистральная сеть в тысячи километров. Прирост в 1980-1990 гг. — 2,2 тыс. км, в 1990-1998 гг. — 20 тыс. километров. То есть прирост составил 950%. Подключение водопровода к зданиям: в 1980-1990 гг. подключены 328 тыс. зданий, в 1990-1998 гг. — 2 млн., в шесть раз больше. Это конкретные результаты. Почему? Потому что в одной и той же стране в один и тот же период мы имели дело с двумя совершенно разными устройствами государства. Местные власти знают, в чем люди нуждаются, какова иерархия потребностей, на чем следует концентрировать внимание.

Другой пример. Развитие потребностей людей анализировалось с точки зрения местных бюджетов. Так что же людям мешало? Прежде всего нехватка воды и недостаток телефонной связи. Это были первостепенные нужды сельского населения, а также населения малых городов. Вопрос связи решился сам собой благодаря сотовым телефонам. Приоритетом был именно водопровод. Потом чуть позже пришло время канализации, так как в канализации нуждались меньше. Затем тротуары и уличное освещение. Причем речь шла не об удобстве ходьбы, а о безопасности детей, идущих в школу. А затем настало время вопросам ремонта школ, уровня школьного образования, спорта, культуры. Спустя 15 лет после реформы началось бурное развитие аквапарков, бассейнов, спортивных стадионов, домов культуры и т.д. Сейчас этот процесс несколько приостановился из-за экономического кризиса. Тем не менее именно в этих отраслях — спорте, культуре — мы имеем огромную активность местного населения. Количество начинаний внушительно. В Фонде развития местной демократии мы присуждаем ежегодную премию в области общественного объединения вокруг местных традиций и культуры. Для нас культура и традиции — это инструменты общественной интеграции. Можно заметить, что люди всё охотней отождествляют себя с местностью, и таких начинаний очень много.

Самоуправление сыграло огромную роль в развитии Польши. Благодаря активности местных сил Польша изменилась в значительной мере. Такой прогресс не был бы возможным, если бы всем управляли министерские чиновники. Благодаря реформам возникло многочисленное и высокопрофессиональное сообщество местных политиков и администраторов, способных управлять своими гминами и поветами. Благодаря их деятельности условия жизни изменились радикально. Многие считают, что возрождение самоуправления было одной из наиболее удавшихся реформ в Польше.

■ Совместное решение граждан

6 ноября прошло большое совещание в канцелярии президента, касавшееся общественных консультаций. Президент решил включиться в дело усиления общественного участия в органах самоуправления и популяризации положительного опыта в этой сфере. С этой целью им была запущена программа, а также создана общественная интернет-витрина, на которой представлены продуктивные методики взаимодействия глав органов самоуправления и местной общественности. Самым интересным методикам взаимодействия будут вручены премии. В рамках этой программы будут организованы конференции. Первая конференция этой программы будет посвящена общественным консультациям. В общем, в этом деле у нас неслыханный интеллектуальный и концептуальный хаос. Проще говоря, дело касается концепции взаимодействия «гражданин — государство». Вопрос в том, чему должны служить общественные консультации в ситуации, когда у нас демократически выбранные власти. Они представляют общество как целое, а также несут ответственность за развитие отдельных местностей или больших территорий. Цель общественных консультаций — создать дополнительный канал информации, чтобы люди могли делиться своими идеями, концепциями не только в период выборов, но и в промежуточное между выборами время. Участие в консультациях должно сильней связать жителей со своим регионом, чтобы они могли почувствовать, что совместно принимают решения и несут общую ответственность. Но консультации не должны мешать принятию решения и верному управлению. А всегда найдется достаточно много людей, которые в собственных интересах захотят что-то испортить или чему-то помешать. Поэтому нужно так организовать консультации, чтобы они давали положительные результаты, чтобы позволяли жителям участвовать в общественной жизни, но при этом не тормозили решений. Роль неправительственных организаций в этой области огромна. Они организуют общество и создают гражданские позиции. Должны сформироваться соответствующие формы сотрудничества с местными властями. Ведь гражданское общество — это такое, которое умеет управлять собственным государством посредством конституционно избранных властей.

Записал Аркадиуш Хабера

СОЖАЛЕНИЯ О РОЖДЕНИИ

Тенденция к уменьшению числа детей и еще большему постарению общества в целом приобрела устойчивый характер. Демографическая яма уже лишила работы тысячи школьных учителей. Так ли страшен ДЕМОнстр, как его малюют?

Кто не родился, от того не родятся дети, а тот, кто уже родился, будет жить дольше, чем жили предки. Демографическое будущее Польши прогнозируемо, хотя неочевидно. Что означает демографическая яма для системы образования, здравоохранения, рынка труда? Для будущих школьников, студентов, людей, ищущих работу, опекунов престарелых родителей? Можно вообразить, что будет так: обучение в малокомплектных школах, рынок, на котором будут защищены права работников, уменьшение очередей к врачам. Или так: ликвидированные школы, ничтожные трудовые договора, закрытые амбулатории. Сейчас государство еще может изменить вектор перемен. Посмотрим, собирается ли оно вообще это делать.

■ ***ДЕТИ: лучшая школа или ликвидация школ?***

Одну возможность мы уже явно упустили: чтобы — как только демографическая яма затронет школы — классы стали малочисленнее и чтобы в школе остались только лучшие учителя. Чтобы наконец сбылась мечта педагогов-теоретиков: обучение в комфортных условиях и доброжелательной атмосфере. Образовательный смысл имели бы даже гимназии.

Тенденция очевидна уже с десяток лет, а в перспективе за два десятилетия число школьников сократится наполовину. От почти 8 млн. детсадовцев и учащихся средних школ сейчас мы имеем 5,4 млн., а через пять лет останется чуть больше четырех миллионов.

Поскольку школы у нас были тесными, а классы переполненными — по 30 человек и даже больше, — немного требовалось, чтобы дети и их учителя, те, кто остался бы в профессии, почувствовали перемены к лучшему. Десять лет назад на одного учителя приходилось 20 учеников, сейчас — девять. Однако классы не стали малочисленнее, потому что сократилось число школ. Так органы самоуправления экономили.

Они действовали так из-за того, что система финансирования школ устроена нелогично: за поддержание школ и за выплату учительских зарплат гарантированного размера отвечают органы местного самоуправления, которым государство перечисляет на это определенные суммы, но суммы эти зависят от числа учеников на территории гмины. Чем сильнее сокращается число учеников, тем труднее гминам финансировать школы. Дотации министерства образования растут, однако не покрывают всех расходов, таких как обязательные доплаты учителям. Система не менялась десятилетиями. Кроме того, хартия учителя гарантирует особый порядок найма и увольнения. На практике высокооплачиваемых учителей проще уволить, ликвидируя школу. В последние годы органы самоуправления пытались выкупать хартии учителя. Не удалось, и в конце концов начали увольнять, ценой больших выходных пособий.

Уже понятно, что в 2013 г. потеряют работу около 7,3 тыс. учителей и еще большее число получит предложение работать на неполную ставку, т.е. им обеспечат занятость, но не выживание. По данным Союза польских учителей, на неполную ставку вынуждены будут перейти около 18 тыс. учителей, по данным других профессиональных союзов — до 30 тыс. человек. Министерство образования сожалеет, одновременно заявляя, что школы — согласно закону — дело органов самоуправления.

Уволенным не предлагают ничего. Есть только единичные местные проекты. В Вальбжихе, например, некоторые могут рассчитывать устроиться в один из трех новых детских садов и яслей. Учителя, таким образом, сами ищут себе работу, например, на интернет-порталах. Некая Ивона на сайте egzaminy.pl пишет, что имеет квалификацию учителя биологии, но берется также за работу стилиста. Преподавательница химии и физики, помимо услуг репетитора по школьным предметам, предлагает услуги косметолога. Только никто не звонит.

Вывод: школы останутся такими же тесными, как были, классы — такими же многолюдными, качество обучения существенно не изменится, а более 200 тысяч ежегодно выпускаемых магистров педагогики отправятся наводить клиентам маникюр.

■ ***СТУДЕНТЫ: конец халявы или преобладание слабых курсов?***

Число потенциальных студентов вскоре сократится на треть. В 2002 г. в Польше было 3,2 млн. граждан в возрасте 19-23 лет, в 2012 г. — на 600 тыс. меньше. Через пять лет учебные аудитории не досчитаются 500 тыс. юношей и девушек. Однако в высшей школе годами преобладающей стратегией был оптимизм. Молодежи убывало — учебных заведений прибывало. Сейчас их 470, в том числе 338 негосударственных. Только за последние два года открылось несколько десятков новых.

Хорошие частные вузы (Высшая школа психологии и общественных наук — ВШПО, Collegium Civitas, Козминский) заявляли, что обеспечат уровень образования выше университетского и это их спасет в условиях демографической ямы. Небольшие местные вузы предполагали выжить за счет того, что молодежь из мелких населенных пунктов не имеет средств на учебу в крупных городах; они заявляли, что будут приспосабливаться к местному рынку труда. Государственные вузы, подчеркивая свои заслуги в подготовке десятков тысяч молодых людей, родившихся в период демографического бума, обещали ограничить платный прием на заочную форму обучения. Но это официально. Неофициально же каждый сектор придерживается иной стратегии выживания.

Небольшие учебные заведения рассчитывают на то, что, манипулируя трудовым законодательством, наймут преподавателей за смешные деньги и будут брать низкую плату за обучение, перейдут с постоянного найма на разовые договора. Снижение зарплат, невыплата премий, привлечение весьма средних преподавателей — вот наиболее распространенные уловки. Государственные вузы открывают многочисленные, однако узкие направления очной подготовки, чтобы предложить аналогичные курсы на заочной форме уже за плату.

Профессор Мариуш Чубай из варшавской ВШПО говорит, что мы имеем дело с массовым надувательством. Чтобы привлечь студентов, учебные заведения клянутся, что предлагают подготовку по направлениям, которые «обеспечат выпускникам преимущества на рынке труда».

— Это торговля миражами, — говорит он. — В рамках подхода, в соответствии с которым абсолютно все превращается в товар. Вуз уже не место формирования мышления, образования, а фабрика, производящая «образовательный продукт».

В результате мы имеем наибольшее в Европе число высших учебных заведений и наибольшую долю студентов в населении. И самое плохое качество: 25% польских вузов, по данным испанских исследований, — худшие в мире. Преподаватели истерично жалуются на снижающийся интеллектуальный уровень студентов. Говорят, что испытывают горькое разочарование, когда стоят перед аудиторией и видят на лицах выражение полного непонимания того, о чем идет речь, так как у студентов нет интеллектуальных навыков, чтобы успевать в учебе. Профессор Роман Кужняр заявляет, что демократизация образования лишает его всякого смысла.

Вывод: надежда, что невидимая рука рынка и демография поднимут вузы на адекватный уровень, оказалась иллюзией. Наоборот, ведется беспощадная борьба за студента-клиента, которому впаривают низкосортный товар. Не похоже, чтобы хорошие вузы собирались резко повысить уровень, а плохие — исчезнуть с рынка.

■ ***ВЫПУСКНИКИ: меньше конкуренции или ноль мотивации?***

Сокращение числа студентов в вузах чуть позже должно сказаться на рынке труда. Сейчас каждый четвертый, ищущий работу, моложе 30 лет, через пять лет таких людей станет наполовину меньше. Может показаться, что для сегодняшних учащихся и студентов вновь открывается дорога к карьере, конкуренция ослабнет, крысиные бега станут менее агрессивными.

«Немного за 30» — это группа, которая хотя бы по причине своей жизненной энергии составляет движущую силу экономики. Из нее фирмы привыкли набирать новых, творческих, хорошо образованных менеджеров. Но все может измениться: идущее на смену поколение социологи уже называют *good enough*, имея в виду, что им достаточно, чтобы было «достаточно хорошо». Сегодняшние 20-летние, обманутые продающими миражи вузами, а потом наученные рынком труда, — уже не такие хищные и агрессивные в профессиональном отношении, как их предшественники. Они надломлены, опустошены и менее склонны вовлекаться эмоционально.

Например, А., 28 лет: три года на временных договорах в книжном издательстве, по нескольку месяцев сотрудничает и с разными другими фирмами. Когда просился на ставку, чтобы купить квартиру в кредит, его не взяли. Квартиру не купил. Зато начал думать об эмиграции. Или В., 25 лет: один ребенок, незапланированный, больше детей заводить не собирается. Ни в одной фирме не проработал больше года, хотя начал еще на первом курсе ради хорошего резюме. Или пани С.: уже в 25 лет она почувствовала себя опустошенной. Или Д., мать-одиночка, пытается мотивировать себя на еще более напряженную работу, ради дочки. Однако из-за малышки часто теряет самообладание, значит, такая работа еще скорее ее доконает.

Установка «хорошо, и хватит» — это вызов для руководителей и управленцев поколения 60-70-х, которые сейчас уже заправляют на рынке труда. Их девизом было «плыви, а то потонешь». Сейчас стоило бы перейти от агрессивных стратегий управления к более мягким. Эксперты в области управления полагают, что идеал современного руководителя — это уже не одинокая хищная акула, а охотящийся в дружной стае волк. Фирмы должны подумать о том, чтобы создавать команды, например нанимать на одну ставку двух человек вместо одного, стремящегося жить только работой. Однако экономический кризис стал причиной реализации противоположной стратегии: сокращения, увольнения, еще более рабские условия для работников, пренебрежение трудовым законодательством, вытеснение женщин с рынка труда — вот сегодняшняя действительность.

Вывод: «хорошо, и хватит» — это защитная стратегия: если нельзя реализовать амбиции, лучше не иметь их вовсе. Это злое предзнаменование, так как именно стремление молодых к образованию и их жизненный напор двигали развитие экономики в течение последних 20 лет.

■ ***РАБОТАЮЩИЕ: все еще полные амбиций или дохлые акулы?***

6,2 млн. сегодняшних 30-летних и 4,7 млн. 40-летних — это сейчас самая многочисленная возрастная группа в Польше. Среди них уже упомянутые «акулы», которые тяжело боролись за успех. Это люди, вышедшие на рынок труда в то время, когда безработица превышала 20%. С детства помня сермягу ПНР, затем Великую Перемену, они ненадолго поддались иллюзии, что еще на своем веку догонят лучший мир. Взяли кредиты, купили слишком большие квартиры. А затем работодатели предложили им работать на себя или перейти на договоры подряда. Это они отказались от рождения детей, потому что для одних дети было помехой карьере, а другим помешало отсутствие работы.

Ресурсы акул представляются в значительной мере исчерпанными. От поколения «хорошо, и хватит» они могли бы научиться одному: нужно знать, когда пора заканчивать, чтобы вообще выжить. Но не получается, уже заметны признаки нездоровья. Профессор Януш Хайцман, возглавляющий Польское психиатрическое общество, считает, что за польским экономическим успехом, созданным руками этого и предшествующего поколений, стоят, помимо прочего, антидепрессанты. Было принято за норму нагружать работников заданиями, которые невозможно выполнить за отведенное на это время, и человек был вынужден это как-то заглушать. Поэтому акулы прибегают к помощи фармакологии. Доходы фармацевтических компаний от продажи антидепрессантов и подобных им средств за несколько лет увеличились на треть и продолжают быстро расти.

Но лекарственная поддержка — это эксперимент повышенного риска. Недавно в Великобритании получил широкую огласку случай, когда женщина, планируя беременность, по совету врача отказалась от принимаемых годами антидепрессантов и сразу покончила самоубийством. В Польше пару лет назад право выписывать антидепрессанты получили также врачи-терапевты. И хотя страдающие неврозами составляют наибольшую долю (около 25%) пациентов, получающих психиатрическую помощь, им ничего не предлагается. Система психиатрической помощи ориентирована на стационары — три четверти средств на лечение поглощают больницы, обычно довольно бесчеловечные, за которыми тянется дурная слава «психушки» и где лечат примерно десятую часть пациентов. Районный психиатр — редкость.

Распространенности психосоматической патологии в этой средней возрастной группе не придают значения, хотя на нее обращают внимание не только психиатры или психотерапевты. Социологи подчеркивают, что мы имеем дело с обострившимися проявлениями социального дарвинизма. Страны Западной Европы в этом плане более умеренны. Мы же стремимся иметь то, чего нет у других, хотя могли бы этого и не делать.

Многим людям из этого поколения предстоит потерять работу, как сегодняшним 50-60-летним, о которых речь пойдет дальше. Здоровье, иногда просто инстинкт самосохранения велит им искать новых занятий и новых форм занятости. Рынок тоже требует быстрого перемещения сил, проектных методов работы. Кто научится, тот справится. Государство могло бы им помочь, хотя бы изменив трудовое законодательство — анахроничное, не соответствующее реалиям, ориентированное на работников, занимающих штатные должности. Того, кто работает по договорам подряда, кому закручивают гайки, не оплачивают отпусков, задерживают выплату вознаграждения, в Польше не защищает никакой закон. Как будто этого человека нет вовсе. Может быть, пришло время заметить, что он есть?

Вывод: тем, на кого опирается сейчас рынок труда, грозят выгорание, болезни цивилизации, выпадение на обочину, возможно, даже обнищание. Они могут не дотянуть до отодвинувшейся пенсии и стать бременем для поколения демографической ямы.

■ ***ЗА 50: дальнейшее развитие или участь человека на диване?***

Многих людей зрелого возраста уже коснулось изменение сроков выхода на пенсию. Действительно ли им удастся удержаться на рынке труда, сохраняя здоровье и получая удовлетворение от непрерывного развития?

По статистике, среди лиц, обращающихся за психиатрической помощью, становится все больше людей в возрасте за 50. Всего их 5,2 млн., и их уже окрестили «диванным поколением». Их рвут в обе стороны: дети, требующие длительной материальной поддержки, и престарелые родители. Они расплачиваются за отсутствие системы. Уход за беспомощным родственником многократно увеличивает риск преждевременной смерти опекуна. Выгорание и депрессия — вот что уготовано им в этой роли. Сведение жизненной активности к единственной, круглосуточной опекунской работе означает снижение доходов до 520 злотых месячного пособия, без возможности подработки (а значит, крайнюю нужду, подавленность, возможно — бегство в алкоголизм). Учреждений, куда можно поместить родственника хотя бы на несколько дней, нет. Система помощников по уходу существует, но не работает; кроме того, такой помощник обходится в 1500 зл. ежемесячно.

Если же «человеку с дивана» удается остаться на рынке труда, то его ждет еще одно испытание огнем: магический рубеж 56 лет, за которым закон предусматривает защиту от увольнения. Сегодня работодатели увольняют с хронометром в руках, на пороге волшебной даты. А потом происходит как в истории К., окончившей престижное учебное заведение за границей и руководившей отделением в банке. Многие месяцы безрезультатной рассылки резюме, распродажа имущества, продажа квартиры. Наконец, в возрасте 60 лет ее взяли няней. В китайскую семью. Она работает от зари до глубокой ночи, как приемный родитель, так как наниматели очень заняты.

Вывод: во многих сферах для сегодняшних людей «за 50» доходит, что нужно быть готовым резко менять жизненную стратегию и начинать с нуля. Политика государства здесь носит чисто символический характер. Модно говорить о том, что 50-летних рано списывать, но на практике возможностей получить новую специальность нет.

■ ***СТАРИКИ: осень жизни или кошмарное доживание?***

Выражение «только бы на пенсию», излюбленное присловье нескольких поколений поляков, тоже теряет актуальность. Уже понятно, что пенсии будут сокращаться — это очевидный эффект демографии. Пенсии старикам выплачиваются за счет того, что зарабатывают молодые, которых обычно было больше, чем стариков. А если на одного молодого приходится несколько стариков, так уже не получится. Значит, мы вынуждены переходить к системе, когда каждый сам откладывает себе на пенсию.

Диванному поколению (разумеется, тем из них, кому удастся заработать право на пенсию) еще достанется почти столько же, сколько их родителям, согласно старым правилам. Но уже сегодняшние 40-летние не могут рассчитывать больше чем на 50% от заработка. А для поколения, выходящего на рынок труда, согласно расчетам Expander'a, нормой будет 40%. Хорошо, если в течение жизни удастся сделать накопления. Однако для поколения «хорошо, и хватит» шансов что-то отложить и выгодно разместить капитал, скорее всего, не будет.

Стариков становится всё больше, а государство годами это игнорирует. Десять лет назад у нас было более 700 тыс. человек в возрасте 80 лет и старше, сейчас — почти 1,3 млн., а через пять лет прибавится еще несколько сотен тысяч. Наибольший прирост наблюдается в группе 60 лет и старше: за пять лет их

число возросло с четырех до пяти с лишним миллионов — это 13% всего населения. При этом в Мазовии нет ни одной койки для гериатрических пациентов. Во всей Польше их наберется только 684, хотя необходимо более семи тысяч. Есть гериатрическая клиника, где работают два адъюнкта, но готовят там только медсестер — не врачей. И единственное отделение для пациентов с болезнью Альцгеймера на всю Варшаву, где таких больных 400 тысяч!

Перед стариками стоят и другие проблемы: лет через десять центры крупных польских городов существенно постареют. Люди старше 60-ти составят 50% жителей этих районов. Однако именно их активно застраивают бизнес-центрами, вытесняя небольшие магазины, парки и т.п. Этому поколению угрожает перспектива замкнуться в четырех стенах, в старых домах, часто не имеющих лифта. Или отправиться в дом престарелых, но это тоже не для всех: сейчас месячная плата за место в палате на несколько человек составляет от 2 тыс. зл., а за одноместное размещение — более 5 тысяч.

Вывод: старость — это всё более устрашающая перспектива. При единственном ребенке, на которого вся надежда. И который, в том числе психически, может этого не вынести.

■ ***БУДУЩЕЕ: что вообще можно предвидеть?***

Действительность — это система многих сообщающихся сосудов. Перемены в экономике и общественном укладе происходят быстро, зачастую — непредсказуемо. Возьмем 2012 год. С одной стороны: обвал в фармацевтических фирмах, так как с введением единых цен в аптеках разом потеряли работу торговые представители. Обвал в строительстве: крупные фирмы, участвуя в тендерах, плохо рассчитали силы и им это дорого обошлось. Обвал в СМИ: переход с бумаги к сетевым изданиям перевернул эту сферу с ног на голову, и непонятно, чем все закончится. Наконец, в фирмах, живущих с экспорта: кризис. С другой стороны: впечатляющий рост узких направлений, например в медицине — производство кабинетных установок для УЗИ (ультразвуковых исследований).

— *На микро-шкале, действительно, явления трудно предвидеть, однако в макро (в крупном масштабе) многие тренды известны. Например то, что имеют потенциал профессии, связанные с опекунскими услугами,* — объясняет Яцек Менчина из Института общественной политики, статс-секретарь в министерстве труда и член экспертной группы. — А также, парадоксальным образом, услуги, связанные с образованием. Только не с фундаментальным, классическим, а гибким, отвечающим на запросы. Победят те учебные заведения, которые ухватят тенденцию и предложат обучение, курсы, в том числе дистанционные.

Потому что единственный способ не проиграть в борьбе с демографической ямой, — это государственная поддержка изменений на рынке труда. Яцек Менчина подчеркивает, что этот рынок неизбежно должен стать более гибким. В новых условиях он, с одной стороны, должен опираться на людей, у которых будет возможность сменить квалификацию и которые будут способны психологически выдержать необходимость раз за разом начинать с начала, а с другой — на фирмы, которые смогут управлять людьми, уважая те приоритеты и важные обязательства, которые они имеют помимо работы.

Для этого необходимо, как уже говорилось, изменение трудового законодательства. Нужно дать людям возможность работать на неполную ставку с сохранением основных социальных гарантий, облегчить путь к индивидуальному предпринимательству, обучению, смене профессии. Чтобы человека не поглощала сразу черная дыра безработицы, куда сейчас канули многие учителя.

Ведь, как показывают социологические исследования, неуверенность и нестабильность — вот тот демон, которого поляки боятся больше всего. Потому что больше всего ценят предсказуемость. Готовы получать меньше, но хотят точно знать, сколько и когда им заплатят.

А что касается постарения общества, то именно тут создается гигантская ниша, в которой найдут работу молодые. Рынок опекунских услуг должен развиваться. Тем, для кого старость уже стала близкой перспективой, может служить утешением, что ухаживать за ними будут наверняка люди с высшим образованием. Слабым, но всё же утешением.

POLITYKA

Мартина Бунда

УНИЖЕННЫЕ СНИЖЕНИЕМ

Действительно ли нам нужно больше поляков? Мы размышляли об этом в редакции «Политики» в продолжении цикла дебатов этого журнала на тему «Рост снижения — демографические вызовы для Польши».

Что в действительности означает тот факт, что к 2035 г. поляков станет на два миллиона меньше, и есть ли на самом деле из-за чего рвать на себе волосы? Стоит ли призывать к всеобщему подъему рождаемости? А может быть, лучшей стратегией было бы приспособиться к реальности и увидеть в этом определенные плюсы? Что дадут экономике дополнительные рабочие руки, раз мы не в состоянии использовать те, которые уже есть? Наконец, не лучше ли перестроить пенсионную систему, по-прежнему в большой степени зависимую от замещения поколений, нежели рожать детей ради того, чтобы защитить Управление социального страхования (УСС)?

Хозяевами встречи были председатель Всеобщей страховой компании (ВСК) Анджей Клесык и главный редактор «Политики» Ежи Бачинский, который адресовал эти вопросы участникам. Мы пригласили к дискуссии ряд выдающихся экспертов: Михала Бони, министра администрации и цифровых технологий, Збигнева Дердзюка, председателя УСС, Станислава Клюзу из Института статистики и демографии Варшавского высшего торгового училища, Иеремию Мордасевича, советника правления Польской конфедерации частных предпринимателей «Левиафан», и Збигнева Стшелецкого, председателя Совета по народонаселению при правительстве.

■ Цифры

Суть проблемы не в том, насколько уменьшится число поляков, но в том, где и кого станет меньше. Двадцатимиллионное общество может прекрасно справляться с экономикой и социальной сферой при условии здоровья его структуры. А здоровье — это когда профессионально активная группа больше группы тех, кто живет за счет различных социальных трансфертов: пенсий, пособий, форм социальной поддержки. Двухмиллионная убыль населения к 2035 г. (следствие как снижения рождаемости, так и смертности пожилых людей) накладывается на такие очевидные и естественные тенденции, как старение тех, что уже родились. Таким образом, хотя формально наша убыль составит лишь два миллиона, людей трудоспособного возраста будет меньше уже на четыре миллиона, а число пенсионеров возрастет еще на четыре. Удвоится количество тех, кто живет за счет этих социальных трансфертов (больше пенсионеров). Если нынешние тенденции в рождаемости сохранятся, то через 50 лет почти 40% общества будет уже в нетрудоспособном возрасте, а еще 14% (дети) еще не смогут работать. У нас будет самый низкий в Европе процент младших (15-65 лет) относительно старших (старше 65 лет): 1,25:1,0. Если к тому же сохранятся нынешние тенденции, согласно которым лишь половина людей трудоспособного возраста работает, внося в систему налоги и взносы, то нам грозит масштабная катастрофа.

■ Эмигранты

Процессы, подобные происходящим у нас, касаются всей Западной Европы. Там общество тоже стареет, поэтому оно втягивает работников с других рынков. Если в Великобританию или Германию выедет несколько сот тысяч молодых работников из Польши, наша демографическая яма увеличится. А нам, в свою очередь, втягивать неоткуда. К нам не так охотно едут работники с востока. Более того, мы сами ментально не готовы их принять. Это может грозить нарастанием негативных настроений.

В ответ на вопрос, есть ли в мире какая-либо страна, где в действительности не хватает рабочих рук, эксперты привели примеры Великобритании, Австралии, Канады, добавив в то же время, что определенный процент неприспособившихся — а следовательно, безработных — представляет собой постоянное явление, не связанное с предложением на рынке труда. При этом существует определенная фиксируемая зависимость: чем больше предложение на рынке труда, тем выше инвестиции, то есть боль-

ше рабочих мест. И наоборот: чем быстрее выходят на пенсию пожилые, тем больше безработица среди молодых. Совершенно отдельную проблему, однако, представляет качество этих рабочих мест.

■ Старение

В самом по себе старении общества, говорили эксперты, нет ничего плохого. Оно стало следствием модернизации Польши — все развитые страны стары с демографической точки зрения, так как люди в них живут дольше. Проблемой становятся последствия этого: пожилые работники менее мобильны, не склонны к переездам, риску, переменам. Самые пожилые к тому же совершенно не склонны к приему неконформистских решений перед избирательными урнами, а ведь в перспективе именно они будут основным электоратом. Через несколько десятков лет уже не удастся провести радикальные реформы. Например, ту, которая следует из факта, что у государства не будет средств (уже нет средств) на стопроцентное финансирование здравоохранения, с тем, что затраты на него, из-за специфики заболеваемости пожилых людей, будут расти.

Убыль молодежи — и населения вообще — также будет явно ощущаться, например, в городах. У менее плотно заселенных налогоплательщиками городов будет меньше денег на поддержание инфраструктуры. А затем — как в Нью-Йорке в 80-е годы — города начинают беднеть, что, среди прочего, приводит к росту преступности. Так что постаревшее общество не гарантирует даже большего спокойствия и безопасности.

■ Конфликт

По мнению экспертов, нас ожидает еще и крупномасштабный конфликт поколений. Он будет серьезнее, чем у соседей, где у старших поколений есть что проедать. Поляки в большинстве своем не имеют сбережений, запасов, так что на плечи молодого поколения ляжет несоизмеримая нагрузка в виде доплат в пенсионную систему, поддержания здравоохранения, инфраструктуры и т.д. А в то же время это еще и поколение, которое — первым за долгую историю общества — окажется в худшей жизненной ситуации, чем их родители. Оно не достигнет того статуса, который есть у родителей, не говоря уже о том, чтобы занять место на ступеньку выше.

Более того, эти старшие тоже будут очень подавлены и попросту бедны; до среднего размера дотянет только 30% пенсий, так что значительной части пенсионеров понадобится поддержка учреждений опеки, которые тоже нужно будет содержать. По мнению экспертов, вероятен сценарий, при котором молодые люди, ментально прижатые к стене, будут еще более склонны уезжать в эмиграцию, за границу.

■ Выводы

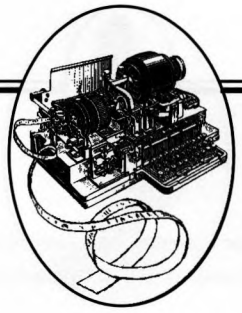
Мнение экспертов совпадает: все-таки рожать. Хотя бы немного больше. Если бы каждая двухсотая женщина решилась родить на одного ребенка больше, то в перспективе к 2060 г. у нас было бы на миллион жителей больше. По мнению экспертов, их взносы в систему социального страхования составили бы около 5 млрд. злотых. Настолько меньше потребовалось бы перечислять в ВСК — из налогов всех работающих.

Это не изменит основной тенденции, которая уже необратима по причинам, относящимся к социальной психологии. Чем позже мы рожаем детей, тем их меньше в семье. А позже рождаются они хотя бы потому, что дольше продолжается образование, меняются ожидания. Поэтому еще более важная задача — привести на рынок труда ту половину общества, которая не работает, хотя находится в соответствующем возрасте. В особенности речь идет о женщинах — традиционно несущие бремя обязанностей по уходу за детьми и близкими, они не в состоянии работать на полную ставку. Нужно разгрузить их в этих вопросах. Государство должно принять на себя больше ответственности.

Но речь идет еще и о стариках. Эксперты предложили улучшить опеку и медицинскую профилактику, чтобы как можно дольше удержать людей пожилого возраста на рынке труда. Одновременно следует расстаться с иллюзией, что уходящий старик освобождает рабочее место для молодого. В реальности, убеждали эксперты, рабочее место обычно исчезает безвозвратно.

Но важно еще и то, чтобы государственная политика в области народонаселения, которую иногда называют «просемейной», была гибкой — облегчала бы молодым людям выбор собственного пути в профессиональной карьере и рождении детей.

POLITYKA



Виктор Кулерский

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

» «Эдвард Венде, Яцек Куронь, Ежи Турович, Тадеуш Мазовецкий и многие другие разработали — а их последователи всячески пропагандировали — своеобразный кодекс этики публичного поведения. Эти люди задали определенный стандарт, в результате чего в Польше взаимопроникновение и неявное слияние политики и бизнеса считается весьма предосудительным. Польские олигархи точно не смогли бы оказаться в списках ста самых богатых людей России или Украины — в этих странах коррупция стала частью системы и полностью разъела государства изнутри. На этом фоне Польша выглядит гораздо лучше многих других стран нашего — и не только нашего — региона», — Адам Даниэль Ротфельд на вручении ему премии им. Эдварда Венде *(«Жечпосполита», 30 ноября).*

» **«Уровень жизни определяется на основе дохода, приходящегося на каждого жителя страны, с учетом его покупательной способности. В 1989 г. уровень жизни поляка составлял менее 30% жизненного уровня немца. Сегодня — свыше 50%. Полагаю, что Польша не должна останавливаться на достигнутом. То, что происходит в нашей стране после 1989 г., навсегда останется на скрижалях истории. Более трехсот лет Западная Европа развивалась быстрее Восточной. Сейчас мы, во-первых, независимы, а во-вторых, в состоянии эту дистанцию сократить, оправдав тем самым ожидания большинства сограждан». *(«Форум», 26 ноября — 2 дек., перепечатка из «Вельт» от 21 ноября).***

» «Статистика Всемирного банка показывает, что самая большая разница в доходах характерна именно для Польши. Если так выглядит наш молодой капитализм, то страшно даже представить, что будет, когда он состарится», — сенатор Ян Рулевский («Гражданская платформа»). *(«Газета польска цодзенне», 3 дек.).*

» **«Темпы роста ВВП в третьем квартале замедлились до 1,4% в год, в то время как рост экономики в предыдущем квартале составил 2,3%. Это значительное торможение, которого мы не испытывали с середины 2009 года (...). Главным фактором влияния здесь стало домашнее хозяйство. В третьем квартале потребительская стоимость была почти такая же, как в прошлом году. Это самая низкая динамика с 1995 года». *(Агнешка Каминская, «Жечпосполита», 1-2 дек.).***

» «На 0,4% снизился объем ВВП в Евросоюзе в третьем квартале 2012 года. У наиболее развитых стран (в процентах) изменение объема ВВП составило: в Великобритании — 0,0; во Франции — 0,1, в Германии — 0,9. На юге Европы: Италия — 2,4; Португалия — 3,4; Греция — 7,2; Испания — 1,6». *(«Газета выборча», 1-2 дек.).*

» **«Средства Евросоюза, полученные нами, многое изменили. Эти деньги одним махом перечеркнули представления о либеральном хозяйстве; распространилась установка, что интервенционизм — дело вполне обычное. Евросоюз — это самая социалистическая организация на свете. (...) Это экономический социализм, с централизованным регулированием, для которого характерна исключительная роль стратегий. Замечательно, что нам удалось перенять систему регулирования и охраны конкуренции, принципы свободы рынка, охраны собственности и т.д. (...) Мы вступили в современную политическую систему и в Евросоюзе можем отстаивать и проводить в жизнь интересы Польши, уважая своих партнеров и требуя встречного уважения. (...) Обретение независимости позволило нам развиваться и одновременно совершать ошибки — но делать это за свой счет. Мы сами выбрали себе друзей, пошли своим путем, и даже если наши политические и экономические предпочтения не были идеальными, они при этом оказались абсолютно незаемными. Об угрозах демократии мы можем говорить во весь голос, называя вещи своими именами. Дороги, по которым прошли другие, открыты и для нас, и мы можем учиться на чужих ошибках, избегая собственных, достаточно**

только захотеть. (...) И есть интернет, благодаря которому власть — и не только государственная — считается с мнением общества более, чем когда-либо. А ведь это только начало...», — Анна Стрежинская, в 2006-2012 гг. председатель Управления электрокоммуникаций *(«Тыгодник повшехный», 25 ноября).*

» «В общей сложности Евросоюз дал нам 73,1 млрд. евро. Мы выделили, в частности, 24,5 млрд. евро на развитие транспортной инфраструктуры, инвестиции в человеческий капитал составили 12,3 млрд. евро, дотации сельскому хозяйству — 11,6 млрд. евро, на исследования и развитие предпринимательства, а также инновации выделено 10,4 млрд. евро, на туризм и культуру, реставрационные работы — 3,3 млрд. евро, на развитие информационного общества — 2,8 млрд. евро». *(«Ньюсуик-Польша», 26 ноября — 1 дек.).*

» «Поскольку чиновники собаку съели на выбивании денег, в том числе и из фондов Евросоюза, то поводом для новых расходов могут служить самые глупые идеи. Хотите примеров? Пожалуйста: вместо того чтобы задерживать воду на глубине, потоки реки ликвидируются, а на их месте строятся каналы, чтобы быстрее реку отвести», — проф. Роман Журек из Института охраны природы Польской Академии наук *(«Дзике жиче», дек. 2012 — янв. 2013).*

» «В 2006 г. Европейское патентное бюро выдало патент на пересадку обезьяне генов, провоцирующих онкозаболевание. (...). В 2011 г. (...) на пересадку животному генов эпилепсии. (...) В 2012 г. Европейское патентное бюро выдало три патента на создание генетически измененного шимпанзе». *(Ян Пясечный, «Пшеглёнд», 25 ноября).*

» «Санкция на производство таких лекарств, как талидомид, изопреналин, эралдин и — с недавних пор — TG-1412 (моноклональное антитело, помогающее при лейкемии и воспалении суставов (...)), ставшая возможной благодаря тестам на животных, привела к смерти либо инвалидности тысяч людей. (...) Опыты на людях повсюду признаны недопустимыми и антинаучными, в то время как заражать опасными заболеваниями здоровых кошек, собак и обезьян считается нормальным и научно обоснованным. В 2010 г. на всей территории Евросоюза были запрещены опыты над человекообразными обезьянами — это исключение, подтверждающее правило, что в клуб привилегированных допускаются лишь избранные», — проф. Анджей Элжановский *(«Газета выборча», 17-18 ноября).*

» «Надеждой стареющей Польши становятся приезжие — киргизы, украинцы, белорусы, чеченцы и вьетнамцы. Без них система социальных пособий обанкротится, но польское государство все равно не собирается встречать этих людей с распростёртыми объятиями, — пишет «Пшекруй». — Они годами ждут получения статуса беженца либо другого варианта легализации своего пребывания здесь, что осложняет либо делает невозможным получение ими разрешения на работу. В итоге они вынуждены прозябать в центрах для беженцев по всей Польше». *(«Жечпосполита», 27 ноября).*

» «Согласно новейшим данным Главного статистического управления, в 2011 г. в Польше решило остаться 15 524 иностранца, а около ста тысяч пребывало здесь временно. В том же году Польшу покинуло 19 858 поляков, а еще два миллиона человек на время выезжало за границу. (...) приблизительно в 2020 г. необходимо будет снова повысить пенсионный возраст, и как минимум до 70 лет, чтобы пенсионная система не рухнула», — говорит профессор Кристина Иглицкая, демограф, ректор Института им. Лазарского. (...) — С каждым годом иностранцам живётся в Польше всё легче и легче, однако, если они хотят жить здесь постоянно, им приходится преодолевать множество бюрократических барьеров, — утверждает Денис Корели из Фонда развития поверх границ. (...) — Тяжелее всего в Польше приходится тем иностранцам, которые хотят основать здесь свою фирму. Они могут создать совместное предприятие и в нём работать, но при условии, что стартовый капитал на счете фирмы составит не менее 50 тыс. злотых, будут заключены трудовые контракты не менее чем с двумя поляками, а по итогам первого года работы фирма получит высокую прибыль, — объясняет Корели. — Если же доходы фирмы окажутся низкими, ее владелец не сможет получить разрешение остаться в Польше. Вот почему в международном перечне MIPEX (Migrant Integration Policy Index) Польша находится на 24-м месте среди 31 изученной страны». *(Иоанна Чвек, «Жечпосполита», 29 ноября).*

» ««Президент Франции Франсуа Олланд во время однодневного визита в Варшаву произнес по адресу нашей страны больше теплых слов, чем его предшественник в течении всего срока полномочий», — говорит Эугениуш Смоляр. (...) В составе французской делегации также были представители крупнейших военных заводов и концернов энергетики». *(Ярослав Стружик, «Жечпосполита», 17-18 ноября).*

» **«Принадлежавший польской армии танк «Рено FT-17» (модель разработана в 1916 г., на вооружении французской армии с 1917, русской — с 1918, польской — с 1919 г. — В.К.), захваченный Красной армией во время польско-советской войны 1920 г., возвращен в Польшу. Реликвия была обнаружена в Афганистане. Большевики захватили четыре таких танка в битве под Ровно в 1920 г. и три года спустя передали их эмиру Афганистана».** ***(«Жечпосполита», 22 окт.).***

» «Польша последней из стран Евросоюза ратифицировала 21 ноября Оттавский договор о ликвидации противопехотных мин. Польша должна будет уничтожить свои запасы мин в течение ближайших четырех с половиной лет». *(«Газета выборча», 19 ноября).*

» **«Российский государственный телеканал обвинил Польшу в осквернении останков русских солдат. Странно, что именно сейчас Польшу упрекают в том, что случилось в 1953 г., — говорит Адам Щивек из Совета охраны памяти жертв войн и репрессий. (...) Российская сторона безусловно права, утверждая, что эксгумация в 1953 г. была проведена весьма небрежно, — говорит Щивек, — я только не очень понимаю, зачем применять современные стандарты к стандартам времен войны и 1953 года».** ***(Павел Вронский, Вацлав Радзивинович, Дариуш Баранский, «Газета выборча», 3 дек.).***

» «Поляки участвуют в управлении Литвой. В состав новой левоцентристской правящей коалиции вошла — впервые в истории независимого государства — «Избирательная кампания поляков в Литве» (ИКПЛ). Ей принадлежит министерство энергетики и несколько министерских портфелей. *(«Тыгодник повшехный, 25 ноября).*

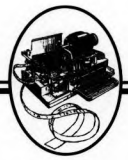
» **«Некоторые литовцы считают ИКПЛ русской пятой колонной — кроме прочих, поляки включили в избирательные списки русских. Литовцам памятно скептическое отношение наших соотечественников к Декларации независимости Литвы 1990 года. В коалицию ИКПЛ вместе с социал-демократами вошла партия Виктора Успасских и Роландаса Паксаса. Первый — миллионер русского происхождения, подозреваемый в налоговых преступлениях и протекционизме относительно собственных предприятий в их взаимоотношениях с Москвой. Второй — единственный в истории Европы президент, отрешенный от должности с помощью процедуры импичмента за то, что в кратчайшие сроки дал литовское гражданство спонсору своей избирательной кампании, подозреваемому, кроме того, в связях с мафией. (...) Октябрьский успех ИКПЛ может оказаться пирровой победой».** ***(Михал Потоцкий, «Дзенник — Газета правна», 29 ноября).***

» «Президенту Брониславу Коморовскому доверяют 69% опрошенных, не доверяют — 14%.На следующих местах в рейтинге доверия: депутат Рышард Калиш (Союз демократических левых сил — СДЛС) — 48%, министр иностранных дел Радослав Сикорский — 46%, премьер Дональд Туск — 43%. В «хвосте» списка — Ярослав Качинский, которому не доверяют 55% опрошенных (доверие выразили 25%). Янушу Паликоту не доверяют 47% респондентов, а Антонию Мацеревичу — 44%. По данным Центра исследований общественного мнения 8-17 ноября. *(«Газета выборча», 27 ноября).*

» **«35% поляков выразили удовлетворение тем, что во главе правительства находится Дональд Туск, — следует из данных ЦИОМа. (...) Противники премьера составляют 51% населения, а 14% не сформировали на этот счёт собственного мнения. Само правительство поддерживают 33% опрошенных, 34% — правительству не доверяют, 31% — не определились с выбором.** ***(«Жечпосполита», 22 ноября).***

» «В момент моего знакомства с Туском он был либералом. (...) Когда я смотрю на него сегодня, мне вспоминается реклама шампуня «два в одном», только в данном случае это смесь мировоззренческого консерватизма с социальным популизмом», — Владислав Фрасынюк. *(«Газета выборча», 8 ноября).*

» **«Новый председатель крестьянской партии ПСЛ Януш Пехоцинский (...) вошел в состав правительства как вице-премьер и министр экономики».** ***(«Жечпосполита», 5 дек.).***



» «Януш Пехоцинский считается в ПСЛ индивидуалистом, который (...) слишком много говорит о создании крестьянской партии и слишком мало о конкретных должностях и постах для членов партии». *(Кристина Нашковская, «Газета выборча», 19 ноября).*

» «После своей победы я никому не давал повода приходить ко мне и обустраивать свои дела. Я обещал себе и соратникам по партии «кровь, пот и слёзы», но персональных обещаний разного рода махинаторам я не раздавал. После моего избрания я называю имена не руководителей «шаек-леек», а компетентных профессионалов, независимых молодых политиков, которым улыбнулась удача и чьи организационные и хозяйственные достижения можно привнести в политику.(...) Уже много лет мы пытаемся покончить с привилегиями, проблема только в том, что каждый хочет начать с кого— то другого. Те, кто не связан с угольной промышленностью, хотят отнять привилегии у шахтеров, не связанные с силовыми структурами — у силовиков. Каждый говорит, что государство никому не обязано подкидывать лишних денег, но при этом уверен, что оно должно до последнего драться за сохранение его хлебной должности. Язык, на котором говорят о проблемах современности, деградировал до обычного набора претензий. Такой политики я проводить не собираюсь», — Януш Пехоцинский. *(«Тыгодник повшехный», 2 дек.).*

» Поддержка партий: «Гражданская платформа» (ГП) — 33%, «Право и справедливость» (ПиС) — 28%, СДЛС — 8%, ПСЛ — 8%, «Движение Паликота» — 6%. По данным статистики за 8-9 декабря. *(«Жечпосполита», 11 дек.).*

» По данным экспертизы фонда им. Стефана Батория: «Депутаты Сейма лично заинтересованы в продвижении законов, которые так или иначе касаются тех сфер деятельности, с которыми они либо их близкие непосредственно связаны». Ежи Стемпень, бывший президент Конституционного суда: «Как минимум половина постановлений Конституционного суда признаёт неконституционным тот или иной закон полностью или в части. Несмотря на это депутаты сейма лоббируют такие законы, что вредит общему состоянию польского законодательства». Анджей Кальвас, бывший министр юстиции: «Главное зло заключается (...) в нехватке политической культуры, а также в партийности государства. Мы постоянно вынуждены считаться с чьими-то партийными интригами. Более того, интересы партий оказываются важнее интересов государства. Борьба за голоса избирателей, попытка любой ценой удержаться у власти — вот к чему в итоге сводится законотворческая деятельность депутатов Сейма. *(«Газета выборча», 15 ноября).*

» «6 октября во время визита в Белосток Ярослав Качинский сказал: «Для нашей партии было б лучше всего, если бы в Польше всё сгнило до основания»». *(Вальдемар Кучинский, «Газета выборча», 30 ноября).*

» «Если я постоянно буду умно выражаться, то больше 4% голосов мне не видать», — Януш Паликот *(«Газета выборча», 1-2 дек.).*

» «Несколько сотен «крестоносцев» под предводительством о. Лукаша Каминского в воскресенье 11 ноября окружили Сейм живым кольцом, держа в руках четки. Участники «крестового похода четок за отечество» пытались изгнать беса из парламента. (...) Их ряды плотно окружили здание Сейма. «Крестоносцы» произнесли десять молитв и встали на колени: — Изыди, сатана, освободи место Церкви. Спаси нас от демона, Богородица, — призывал священник, окропляя Сейм святой водой. Ему помогал о. Ежи Гарда, миссионер, служащий в Африке, призывавший использовать африканский опыт в борьбе с... дискриминацией и апартеидом. Он упомянул, что может «позвать своих зулусиков на помощь»». *(МЗБ, «Факты и мифы», 22 ноября).*

» «Ректор Быдгощского университета им. Казимежа Великого проф. Януш Остоя-Загурский оказался первым государственным служащим, настолько уважающим конституцию, что осмелился (...) осуществить на практике ее принцип о невмешательстве государства в вопросы совести и вероисповедания. (...) Сняв крест [со стены ректората], он тем самым продемонстрировал, что в стенах государственного учреждения невозможно отдавать предпочтение христианам перед представителями иных конфессий, а также ставить верующих выше атеистов. (...) Ведь в костелах тоже нет государственного герба. В церкви раз и навсегда заведен абсолютно независимый от государства

порядок, при котором гражданство верующего не имеет никакого значения», — проф. Ян Хартман *(«Газета выборча», 30 ноября).*

» Исполнение в Польше решений Европейского суда по правам человека в Страсбурге: «С точки зрения конкретного индивидуума, это еще как-то работает — если возмещение вреда происходит сразу. Но если говорить в целом о попытках государства прекратить нарушения прав человека, то положение выглядит просто драматично. 800 решений до сих пор не исполнены. С учетом того, что суд выносит сто постановлений ежегодно, это означает, что проволочка по их исполнению занимает восемь лет! А решений выносится всё больше. Если до 2000 г. их было принято всего восемь, то потом на нас обрушилась целая лавина. Наше государство выигрывает ежегодно около десяти дел», — Моника Гонсёровская, адвокат по правам человека. *(«Политика», 21-27 ноября).*

» **«Не так давно один варшавский суд приговорил Януша З. к трём месяцам лишения свободы (будучи «рецидивистом», осужденный уже не мог рассчитывать на условный срок) за кражу электроэнергии. Суд оценил ее стоимость в 70 грошей. Прокуратура, обвинившая Януша З. в краже электроэнергии в свою очередь оценила убытки в 10 злотых. Стоимость же судебных расходов составила свыше двух тысяч злотых, а сам судебный процесс растянулся на шесть заседаний». *(«Жечпосполита», 27 ноября).***

» «Налоговая система в Польше так запутана, что отечественные предприниматели тратят на улаживание налоговых формальностей рекордное количество времени — 286 часов ежегодно. С точки зрения адекватности налоговой системы Польша находится на компрометирующем 114-м месте в мире среди 185 исследованных [стран]». *(«Жечпосполита», 21 ноября).*

» **«В среднем хозяйственные споры в Польше длятся около 35 лет, что только повышает риск при осуществлении предпринимательской деятельности», — Хуберт А. Занишевский, член Польского делового совета. *(«Жечпосполита», 7 дек.).***

» «Шкала, в соответствии с которой «Transparency International» оценивает степень коррумпированности публичных институтов, насчитывает от нуля (наивысший уровень коррупции) до ста пунктов. В этом году Польша, получив 58 пунктов, оказалась на 41-м месте (из 176-ти). (...) На той же позиции мы находились в прошлогоднем рейтинге. (...) При составлении сводки организация пользовалась, в частности, данными Всемирного банка и Мирового экономического форума». *(Нино Дзикия, «Дзенник — Газета правна», 6 дек.).*

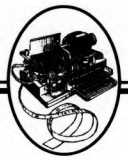
» **«В этом году было выдано уже семь из десяти концессий на поиск и разработку руды цинка, свинца, вольфрама, молибдена и урана. (...) В течение 3-15 лет в южной части Польши может появиться свыше 15 рудников по добыче из-под земли металла.(...) Район Мышкова — это территория с высокой концентрацией молибдена и вольфрама, подтвердили в Государственном институте геологии. Часть геологов считает, что это одно из самых больших месторождений на земле. Его богатства насчитывают свыше 550 млн. тонн. (...) В Польше находится свыше 20 зарегистрированных месторождений цинка и свинца, чей объем составляет свыше 79 млн. тонн. Месторождения урана исследованы пока что недостаточно хорошо, хотя перспективы самые многообещающие». *(Михал Дущик, «Дзенник — Газета правна», 30 ноября — 2 дек.).***

» «Газпром снизил цену на газ для Польши. В ответ на это польский нефтегазовый концерн PGNiG отозвал свой иск из арбитражного суда в Стокгольме, где пытался добиться снижения цены на российский газ — самой высокой в Евросоюзе. Насколько подешевеет российский газ? (...) Чуть больше, чем на 15%, — заявил глава казначейства Миколай Будрановский. (...) Новые расценки на газ будут действовать задним числом с весны прошлого года, в результате чего польскому концерну будет возвращена разница в размере 2,5-3 млрд. злотых». *(«Газета выборча», 7 ноября).*

» **«Польские изобретатели завоевали Главный приз жюри, а также 112 медалей и 17 специальных премий во время 61-й Международной ярмарки «Business Innowa-2012» за трансфер технологий и внедрение технического прогресса. Полякам досталось 16 золотых медалей из 21-й». *(«Жечпосполита», 29 ноября).***

» «Несмотря на то что девелоперы не могут найти покупателей на десятки тысяч уже готовых квартир, собственного жилья не имеет 630 тыс. семей». *(«Дзенник — Газета правна», 15 ноября).*

» **Совет финансовой политики снизил процентную ставку на 25 пунктов (она составила 0,25%). Главная ставка Национального**



польского банка упала до 4,25%. Такие же пропорции наблюдались в прошлом месяце. ***(«Жечпосполита», 6 дек.).***

» «В этом году на 20% выросло количество работников, которым фирмы не заплатили вовремя. Свыше чем на 50 млн. злотых увеличились долги по заработной плате — от 101 до 154 млн. зл. (...) В 2011 г. сотрудники Трудовой инспекции выявили свыше 55 тыс. случаев задержки заработной платы. С начала этого года количество таких случаев выросло до 76,5 тысяч». *(«Жечпосполита», 21 ноября).*

» **«По сравнению с предыдущим годом число покушений на самоубийство выросло на 20% (...) Чаще, чем в прошлые годы, причиной добровольного ухода из жизни были материальные затруднения. С января по сентябрь 2012 г. 3818 человек попытались покончить с собой, летальных исходов при этом было 2869. За весь 2011 г. таких попыток — 4184, из них приведших к гибели — 3062. В 2012 г. в среднем покушения на самоубийство совершались 424 раза ежемесячно, что на 76 показателей больше, чем в прошлом году, когда попытки самоубийства совершались 348 раз ежемесячно»** ***(«Жечпосполита», 14 ноября).***

» «За последние два года количество поляков, убежденных, что смоленская катастрофа произошла в результате террористического акта, выросло с 8 до 36%. (...) Масла в огонь подлил архиепископ Юзеф Михалик, заявив, что «мы ничего не знаем» о том, что произошло под Смоленском. Государство и его структуры «продолжает лихорадить», стране навязывается комплекс упадка и вырождения, нагнетается атмосфера измены и беспредела. (...) В политике, которой всегда не хватает слов, рациональное начало держится из последних сил. Хотя Польша переживает сейчас, пожалуй, лучший период своей истории, всюду царит атмосфера поражения, распада, пессимизма, взаимных упреков, практически гражданской войны». *(Мариуш Яницкий, Веслав Владыка. «Польска», 21-27 ноября).*

» **«Смоленская эксгумация. По причине сомнений относительно достоверной идентификации были эксгумированы тела двух священников, погибших в смоленской катастрофе в апреле 2010 года. На этот раз была установлена вина россиян, перепутавших тела, опознанные родственниками».** ***(«Тыгодник повшехный», 25 ноября).***

» «Некоторые приборы, которые мы использовали в Смоленске, показали на своих датчиках следы тротила. Это, однако, не означает, что мы непременно имеем дело со взрывчатыми веществами», — заявил вчера главный военный прокурор, полковник Ежи Артымяк. (...) «Если приборы показывают, что это был тротил, вероятность, что это не тротил, равна нулю», — парировал Ян Бокщанин, производитель приборов, использовавшихся для определения следов взрывчатых веществ. Он добавил, что следствие должно выяснить, каким образом следы взрывчатых веществ оказались на останках самолета. *(«Дзенник — Газета правна», 6 дек.).*

» **«Столичные власти и организаторы шествий [11 ноября, в День независимости] составили распорядок дня таким образом, чтобы их пути ни разу не пересеклись. (...) Таким образом, получилась отличная схема независимых и самостоятельных празднований, сконцентрированных исключительно на самих себе. (...) Важнейший урок, который можно из этого извлечь: если уж мы не умеем жить вместе, научимся же, по крайней мере, не переходить оппонентам дорогу».** ***(Михал Ольшевский, «Тыгодник повшехный», 18 ноября).***

» «Если Ярослав Качинский публично заявляет, что действующий премьер-министр замешан в убийстве 96 человек, в том числе президента страны, и такие заявления не влекут за собой никаких последствий: ни премьера не судят за измену, ни Качинского — за клевету, то всё это невиданным доселе образом развращает нашу молодежь», — утверждает социолог Сергиуш Ковальский. «Подрастающее поколение получает сигнал, что в этой стране каждый каждого может оплевать, облить грязью», — досадует Рышард Куплевич, учитель истории и обществознания гимназии в Пакощи. *(«Ньюсуик-Польша», 3-4 дек.).*

» **«Анализируемый фактор подрывает национальную безопасность изнутри. (...) Мы наблюдаем, как поступательно деградирует чувство государственности. Всё меньше людей идентифицирует себя с Польшей, зато всё отчетливей заявляют о себе анархически настроенные слои, выдвигающие на первый план свободу личности, забывая при этом об ответственности перед страной. (...) Это очень тревожные симптомы. (...) В таких обстоятельствах хотелось бы подчеркнуть, что сильное**

государство должно оставаться предметом нашей общей заботы», — генерал Станислав Козей, руководитель Бюро национальной безопасности. ***(«Польска», 19 ноября).***

» «Как убедить поляков, что государство самоценно по природе своей? Как доказать людям, что демократически выбранную власть нужно уважать, даже если вы с ней не согласны? И что уважение к власти, выбранной обществом, равносильно уважению к этому самому обществу? Кому под силу такая задача — объяснить половине поляков, что такое патриотизм в свободной суверенной стране, да еще и в условиях, о которых Польша не могла и мечтать в течение последних трехсот лет?» *(Ян Видацкий, «Пшеглёнд», 25 ноября).*

» **«Эскалация ненависти поражает своим размахом. Я отслеживаю ситуацию на интернет-порталах в других странах, читаю на многих славянских языках, участвую в международных исследовательских программах. И могу сказать, что агрессия, а также полная неспособность к диалогу характеризуют нашу страну намного сильнее, чем можно было подозревать. Происходит что-то весьма скверное. (...) Уже пятый год молодое поколение растет в атмосфере цинизма и подозрительности. Их сознание опустошено, и это, увы, неоперабельно. И скоро у нас будет проблема с целым поколением, абсолютно не уважающим ни государство, ни демократически избранную власть. То, что лидер оппозиции обвиняет правительство в организации смоленской катастрофы и убийстве 96 человек, абсолютно дико в условиях демократического государства», — проф. Радослав Марковский.** ***(«Газета выборча», 24-25 ноября).***

» «Польскоязычные интернет-пользователи в других уголках мира надивиться не могут, сколько в нас взаимной антипатии, зависти и банальной подлости. Степень агрессии по отношению к другим необычайно высока, и людям, ставящим очередной «социальный диагноз», просто не хватает понятийного аппарата, чтобы всё это как-то объяснить». *(Михал Кобоско, «Впрост», 19-25 ноября).*

» **«К словам нужно относиться так же, как и к делам, так что последствия в виде уголовного наказания должны наступать и в этом случае», — Мартин Круль.** ***(«Впрост», 26 ноября — 2 дек.).***

» «Синдром политической паранойи складывается из подозрительности, недоверия, неустанного поиска врагов, страха перед будущим и уверенности в собственной исключительности. Исследования подтверждают, что количество поляков, которым свойственно параноидальное мышление, в последнее время значительно выросло. Ему в первую очередь подвержены люди с низким уровнем дохода, плохо образованные, живущие на периферии, крайне, а то и фанатично религиозные, неукоснительно соблюдающие обряды. Сочетание экономического неуспеха с низким культурным уровнем, с одной стороны, и принадлежность к религиозным, почти фундаменталистским кругам — с другой, — это довольно распространенные предпосылки политической паранойи. (...) Для таких людей экономические и социальные механизмы, равно как и культурная трансмиссия, остаются загадкой; непонятна им и символика нашего общественного уклада. То, чего они не в состоянии понять, воспринимается ими как глупость либо злой умысел. Людям, охваченным политической паранойей, часто свойственен еще и коллективный нарциссизм», — проф. Веслав Лукашевич, психолог, преподаватель Высшей школы социальной психологии. *(«Газета выборча», 1-2 дек.).*

» **«В понедельник прокуратура занялась высказыванием режиссера Гжегожа Брауна, заявившего, что журналистов «Газеты выборчей» и ТВН надо убивать. Браун также призывал вешать их на уличных фонарях».** ***(«Газета выборча», 27 ноября).***

» «Можно ли провести референдум по проекту «Застрелить Туска, как собаку» и собирать для этого подписи?» — написал в своём блоге Артур Ницпонь, вице-президент клуба «Газеты польской» в Олеснице и — до вчерашнего дня — член вроцлавского правления ПиС. *(«Газета выборча», 23 ноября).*

» **«Взорвать перед сеймом автомобиль с четырьмя тоннами взрывчатки, убить президента, премьера, депутатов. Такой план вынашивал Бруно К., химик, преподаватель Краковского сельскохозяйственного университета. О несостоявшемся покушении объявили вчера Агентство внутренней безопасности (АВБ) и прокуратура. (...) — Он руководствовался националистическими, ксенофобскими и антисемитскими мотивами, а лиц, наделен-**

ных властью, называл «чужими», — сообщил прокурор Мариуш Красонь. (...) Химику предъявлено обвинение в покушении на основы конституционного строя». ***(Гражина Завадка, Марек Козубаль, «Жечпосполита», 21 ноября).***

» «Согласно данным АВБ террорист планировал покушение на мэра Варшавы Хану Гронкевич-Вальц и журналистку «Радио Зет» и ТВН-24 Монику Олейник. Два сотрудника АВБ внедрились в группу из четырех человек, участников которой террорист завербовал через интернет, призывая к «прямому действию». (...) Агентство сообщило, что террорист хранил в разных местах готовые бомбы со взрывателями. У него также был армейский автомобиль, на котором он собирался въехать на территорию Сейма». *(Войцех Чухновский, Данута Мацеяш, «Газета выборча», 28 ноября).*

» **«В каком-то смысле я давно подозревал, что рано или поздно в Польше кто-то начнет готовить теракты. Такова логика радикализации настроений: всё начинается с языка, языка ненависти, становящегося обычным делом в публичном пространстве, а потом поднимается целая волна агрессии», — проф. Ян Хартман.** ***(«Ньюсуик-Польша», 26 ноября — 2 дек.).***

» «Благодаря информатору в распоряжении полиции несколько лет назад оказался видеоролик, в котором группа молодых людей делает пробные взрывы (все это выглядит гораздо серьезнее, чем фигурирующие в деле Бруно К. данные), а также использует огнемет. В конце ролика при помощи ручной ракетной установки они уничтожают большой старый «Фиат». (...) Из восьми «героев фильма» были опознаны только трое». — Грузовик с селитрой уже не понадобится, достаточно будет встать с ручным минометом в двухстах метрах от Сейма, — предостерег Анджей Мрочень из Центра исследований терроризма в Collegium Civitas». *(Богдан Врублевский, «Газета выборча», 30 ноября).*

» **На фейсбуке профиль «Национально-радикального лагеря» насчитывает 18 тыс. участников, «Всепольской молодежи Польши» — 15 тысяч, «Национального возрождения Польши» — 5 тысяч (для сравнения — профиль самой крупной оппозиционной партии ПиС имеет в своем активе 15 тыс. сторонников).** ***(«Ньюсуик-Польша», 26 ноября — 2 дек.).***

» «Самый подходящий момент, чтобы отметить в календаре забытую дату — 16 декабря. В этот день 90 лет назад от руки ультраправого фанатика погиб первый президент независимой Польши Габриэль Нарутович». *(Петр Жук, «Пшеглёнд», 16 дек.).*

» **«Убийцу президента Габриэля Нарутовича по сей день чтят польские националисты. (...) «Всепольская молодежь» ухаживает за могилой террориста, зажигает на ней свечи и молится».** ***(Ивона Шпала, Гжегож Шиманик, «Газета выборча», 11 дек.).***

» «Сегодня, перед лицом событий, угрожающих морали и гражданственности, католическая Церковь молчит. Молчит, когда религия и ссылки на авторитет Иоанна Павла II стали орудием в руках политических и идейных оппонентов. Молчит, когда место, где хранится национальная святыня — Ясна Гура [в Ченстохове], — превращается в трибуну для партийной агитации. Молчит, когда людей, много сделавших для польской независимости, польской культуры, публично оскорбляют по религиозным мотивам, а похороны становятся поводом для сеансов ненависти. (...) Еще недавно факельные шествия к президентскому дворцу, около которого разворачивались транспаранты с лозунгами, полными агрессии, именовались... Ясногорской молитвой, а соответствующие манифестации, дышащие фрустрацией и злобой, — «защитой креста». И об этом Церковь тоже молчала», — Стефан Франкевич, бывший главный редактор католического журнала «Вензь», редактор польского издания «Оссерваторе романо», бывший посол Польши в Ватикане. *(«Газета выборча», 11, 18 ноября).*

» **«При демократическом режиме обязательность выпускного экзамена по религии выглядела бы вполне естественно. Это не что иное, как реализация принципа равенства всех школьных предметов», — заявили епископы после состоявшейся в среду встречи Правительственной комиссии и Епископата. Очевидно, что скоро появится еще одна — кроме Церковного фонда и искусственного оплодотворения — тема для жарких дебатов между католической Церковью и правительством».** ***(«Газета выборча», 23 ноября).***

» «Отчет под названием «Кривая обучаемости» составлен в «Пирсоне» — одной из крупнейших образовательных фирм. В 50-страничном отчете

Польша фигурирует трижды. Во-первых, в Польше на рынке труда самый большой процент людей с общим средним образованием — 68% (в Германии — 59%, в Финляндии — 47%). Во-вторых, как минимум половина польских показателей в отчете близка к средней цифре, что обеспечивает Польше достойное место в других образовательных рейтингах. В-третьих, нами достигнуты определенные успехи в рамках Международной программы достижений учащихся: если в 2000 г. по итогам тестов на чтение и понимание мы занимали 25-е место, то в 2009-м — 15-е!» *(Александра Пезда, «Газета выборча», 29 ноября).*

» Майкл Гоув, министр образования Великобритании: «Хочется понять причины успехов Польши в сфере образования, о которых так много говорят в Евросоюзе. Вам удалось улучшить оценки у слабых учеников, сократить разрыв между лучшими и худшими школами. Не слишком велика и разница в уровне образования у детей из зажиточных и бедных семей. Об этом свидетельствуют все известные статистические параметры, касающиеся, к примеру, преподавания иностранных языков или даже математики. Так что можно с уверенностью сказать, что это ваше второе «чудо на Висле».(...) На месте польских политиков я сделал бы образование экспортным продуктом. Польские реформы образования еще с конца 1990-х производят на Европу сильное впечатление». *(«Газета выборча», 30 ноября).*

» «Польская школа находится в состоянии глубокого кризиса. За последние годы было закрыто 5 тыс. школ, и примерно столько же закроют в будущем. (...) Декларации о новых предвыборных программах — не более, чем пропагандистские лозунги. (...) — утверждает Томаш Эльбановский из общественной организации «Родительский адвокат»». *(Мацей Марош, «Газета польска цодзенне», 1-2 дек.).*

» Адам Енчинский: «Антиисторичный, антипольский пасквиль, — написал Ян Поспешальский о фильме «После жатвы» [Владислава Пасиковского]». Петр Форецкий: «Это фильм об обычном польском местечке. Таких деревень, где поляки во время Второй Мировой войны так или иначе участвовали в геноциде евреев, было, без всякого сомнения, намного больше. (...) Это фильм о сложных польско-польских отношениях, о нашей тайне, вышедшей на поверхность и принимавшей разные формы соучастия в геноциде. Фильм рассказывает также о заговоре молчания, о сообществе людей, объединенных тайной своего мрачного прошлого. (...) Принять этот фильм — значит существенно скорректировать наше знание о самих себе и нашей истории. (...) Мы не были всего лишь невинными свидетелями геноцида». *(«Газета выборча», 21 ноября).*

» «По мнению историков каждый фрагмент сценария Пасиковского достоверен и имеет под собой реальную почву», — Дариуш Яблонский, продюсер фильма «После жатвы». *(«Газета выборча», 20 ноября).*

» «Когда на интернет-форумах под материалами о фильме начали появляться комментарии вроде «Штур — жид», «жидовская подстилка» или совсем уж страшное «Евреи — вон!», было понятно, что (...) актера, как и его героя Калину, начинают линчевать». *(Магдалена Ригамонти, «Впрост», 19— 25 ноября).*

» «Случилось небывалое — нападки на «После жатвы» и Мацея Штура вписываются в фабулу фильма, повторяя — к счастью, только вербально — исходную драму». *(Тадеуш Соболевский, «Газета выборча», 20 ноября).*

» «Анджей Вайда [недавно положительно отозвавшийся о «После жатвы» — В.К.] рассказал как о символическом для нашего времени эпизоде, что его лечащий врач попросила Вайду найти себе другого доктора. А она, как говорится, совсем из другой оперы. Ее, конечно, понять можно, она поступила честно и бескомпромиссно, но все равно блевать от этой истории тянет», — Томаш Яструн. *(«Впрост», 19-25 ноября).*

» «Священники-экзорцисты работают, не покладая рук, а посвященный их деятельности журнал переживает издательский взлет. Что скрывается за этим интересом поляков к одержимым бесами»? *(«Польска», 30 ноября — 2 дек.).*

» «Стоит послушать, что говорят люди из разных уголков мира после просмотра моего фильма [«Это только ветер» Бенедека Флегауфа], поездить по городам и весям «цивилизованных» европейских стран, чтобы увидеть, что степень инфицированности расизмом и крайне националистическим мышлением выросла до совершенно диких масштабов. Со стороны это выглядит, как если бы мы тан-

цевали на бочке с порохом, не отдавая себе в этом отчета», — Бенедек Флегауф. ***(«Газета выборча», 10 дек.).***

» «Министр сельского хозяйства не имел права разрешать ритуальный убой животных — такое решение принял вчера Конституционный суд». *(«Жечпосполита», 18 ноября).*

» «Министерство сельского хозяйства и ПСЛ продолжают лихорадочно прилагать все усилия, чтобы легализовать ритуальный убой животных. Экспорт такого мяса позволяет выручить 1,2-1,5 млрд. злотых. Профессор Анджей Элжановский: «Процедура ритуального убоя животных может быть приравнена к издевательству и пыткам над ними. Животное должно быть полностью связано — и уже одно это провоцирует мощный стресс. Это неправда, что горло перерезается одним движением, — на практике, особенно при убое коров, таких ударов может быть десятки. Агония длится несколько минут. Известны случаи, когда корова пытается встать и убежать. Животные захлебываются кровью и содержимым собственного желудка»». ***(«Газета выборча», 8— 9 дек.).***

» «Устрашающий отчет о жизни животных на польских фермах представило по результатам своего расследования общество «Открытые клетки». Результаты оказались подкреплены фотографиями и видеоматериалами с датировкой и данными автонавигации. (...) Были обследованы 52 фермы из 800 — это в два раза больше, чем в 2009 и 2010 гг. проверила Главная контрольная палата. (...) Вот как выглядят польские фермы согласно данным «Открытых клеток»: почти везде у животных отгрызены лапы, хвосты, уши; раны гниют, у некоторых животных не хватает глаз, либо глаза сильно гноятся. (...) У многих так опухли десны, что животные не могут закрыть пасть. Раненые животные обнаружены более чем на половине ферм. (...) Нет ни одной фермы, на которой животные выглядели бы и вели себя так, что можно было бы утверждать, что соблюдены все требования закона об охране животных. (...) В то же время распоряжения министра сельского хозяйства фермеры выполняют почти неукоснительно». *(Эва Седлецкая, «Газета выборча», 19 ноября).*

» «Почти 70% поляков считают, что бывают случаи, когда ребенку просто необходимо дать подзатыльник, — гласят результаты опроса ЦИОМа. (...) 78% опрошенных при этом убеждены, что бить детей — противозаконно. ***(«Жечпосполита», 20 ноября).***

Мацей Немец

Перевод Андрея Базилевского

СТИХОТВОРЕНИЯ

Ветер

Я бы не пил перед зеркалом если б встретил кого-нибудь
с кем можно было бы выпить
не говоря ни о чём

что дальше
ещё одна исповедь
и лепет как предел
к которому стремится речь

мне уже не написать
первую книгу когда-то зачатую
в радости

радости нет
радости нет

это из другой ненаписанной книги
книги друга
который возможно уже и не друг

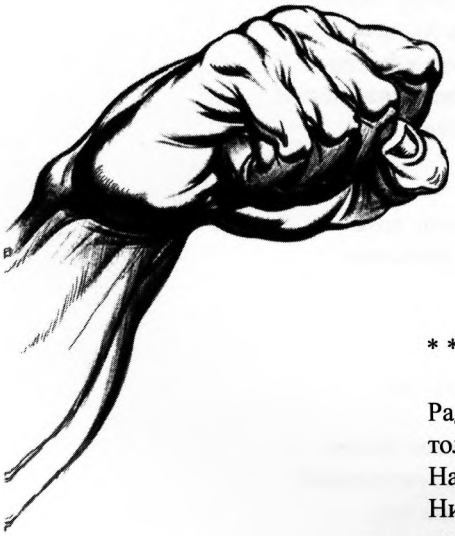
разрозненные листки насквозь продувает ветер
мы говорим на ветру
беззвучно
крича

XI 1982

* * *

Глаза мои будьте отважны
мысли будьте отважны
сердце будь отважно —
это снова жизнь, день
состоящей из дел
которых не примирить
но может быть жизнь —
что-то большее чем они

VII 1985



* * *

Радость... до неё доплывут
только размокшие бумажные кораблики.
Нас там не будет.
Никто не сможет сказать,
что она была невозможна.

Lost, lost, lost are my emanations...

Заполняя прорехи бытия, пробелы
В законах, непреодолимые пространства
Несовпадений характеров; принимая

Под охрану утраченное или украденное
Время и объекты, присвоенные либо,
Возможно, проданные без согласия семьи;

Подтекст любого соглашения —
Знамя демократии, светлая
Звезда морали, без которой

Свобода была бы оскорблением, а бытие
Застенком; заполняя, быть может, даже
Межзвёздную пустоту; заполняя

Анкеты, подсунутые нам
Жизнью; беря в свидетели жизнь, хотя
Никто не знает, что это такое; связывая

Несоединимое, разделяя
Единое; убаюкивая детей,
Она позволяет ласкать себя старцам;

Она — знание, которое опережает знание
И приходит потом; становясь единственной
Истиной, она обращается против нас;

Так мы познаём
Мир, в котором ложь требует
Именовать себя фантазией.

* * *

В темноте можно притвориться, что ничего нет,
Часы неуловимо властвуют над временем
Взгляда; издёвка времени, зеркало, время остановлено,
Погашена лампочка, закрыты ставни вечера.
Чья-то рука ощупью находит сигареты,
Подносит к твоим губам огонь.
Торопливые шаги падших ангелов,
Мостовая неба колышется под уличным фонарём.
Ладонь находит собственный ад —
Пепельницу. Но попробуй спрячься
От самого себя; ты всё-таки не выходишь из игры,
Задолго предугадав каждый ход.
В темноте ничего невозможно спрятать,
В темноте можно только притвориться, что ничего нет.

* * *

Сквозь тёмную ночь прошёл я, душа моя, сквозь ночь.
Я искал твоих глаз, душа моя,
Искал твоих глаз. Дрожа от тревоги, душа моя.
Весь дрожа. Ибо глаз там нет, не там
Глаза. Только взгляды там, только взгляды.
Ты находишь в них одно: тебя нет. А колесо вслепую
Вращается, бьёт. Без причины? Ещё оборот.

Не удержать его. Ничего не выйдет, душа моя.
Колесо увязло по ступицу. Не в тебе. Я не знаю, где.
И на что тут глаза, душа? Откуда смотрят глаза?
Не знаешь, ну и не знай. Ползай во мраке, личинка
Света. Там, куда ты идёшь. Оттуда смотрят глаза.
Смотрят, хотя уже нет ничего, чего бы они не видели.
Ночь предо мною темна, душа моя, ночь темна.

III 1987

Лешек Шаруга

ОСОБЕННЫЙ ПОЭТ

Мацей Немец, родившийся в 1953 г., с 1987-го живший в Париже и умерший там в 2012-м, высоко ценится литературными критиками как поэт, что, кроме прочего, выразилось в присуждении ему премии женевского фонда имени Костельских. Его стихи — он дебютировал сборником «Что-нибудь, поскольку» лишь в 1989 г. — публиковались и в переводах на другие языки, в том числе на французский и немецкий. Да и сам Мацей Немец, кроме оригинального творчества, занимался переводами французской поэзии.

Книга «Утоленный голод», вышедшая посмертно, включает стихи, написанные в 1996-2010 гг., и свидетельствует о еще более точной дистилляции опыта, отраженного в предыдущих книгах — «Улица вод» и «Видимый мир». Это прежде всего опыт одиночества и отсутствия почвы под ногами, свойственный чужаку, который остается посторонним в бурном, стремительном ритме городской, а если быть точным, парижской жизни. В то же время это фиксация состояния, остановившегося между памятью и забвением, в пространстве, где правят законы поэтического видения:

Дует божественный ветер,
Видно подкладку мира. — Потом всё будет гораздо лучше:
Будут электропоезда, океан явит энергию, будет
Полон китов, киты вернутся на родную землю и станут
Звонить нам по телефону.

Миром правит «святой порядок небытия - безошибочный, лишенный памяти». Мацей Немец запускает здесь — хотя и во многих других произведениях тоже, достаточно вспомнить многоходовую, интригующую поэму «Фрагменты ночи» — механизм игры воображения, родственный поискам сюрреалистов, что выглядит естественным у поэта, так сильно связанного с атмосферой французской поэзии, но представляет безусловную ценность и для польского читателя, который в отечественной лирике вряд ли обнаружит обилие отсылок к сверхреализму.

В предлагаемой подборке можно увидеть образ Парижа, одновременно реального и призрачного, пульсирующего жизнью и застывшего в янтаре традиции:

Париж — это самый большой музей мира.
Как в каждом музее, люди падают здесь на рассвете, сражённые пулями
На знаменитых перекрёстках; деньги дороже женщин, даже
Тех, чей генетический код проще, чем их мораль.

Легенда Парижа вписана в рассказ о реальном городе, занятом своими обычными делами, насквозь современном, борющимся с проблемами, которые бросают вызов целой Европе, — о них идёт речь, к примеру, в стихотворении «Армия», затрагивающем тему массового наплыва иммигрантов.

Без всякого сомнения, мы имеем дело с самобытным поэтом, наделенным собственной выразительной поэтикой, остающимся — это скорее комплимент, а не упрёк — на обочине «основного направления» отечественной лирики, создающим стихи, насыщенные метафизическим содержанием, противостоящим экзистенциальному опыту, полные скрытой эрудиции. Это «особенный» художник, не поддающийся влиянию моды, идущий собственным, совершенно оригинальным путем.

Ян Ружджинский

ТОСТ ЗООТЕХНИКА

Мы летели, чтобы увидеть войну. Ту, что позже назвали «первой чеченской». Нас было трое: Вадим из русской редакции Би-Би-Си и мы с Анджеем — корреспонденты польских газет. Со специальными кремлевскими пропусками, в прочных ботинках, с рюкзаками и оборудованием, с запасами провианта и двумя бутылками водки, старательно завернутыми в запасную одежду. Всё время полета из Москвы во Владикавказ самолет слегка трясло. А нас, втиснутых в неудобные кресла в хвосте Ту-134, мучил вопрос, удастся ли нам добраться из Северной Осетии в Чечню кратчайшим путем — через Ингушетию. Ведь осетин и ингушей, ведущих кровавые бои друг с другом уже около двух лет, разделяла демаркационная линия, охраняемая российскими федеральными заставами и патрулями. Мы слышали, что в тех, кто нарушает эту границу, стреляют без предупреждения.

Самолет был заполнен, пассажиры — в основном военные. Молчащие, коротко стриженые, с неподвижными, гладко выбритыми лицами. Некоторые из них были в гражданской одежде. Но даже они сильно отличались от разговорчивых, оживленно жестикулирующих мужчин с густой двухдневной щетиной, которые говорили громко, с сильным кавказским акцентом. У выбритых не было огромных баулов, они не угощались водкой во время полета, с ними не было ни женщин, ни детей, ни бородатых стариков с полузакрытыми веками. Военных в штатском можно было определить еще и по одинаковым служебным чемоданам. Через пару часов они оставят в этих чемоданах свои штатские костюмы на базе в Моздоке, а сами, переодевшись в робы с эполетами, преобразятся в командиров и подчиненных. И должны будут убивать.

— *Такси нужно? Брат ждет в машине в аэропорту. Довезет до ингушской границы, и недорого возьмет, пятьдесят баксов... с каждого* — голова с проседью наклонилась к нам спереди в узкую щель между спинками сидений. Остроглазый хозяин головы, видимо, подслушал нас, — *а на той стороне наверняка найдете транспорт до Грозного. Ингуши сейчас голодают, так что зарабатывают, как могут...*

Владикавказ ослепил всех яркими лучами декабрьского солнца, проявлявшими в чистом воздухе сочные цвета далеких горных склонов. Мы высыпали на плиты аэродрома. Только наш самолет был белый — гражданский. Дальше, насколько хватало глаз, стояло больше десятка других — больших, транспортных, в серо-желто-зеленой пятнистой камуфляжной раскраске, с красными звездами на хвостах. Некоторые, кажется, тоже недавно приземлились. У них были опущены задние платформы, по которым с грохотом, на гусеницах и колесах, выкатывалась всевозможная техника. Никакой автобус к нам не подъехал. Зато сразу же подбежали солдаты, которые, указывая на находящееся в нескольких сотнях метров от нас здание аэропорта, сказали нашей кучке идти в том направлении. Тот с проседью семенил рядом, то и дело поглядывая на нас вопросительно.

— *Сто пятьдесят баксов? За несколько километров до Консервного? Обдуривай наивных иностранцев!* — исключительно равнодушным голосом сказал Вадим. Тот остолбенел. Вадим двухэтажно выругался и небрежно добавил: — *Я могу дать двадцать долларов за всех! Это и так в два раза больше, чем возьмет таксист!*

Последних слов седоватый уже не слушал. Он тут же остановился и через некоторое время уже вертелся вокруг двух высоких пассажиров с большими сумками для фотоаппаратуры, похоже, немцев или скандинавов.

Выйдя из здания аэропорта, военные и гражданские направились в сторону стоявших неподалеку военных автобусов цвета хаки. Небритых мужчин с семьями встречали кучки шумных родственников. Двух высоких фотографов седоватый повел за собой к ржавому «Москвичу». Только нашу троицу и еще нескольких пассажиров, которых никто не встречал, окружила группа местных, то и дело выкрикивая: *«Такси! такси!»*

Вадим быстро договорился с одним из них, и через несколько минут мы уже ехали через пригород столицы Северной Осетии в район Консервный, где на демаркационной линии находился пост федеральных войск, через который мы хотели попасть в Ингушетию. Старая «Волга» везла нас вдоль Терека, а мы смотрели вокруг сквозь запотевшие стекла. На противоположном берегу каменистой реки стоял большой угловатый Линкольн с открытым багажником. Рослый мужчина грузил в него лопатой... гравий.

— *Строится. Вон там, недалеко,* — предвосхищая наш вопрос, таксист указал подбородком на едва заметные на склоне стены здания еще без крыши и спокойно прокомментировал: — *Не платить же ему за грузовик. А вы, наверное, в Чечню?*

Мы подъезжали к Консервному. Таксист получил обещанные пятнадцать долларов. Вынимая наш багаж, он посмотрел на нас, потом через колючую проволоку на ингушскую сторону и покачал головой:

— *Там дикая страна...*

Здесь шоссе было перегорожено рядами колючей проволоки. Рядом с проволочными заграждениями высилась бетонная стена, заслонявшая бункер заставы и переход, загороженный шлагбаумами. Рядом ходили несколько мужчин в форме. Кроме нас не было никого из гражданских лиц.

Солдаты, одетые в толстые пуленепробиваемые жилеты, смотрели на нас исподлобья. Внутри бетонного помещения они велели нам открыть сумки и пристально изучали русский паспорт Вадима и наши польские паспорта с разрешениями на въезд в Чечню. Один из солдат тщательно нас «прощупал». Другой привычным жестом вытряхнул содержимое моего рюкзака. — *О, польская водка? Покажи-ка, я такой никогда не пил.* — Пожилой прапорщик пытался прочесть этикетку на бутылке. — *Ну и зачем вы собрались к этим бандитам?*

— *Такая у нас работа, господин майор* — ответил Анджей с обезоруживающей улыбкой. Он «повысил» говорящего по званию, сделав вид, что не разбирается в русской военной иерархии. — *Как и вы, господин майор — куда скажут, туда и едем...*

Прапорщик с улыбкой, все еще держа бутылку в одной руке, другой рукой потянулся к нашим разрешениям, выданным в пресс-службе президента Российской Федерации.

— *Поляки. Приколисты. Я вас знаю, в Легнице служил...* - его улыбка становилась все шире, — *но такой горилки тогда не было...*

— *Ну так попробуйте, на здоровье!* — выдал я и тоже улыбнулся, а Вадим и Анджей понимающе подмигнули в его сторону. Прапорщик многозначительно посмотрел на солдат, и те в один момент, словно по команде, отвернулись от нас и вышли. Улыбка не сходила с его лица и тогда, когда он отдавал нам документы и показывал дорогу к выходу по другую сторону заставы.

Другая сторона, ингушская, была зеркальным отражением осетинской, с той разницей, что на обочине стоял ряд машин. Старых, сильно изношенных. При виде нас из нескольких первых машин вышли водители и направились к нам, видимо приглядываясь. Приблизившись, они начали перекрикивать друг друга: *«Такси! такси!»*

— *Сколько до Грозного?* — спросил Вадим со своим выработанным равнодушным взглядом.

— *В Грозный нет! Там война! Опасно! Но можно до границы, а там уж точно помогут чеченцы,* — объясняли они наперебой. Никто из них не хотел ехать дальше. И, как будто сговорившись, все они требовали по сто долларов с каждого за провоз до границы с Чечней, до которой было всего несколько десятков километров. Триста долларов в изолированной, безработной Ингушетии составляли почти полугодовой заработок. Вадим решил торговаться. Он объяснял, что мы не какие-нибудь американцы, немцы или другие богачи с Запада. В конце концов остановились на двухстах долларах за троих.

Невысокого, сутулого, с бегающими глазами владельца оранжевых «Жигулей» звали Руслан. Он сразу же заявил, что не намерен по пути встречаться с патрулями и конвоями, потому что не хочет, чтобы его постоянно досматривали, допрашивали и оскорбляли. Чтобы избежать военных колонн, он направил свой видавший виды автомобиль не на федеральную трассу Ростов—Баку, а на параллельную ей «Старую дорогу», всю в ямах и беспорядочно разбросанных островках асфальта. Она издавна соединяла ингушскую Назрань с чеченским Грозным. В том, что он правильно сделал, мы

убедились тогда, когда оранжевая машина пролетела недалеко от главной трассы: по ней беспрерывно шли танки, бронетранспортеры и большие грузовики, блокируя дорогу гражданским машинам, выезжавшим с боковых дорог, — их потом останавливали патрули на перекрестках. Спустя два часа, проведенных в постоянной тряске на выбоинах и наблюдении из окна за редкими деревнями и еще реже попадавшимися гражданскими машинами, нам показалось, что удастся проехать Ингушетию без происшествий. До чеченской границы оставалось несколько километров.

— *Вон они! Впереди!* — Руслан показал пальцем на что-то, что только через несколько сотен метров приняло форму БТР-а, на котором и вокруг которого виднелись фигурки в форме. Одна из фигурок при виде наших «Жигулей» вышла на середину дороги и подняла левую руку. Ее правая рука лежала на направленном в нашу сторону автомате Калашникова с укороченным стволом.

— *А-а-а! Корреспонденты... На войнушку захотелось...* — отозвался с высоты башни лейтенант с красным, одутловатым лицом, которому солдат подал наши документы. На польские паспорта он едва взглянул, а на русские паспорта Руслана и Вадима даже не посмотрел. — *Да-а-а, поляки... сначала изменили России с Америкой, а теперь этим предателям помогаете,* — пробормотал он как бы про себя и добавил громко: — *В Чеченскую республику въезда нет! Я думаю, вам известно, что указом президента Российской Федерации там ведется восстановление конституционного порядка? Поворачивать назад!* — последнее он произнес громко, командным голосом. В этот момент все дула укороченных автоматов его подчиненных направились в нашу сторону.

— *Да, но... у нас есть разрешения на въезд в Чечню. Вот, эти белые вкладыши в паспортах... От президента...* — хотя сердце у меня стучало, как молот, я старался говорить медленно и спокойно. Мои слова, видимо, заставили его в конце концов обратить внимание на наши документы. Потом он с минуту молчал. Я не знаю, произвели ли на него впечатление кремлевские печати, но после того, как он прочистил горло и буркнул, что здесь он решает и что здесь он почти как президент, мы почувствовали себя увереннее. Его бегающий взгляд свидетельствовал, что эти слова предназначены скорее для подчиненных, чем для нас, и что он хочет в этой ситуации... сохранить лицо. Его щеки покраснели еще больше. Он демонстративно долго изучал наши кремлевские бумаги, а затем высокомерно бросил их вместе с другими документами своему подчиненному и, не дождавшись, пока тот их нам отдаст, процедил: — *Я надеюсь, господам корреспондентам известно, что пока что мы не можем обеспечить вам там безопасность? Вы едете на свой страх и риск!*

— *Как-нибудь справимся,* — пробормотал Анджей, когда мы садились обратно в оранжевую машину, а Руслан с разъяренным лицом запускал двигатель. Однако мы не успели отъехать и на сто метров, как над нашими «Жигулями» вдруг, размеренными, глухими ударами протрещала с башни бронетранспортера очередь из пулемета. Вадим, Анджей и я невольно нагнулись и закрыли голову руками. Сработал условный рефлекс?

— *Командир сегодня веселый!* — лицо Руслана, который свернулся за рулем, стало еще бледнее. — *Пошутил над нами, а мог бы просто долбануть по машине! Видно, сегодня в хорошем настроении...*

Никто из нас троих не ответил. Мы посмотрели через заднее окно. На башне бронетранспортера фигура лейтенанта махала нам рукой. Руслан нажал на газ до упора.

Не прошло и пятнадцати минут, как мы со скоростью, совершенно не соответствующей ужасной дороге, въехали в станицу Серноводскую. На площади перед скривившейся, не действующей, видимо, уже многие годы автобусной остановкой, рядом с заколоченным досками киоском «Роспечати» стояла группка мужчин. Мы были в Чечне.

Руслан остановил машину. Он быстро вытащил наши рюкзаки, наспех взял положенные ему деньги, резко, почти на месте, развернулся и поехал обратно, даже не попрощавшись.

От мужчин, которые смотрели на нас нахмурившись, но с любопытством, нас отделяло всего несколько шагов. У каждого из них было или охотничье ружье на плече, или автомат, или граната за поясом, или хотя бы солидный кинжал на боку. Пока мы так оглядывали друг друга, самый высокий из них, наверное, двухметровый мужчина в каракулевой серо-серебряной папахе и с автоматом в руке медленно направился к нам, поглядывая на наш багаж.

— *Корреспонденты, да?* — спросил он зычным голосом, и по нему было видно, что название нашей профессии как будто написано у нас на лбу. — *А этому за что платили?* — Когда он услышал, что мы платили за проезд от границы с Ингушетией, то разразился тирадой: — *В следующий раз сожжем машину этому вонючему пидору! Вы подвергаете себя опасности, чтобы показать миру нашу борьбу за независимость, а этот гад наживается!* — И тут же, тоже ругая нашего водителя, подошли остальные. Они жали нам руки, хлопали по спине, спрашивали, откуда мы. У них не было сомнений, что мы хотим попасть в Грозный.

— *О! Поляки!* — двухметровый сдвинул папаху со лба — *Меня зовут Нажмутдин. Вы выглядите уставшими. Здесь недалеко мой дом. Примите приглашение... Подкрепитесь, отдохнете... Тебя тоже приглашаю,* — и он показал пальцем на Вадима после того, как наш русский коллега представился.

Мы посмотрели друг на друга: незнакомый чеченец с автоматом приглашал нас, чужих, к себе домой, да еще и вместе с русским.

— *Это для меня, для нас большая честь,* — сказал Вадим громко, чтобы все вокруг услышали. И тут же шепнул нам тоном, не терпящим возражений: — *Идем! Отказаться нельзя!*

Высокий кирпичный забор с тяжелыми воротами — единственным входом в семейную крепость — окружал всё хозяйство: солидный кавказский двухэтажный дом с навесом над крыльцом, несколько больших сараев, овчарню и хлев. Весь Серноводск состоял из таких крепостей. Прежде чем мы дошли до дома, мы узнали, что Нажмутдин, инженер-зоотехник, и его большая семья сейчас живут не в шикарных комнатах, а в подвале. Дело в том, что уже несколько дней подряд над станицей низко летают военные вертолеты и, особенно по вечерам, стреляют во все здания, где горит свет. В подвале дома Нажмутдина не было окон, поэтому бабушки, дедушки, тети, дяди и он с женой и детьми там и ютились. Когда мы сняли пыльные ботинки и верхнюю одежду, мы очутились в выложенном кафельной плиткой подвале, и хозяин пригласил нас к столу. Нажмутдин торопил женщин, они принесли миски с макаронами и тушеной бараниной, от которых шел пар, и доску со свежими овощами и зеленью, а затем вышли. Мы сели за стол, и хозяин, поставив на него бутылку грузинского коньяка, с улыбкой смотрел, как мы с аппетитом уплетаем угощение. Анджей, выражая обоюдное желание всех троих, достал из рюкзака бутылку «Выборовой». Хозяин принял ее с благодарностью и тут же поставил в шкаф, подчеркнув, что экзотическим польским напитком будет угощать родственников во время следующей семейной встречи. В Чечне тогда еще не действовали законы газавата, священной войны, равносильные запрету на алкоголь. Так что Нажмутдин, по кавказскому обычаю, налил коньяк в рюмки и торжественно поднял свою, глядя на меня и Анджея.

— *Раз уж в моем доме оказались поляки, я поднимаю тост. Конечно, это ваш, польский тост, но сейчас он близок и нам: за нашу и вашу свободу!* — и выпил до дна.

Мы с Анджеем, не веря своим ушам, опрокинули свои рюмки и застыли от изумления. Призыв «За нашу и вашу свободу» передавался из поколения в поколение польских патриотов. Его по сей день знает в Польше каждый. Его несли на знаменах восстаний, чтобы показать русским, что борьба идет не против русского народа, а против царя, за независимость и свободу. Откуда чеченский зоотехник из Серноводска знал священные польские слова?

— *Я знаю их от деда, а тот от своего деда, и так далее. Многие годы мы боролись за свободу. Так же, как и вы. Нас ссылали в Сибирь, в Казахстан... В школе этому не учат, но в семьях сохранилась память о поляках. О ссыльных и беглецах из царской армии, которые целыми батальонами воевали на нашей стороне в кавказской войне. Больше всего славились польские артиллеристы... Вот почему мы помним эти слова. Теперь они много для нас значат...*

И здесь, в подвале, выложенном кафельной плиткой, начался разговор о сходствах и различиях запутанной истории наших народов, о хороших русских и плохой империи, о праве на самоопределение, о том, какими способами можно добиться независимости. Пару раз до нас доносился звук вертолета, а мы, зачарованные словами хозяина, забыли о времени. Вадим то и дело быстро записывал что-то в свой блокнот, а в конце записал нашего хозяина на микрофон. И только тогда мы с Анджеем посмотрели на часы. До Грозного было еще около тридцати километров. Несмотря на выпитый тост, Нажмутдин отвез нас туда на своей «Волге», сказав, что в дороге нас может подстерегать всё что

угодно, даже смерть, но только не проверка на трезвость. С зоотехником с большой буквы мы попрощались на главной площади чеченской столицы. Эмоционально и сердечно. Вадим тоже. Позднее, несмотря на все попытки, нам так и не удалось найти его. Станица Серноводская превратилась в один большой фильтрационный пункт для тысяч мирных чеченцев... Но тогда, когда мы приехали в центр Грозного, здесь царила совсем другая атмосфера. Беспрерывно шли собрания, митинги, и взрослые мужчины смыкались в круг в чеченском военном танце, танце свободы.

В тот день к вечеру мы попали на последнюю пресс-конференцию президента Джохара Дудаева, штаб которого уже брала на прицел артиллерия подступающих войск. На следующий день в станице Первомайской чеченский отряд, с которым мы туда прибыли, обстреляли женщины-снайперы — из-за зимнего камуфляжа на русской форме повстанцы прозвали их «белыми колготками». Они ни в кого не попали. Может быть, не хотели? Через несколько дней, когда вокруг Грозного смыкалось кольцо оцепления, будущий европейский кандидат на Нобелевскую премию ми ра, несгибаемыйСергей Ковалев, тогда уполномоченный по правам человека при президенте России, сказал нам, стоя в руинах центра города, что, даже дав себя убить, он не сможет остановить трагедии, которая грядет. Несмотря на это, благодаря нашим знакомым, число которых всё увеличивалось, находившим еще работающие телефонные линии в невероятно перепутанной сети, мы пересылали сообщения о том, что происходило вокруг нас: о трупах, о запахе гари, о нечеловеческой боли мирного населения Грозного. Сообщения, которые мы посылали в Варшаву, а Вадим в московский офис Би-Би-Си, мало отличались друг от друга. Тогда еще не было сотовых телефонов. Поэтому, когда связь прервалась, мы отправились обратно в сторону Ингушетии вместе с потоком беженцев, по знакомой «Старой дороге». Только теперь в сторону Грозного направлялась по ней очередная дивизия. И целившим в нас, усталым, не спавшим много дней солдатам было все равно — нажать на курок или пропустить нас...

Но всё это и многое другое произошло позже. После того как в одной чеченской деревне зоотехник произнес тост.

В ОКСФОРДЕ ВЗЯТ КУРС НА ПОЛЬШУ

Готовится революция в знаниях о Польше на Западе. В Оксфорде создается центр по изучению нашей страны. Его «раскручивают» известные мыслители, давным-давно заинтересованные Польшей, в частности Норман Дэвис и Тимоти Гартон Эш. «Сделан очень важный, первый шаг», — не скрывает своего энтузиазма профессор Дэвис.

План простой: вскоре Оксфордский университет станет своего рода «транслятором», день и ночь передающим информацию о нашей стране. В результате все научные дисциплины будут так или иначе «говорить» с польским акцентом. Символом демократических перемен с 1989 года стало в мире падение Берлинской стены. Пусть рядом с ней окажется «круглый стол».

Адам Домбровский

Первая обширная программа изучения нашей страны

Корреспонденция из Оксфорда

Готовится революция в знаниях о Польше на Западе. В Оксфорде создается центр по изучению нашей страны. Его «раскручивают» мыслители, давным-давно заинтересованные Польшей, в частности Норман Дэвис и Тимоти Гартон Эш.

— Сделан очень важный, первый шаг, — не скрывает своего энтузиазма Норман Дэвис и откидывается на спинку стула в одной из оксфордских университетских библиотек. Здесь впервые в мире формируется действительно комплексная программа по изучению Польши. План простой: вскоре Оксфордский университет станет своего рода «транслятором», передающим информацию о нашей стране. В результате этого все научные дисциплины будут так или иначе «говорить» с польским акцентом. И в небывалом до сих пор масштабе.

■ Пробиться к верхам

— Для начала мы хотим сделать так, чтобы студент, изучающий политические науки или историю, мог как часть своей учебной программы выбрать разработанные с нашей помощью курсы, связанные с Польшей. Правда, пока таких курсов очень мало, — поясняет проф. Тимоти Гартон Эш, известный историк, специалист по Восточной Европе. Слова, звучащие в аудиториях Оксфорда, эхом разносятся по всему миру. Поэтому профессор Эш надеется, что наша страна будет всё более заметна как в мировой науке, так и в публичном пространстве.

Стены университета ежегодно покидают кандидаты в ряды видных политиков, экономистов, лидеров общественного мнения. Выпускниками Оксфорда были 26 премьер-министров Великобритании, в том числе и Дэвид Кэмерон. Диплом этого вуза получили: один из создателей интернета Тим Бернерс-Ли, легендарный физик Стивен Хокинг, а также один из самых влиятельных сегодня политических философов Амартья Сен. Профессора Норман Дэвис, Тимоти Гартон Эш и иже с ними стремятся передать будущим верхам знания о польском опыте и реалиях — как современных, так и исторических. Выиграют от этого и они, и наша страна.

Сейчас как раз начались поиски директора программы. Первые лекции и семинары начнутся в будущем учебном году. В планах также стипендии преподавателям и студентам.

■ Новое качество

Цель программы — поставить польское клеймо почти на каждую дисциплину. Скажем, история. С 1989 г. во всем мире символ демократических перемен — падение Берлинской стены. Пусть рядом окажется «круглый стол». Экономика? Наша страна — неоценимый источник опыта для государств,

реформирующих свою экономику. Международные отношения? Польские мирные преобразования могут послужить уроком — а иногда и предостережением — странам, пережившим «арабскую весну».

Темы дебатов, семинаров и публикаций должны охватить такой широкий круг проблем, как только возможно. Выводы, вопросы и анализ пригодятся, скажем, социологам, культурологам, лингвистам, литературоведам.

— Это будет совершенно новое качество. Мы будем проводить дискуссии, посвященные роли Польши в мировой интеллектуальной и публичной жизни, — с энтузиазмом говорит Тимоти Гартон Эш.

Конечно, в британских университетах Польша — отнюдь не terra incognita. На межфакультетских занятиях, посвященных России и Восточной Европе, нередко говорится о Польше.

— Когда мы обсуждали политические и экономические перемены, наша страна была на первом месте. Мы подробно анализировали приватизацию. Точно так же на занятиях по социологическим дисциплинам упоминалась наша страна постоянно — особенно в контексте миграции, культурных перемен или меняющегося положения женщин. Но в истории на первом плане была Россия, — рассказывает Кшиштоф Кокощинский, который заканчивает в Оксфорде свою дипломную работу. Однако на других направлениях бывает и иначе.

■ Первые семена

— В Великобритании и западных странах не было до сих пор такого места, куда бы мог отправиться человек, интересующийся Польшей, — говорит Норман Дэвис. Теперь всё будет по-другому.

— Польша приобретает всё большее значение в Евросоюзе — не без гордости добавляет Тимоти Гартон Эш. — Люди начинают интересоваться тем, что происходит на берегах Вислы. Норман Дэвис, Ян Зелёнка, да и я давно занимаемся польской проблематикой. Однако теперь мы выходим на более высокий уровень. Не каждая страна может похвастаться подобными программами. Германия или США — да, конечно. Но уже Чехия или Словакия — нет. Это тоже свидетельствует о растущей роли, которую играет Варшава.

— Это моя многолетняя мечта. Я помню времена, когда и подумать было нельзя, что нечто такое удастся благодаря частному капиталу (средства на запуск программы предоставил Лешек Чарнецкий. — *Ред.*), — не скрывает своих эмоций Норман Дэвис. — Теперь возможности наконец появляются. Сейчас мы только бросаем в почву первые семена. Будем надеяться, что вскоре из них прорастет могучий дуб.

Przegląd

Виолетта Озминковски

GOOD MORNING, ПНР

Они коллекционируют цитаты из «Мися» и «Рейса»*, страстно увлекаются архитектурой и дизайном времен ПНР, борются за дешевые молочные кафетерии. Тоскуют по той утопии, когда «Польша набирала силу, а людям жилось зажиточней»**. Сильнее всего — те, кто тогдашних времен не помнит.

Это должно было стать ностальгическим возвращением в рай детства. Журналисты Изабелла Мейза и Витольд Шабловский, оба родившиеся в начале 80-х, решили на полгода перебраться во времена ПНР. Купили польский «Фиат-126р», поселились в блочном крупнопанельном доме, в комнату поставили мебельную стенку и пишущую машинку. Отказались от покупок в хороших гастрономах, ели обжаренную в панировочных сухарях дешевую вареную колбасу и пекли пирог с творогом и картофельным пюре по рецептам журнала «Пшияцюлка» («Подруга»). Взамен кофе из электрокофеварки лакомились молотым марки «Сполэм селект», которое заливали кипятком, а ребенку вместо памперсов подкладывали пеленки из специальной мягкой хлопчатобумажной ткани под названием «тетра». Чтобы еще сильнее вчувствоваться в атмосферу эпохи, Иза соорудила себе шестимесячную завивку, а Витольд запустил усы и сделал на голове зачес.

— И, — как говорит Иза, — вскоре оказалось, что ПНР вовсе не была раем. Повседневность, трудная и серая, оказывала решительное сопротивление. «Что было самым трудным? Это выглядело таким образом, как если бы на каждом углу стоял магазин «Певекса» [польского аналога «Березки»], а у нас не было ни сертификатов, ни долларов. Мы оказались в некотором смысле отторгнутыми. Благосостояние было на расстоянии вытянутой руки, но дотянуться до него мы не могли.

Сегодня поляки, особенно молодые, хотят прикоснуться к тогдашним сермяжным временам. Хотя бы отправляясь в ностальгическое путешествие «Трабантом» по Новой Гуте с остановкой в квартире, обставленной, как при Гереке, где хозяева угостят водкой с закусоном.

■ Бинокль с медузой

— Наша деятельность началась с того, что коллега встал за стойку бара и давал клиентам из Англии советы, куда им следует поехать, чтобы увидеть не только Вавель. В конце концов те попросили его, чтобы он им показал реликты ПНР. Туристам до того понравилось, что они одолжили коллеге тысячу долларов, чтобы он купил «Трабант» и учредил фирму, — вспоминает Куба Бялек, совладелец краковского турбюро «Crazy Guides». Ссуда уже давно выплачена, имеется несколько автомобилей и несколько гидов. — Краков известен тем, что умеет развлекаться. Почему нельзя поразвлечься в стиле ПНР? — смеется Бялек.

Можно также развлекаться пээнэровской эстетикой, покупая кружки и футболки с надпечатками, стилизованными под минувшую эпоху. Как говорит Юстина Бужинская, владелица лодзинского магазина «Вас здесь не стояло», большинство ее клиентов — молодежь.

* «Мись» («Мишка») и «Рейс» — популярные кинокомедии режиссеров Станислава Бареи (1980) и Марека Пивовского (1970). — *Здесь и далее прим. пер.*

** Цитата из лозунга, выдвинутого на XI пленуме ЦК ПОРП (сентябрь 1971) первым секретарем ЦК Эдвардом Гереком (1970—1980): «Чтобы Польша набирала силу, а людям жилось зажиточней».

— Те, кто постарше и кто помнит тогдашние времена, необязательно хотят покупать стаканы в подстаканниках, зато молодые восхищаются ими. Точно так же, как и футболками с надписями «ловелас», «дамский угодник» или «общий привет». Успехом пользуется также сумка «для закупок», — рассказывает Бужинская. Мысль, что на ностальгии по заслуженно минувшим временам можно зарабатывать, пришла ей в голову, когда она завела блог, где размещала фотоснимки своей коллекции предметов из эпохи ПНР: газет, бутылок, коробочек.

— Под этими фотографиями появлялось множество комментариев тех, кому нравились такие вещи. В результате мы решили начать надомное производство подобной «фирменной» мелочевки, — вспоминает она. — Да, уже можно говорить о моде на ПНР. Частью этой моды стало посещение клубов-кафетериев, которые возникают почти в каждом крупном городе и предлагают в меню не только селедочку, но и «бинокль с медузой», иначе говоря, два пятидесятиграммовых стаканчика водки с холодцом из свиных ножек. Столь же cool сейчас — столоваться в молочных кафешках, где за несколько злотых можно съесть блинчики с творогом, вареники или шницели со свеклой. И опять-таки, кроме людей пожилых и небогатых, охотнее всего сюда приходят молодые.

Это именно они громче всех запротестовали, когда год назад власти Варшавы решили закрыть легендарный «Пресс-бар» на Маршалковской. Под давлением молодежи управа столичного района Центр пообещала, что на месте этого бара не возникнет ни очередного банка, ни дорогого кафе, а непременно заведение с дешевой едой. Но и с бесплатным «вай-фаем» и богатым выбором прессы. «Потому что, — как констатировал варшавский городской депутат от «Гражданской платформы» Михал Битнер, — любитель общественного питания родом из ПНР — одновременно владелец лаптопа и айфона».

— Идентичность субкультуры хипстеров черпается сегодня полными пригоршнями из эстетики ПНР, — говорит психолог Изольда Ин де Бету. — Тоска по той эпохе берется в иронические скобки, но показывает новую разновидность гордости собственным прошлым.

По мнению культуролога Радослава Муняка из Высшей школы социальной психологии, вся эта пээнэромания напоминает рисунок Марека Рачковского, на котором мальчик спрашивает у отца, правда ли, что в ПНР в школе не ставили единиц. Отец подтверждает, но говорит, что шестерок тоже не было. «Это мне не мешает, — говорит мальчик, — потому как шестерку я никогда еще не получал»*.

— Молодые люди накручивают себя, силясь тосковать по ПНР, но ни за какие сокровища не хотят, чтобы это время и вправду вернулось, — утверждает упомянутый культуролог. Ибо тот, кто не прогуливал уроков истории, знает, что за хлебом требовалось выстаивать несколько часов, а действительность вовсе не была такой уж прикольной.

■ Крупное столкновение

А всё-таки она кажется прикольной 235 с лишним тысячам фанов сайта «Born in the PRL» на Фейсбуке и почти столь же многочисленным поклонникам сайта «Певекс». На обоих появление нового снимка Медвежонка Ушастика либо Гусыни Бальбинки** или же кадра из «Рейса» либо «Мишки» вызывает сотни комментариев. В интернете полно также фан-клубов пээнэровских сериалов, кинохроники и фильмов. Прикольные фразочки слышны даже вместо звонка в телефоне. Чаще всего: «Не найдется ли сухарика для лошади?» («Домашняя война», 1965), «Каргуль, а ну, подойди-тка к забору» («Все свои», 1967) или «Не со мной такие номера, Бруннер» («Ставка больше, чем жизнь», 1968).

— Это абсурдное чувство юмора не состарилось, — говорит Мальвина Луковская, которая вместе с отцом, владельцем фирмы, занимающейся установкой оборудования для кондиционирования, основала в Познани музей юмора и абсурда. Главную приманку для публики — сертифицированного мишку из фильма Станислава Бареи — они купили на аукционе Большого оркестра праздничной помощи Ежи Овсяка.

---

* С 1991 г. в польской школе действует шестибалльная система оценок (1-6), а в эпоху ПНР оценки варьировались в диапазоне 2-5.

** Герои популярных детских телепередач, многосерийного телекомикса «Разные приключения Гусыни Бальбинки» (1950-1960 гг.) и кукольного мультсериала «Приключения Мишки Ушастика» (1975-1987 гг.).

— Разумеется, никто не опровергает, что это была преступная система, но абсурдов сегодня больше, чем при коммуне, — добавляет Марек Луковский. — Все, кто работает в корпорациях, могут спокойно сказать: «Сегодня рекорд, завтра — норма».

— На интернет-порталах ПНР — это время мороженого «Бамбино» или газировки из сатуратора. Меня беспокоит это явление, — говорит Радослав Муняк. — Недавно я читал результаты опросов 18-19-летних, и меня поразило, что 70% были не в состоянии сказать, как называлась Польша до Третьей Речи Посполитой. А на вопрос, с чем у них ассоциируется ПНР, 60% ответили, что с дизайном.

Репортер Филип Спрингер, год рождения 1982, полгода назад опубликовал книгу «Неудачно рожденные. Репортажи об архитектуре ПНР», где описал историю таких жемчужин архитектуры, как огромное жилое здание «Супер-единичка» и спортзал «Блюдце» в Катовице или столичные железнодорожные вокзалы с Центральным во главе. Но невзирая на это Спрингер всё-таки отмечает, что они не вписываются в сегодняшнюю установку на восхищение ПНР.

— Меня не удивляют восторги тогдашним дизайном и графикой, потому что они попросту хороши. Архитектура уже не столь блестяща, хотя по-прежнему любопытна. Тем временем нынче всё, что тогда возникло, признается ценным. А ведь это не так! Я не понимаю упоения всей этой сермяжной эстетикой, в соответствии с которой любая вещь, относящаяся к тогдашней эпохе, великолепна. Откуда взялось такое убеждение? Из хипстерской моды и взахлеб повторяемых восторгов по поводу old school, — объясняет он. Прежде чем Спрингер взялся за работу над этой книгой, он знал, что в ПНР идеи зодчих сталкивались с социалистической действительностью. Его, однако, поразил масштаб этого столкновения. — Есть такой анекдот о Мечиславе Круле, который хотел покрасить каждый этаж своей «Супер-единички» в другой цвет, а чиновники сказали ему, что это превосходная идея и что он получит на ее реализацию столько зеленой краски, сколько потребуется.

■ Коммуна, не возвращайся

Свой полугодовой эксперимент Иза Мейза и Витольд Шабловский описали в книге «Наша малая ПНР», которую только что опубликовало издательство «Знак».

— Замысел родился из ощущения, что у нас расползается дискурс о том периоде. С одной стороны, мы знаем, что все было безликим, скверным и мрачным, с другой — родители говорят нам, что жилось беднее, но безусловно вольнее, без страха за работу, — говорит Витольд Шабловский. — Мы выбрали 1981 год как точку отсчета, к которой мы возвращаемся с целью увидеть, что же мы выиграли, а что потеряли. — По мнению журналиста, потеряли мы самую важную вещь — чувство безопасности. Тогда как выиграли сознание того, что в любую эпоху сумеем справиться. — Я возвращаюсь сейчас из Исландии с материалом о кризисе в этой стране. Ее жители говорят в точности то же самое, что и наши родители: стало беднее, но есть время на встречи с людьми, на прочтение книги. Какая разница, что люди сидят не за суши, доставленным из Японии, а всего лишь за крекерами?

Иза Мейза вспоминает, что, когда она ходила в платьях, сшитых из искусственных тканей, знакомые говорили ей, что она выглядит как самая натуральная хипстерша. Они не знали, до чего Иза потела в этой синтетике. Не могли подруги знать и того, какой униженной она чувствовала себя, когда контролер в трамвае начинал проверку билетов именно с нее. Потому что на ней были «дутики» и старый плащ-болонья и выглядела она иначе, чем остальные пассажиры. А уж наверняка ее приятельницы не имели понятия, как чувствует себя женщина, во время менструации вынужденная вместо гигиенической прокладки спасаться ватой, которая обшита марлей.

— Когда я ее носила, то мне плевать было на вопросы равноправия и прав человека. Меня занимало только одно: не высунется ли у меня эта вата из-под белья, — рассказывает Иза. Сегодня ее выводят из себя люди, которые демонстрируют очарованность ПНР. — Не понимаю, как можно до такой степени опростить и вульгаризировать историю, забыть обо всех унизительных вещах, творившихся тогда. Это обидно для миллионов поляков, которым приходилось сражаться с тогдашней действительностью.

Статья написана в сотрудничестве с Анной Станчак.

Newsweek POLSKA

Чеслав Милош

Перевод Никиты Кузнецова

АЗБУКА

(отрывки из книги)*

Примечание спустя годы

Из биографий людей пера мы узнаем, что многие из них еще в детские годы с воодушевлением занимались сочинением рассказов и романов. А вот я, будучи мальчиком, никогда не испытывал желания выстраивать повествование, придумывать героев и их приключения. Да и потом не слишком жаловал роман как жанр.

«Азбука» создавалась вместо романа или на грани романа, в духе моих постоянных поисков «формы более емкой»**. Мне подумалось: почему бы не испробовать форму, к которой я еще не обращался? Она дает свободу, ибо не гонится за красивостью, но фиксирует факты. Память о людях и событиях вела меня, не позволяя шлифовать текст, подгоняла, чтобы написать еще о ком-нибудь или о чем-нибудь. Быть может, читатель почувствует это обилие рвущегося наружу материала — за каждой страницей кроются другие, которые могли быть написаны. Однако главные достоинства этого сборника — его своенравие и непринужденность.

Впрочем, я не хотел бы создавать впечатление, что эта книга для меня маловажна. Работа над ней отвечала глубокой внутренней потребности, которую с возрастом я ощущаю всё сильнее, — погрузиться в человеческую гущу, именуемую историей нашей современности или просто нашей цивилизацией. Это необыкновенный спектакль, и, участвуя в нем, я поражался невыразимому словами изобилию. Старость превратила меня в дом, открытый голосам людей, которых я когда-то знал, — в том числе знакомых мне только понаслышке или по книгам. Огромный клубок переплетенных судеб — трагических и комических; цвета́, формы, звучание разных языков и акцентов. А еще я заметил, что стал доброжелательнее к ближним и осуждаю их меньше, чем в молодости. Правда, иногда я все же поддаюсь дурной привычке, и из-под пера моего нет-нет да и выскользнет язвительное замечание. Но ведь я жил во времена ожесточения, ненависти и гнева — стало быть, с авторской справедливостью у меня все не так уж плохо.

Переводчица «Азбуки» на английский профессор Мэдлин Левайн из Университета Северной Каролины считает, что разные мои прозаические произведения складываются в своего рода мозаику — роман о двадцатом веке. Возможно, она и права, а значит, не стремясь запечатлеть свое столетие в романах, я всё-таки кое-что запечатлел.

Краков, октябрь 2001

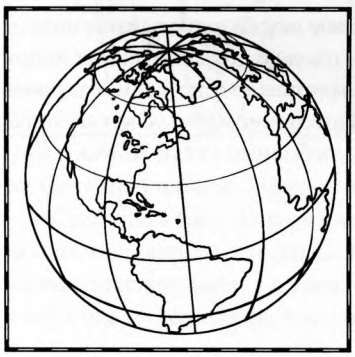
---

* Книга готовится к изданию в Издательстве Ивана Лимбаха.

** См. стихотворение Милоша «Ars poetica?». — *Здесь и далее прим. пер.*

Когда я вижу, как страдают другие, то воспринимаю их страдания, как если бы они страдали за меня.
Карл Ясперс

Всякая жизнь при ближайшем рассмотрении смешна. Всякая — при рассмотрении еще более пристальном — серьезна и трагична.
Элиас Канетти



А все же я немало поколесил по свету. Отчасти по собственной воле, но больше в силу обстоятельств, забрасывавших меня в самые разные уголки земного шара. Еще учеником виленской гимназии я пытался упорядочить в памяти картины войны и русской революции — всё остальное казалось будущим и обещанием без конца и края. Сколько эмоций — плохих и хороших — пришлось мне пережить во время странствий по Франции, Италии, Швейцарии, Бельгии, Голландии, Дании — трудно даже перечислить. А еще Северная и Центральная Америка... Я с лихвой осуществил мечту моего отца-путешественника, хотя, вопреки романтическим намерениям, не сумел войти в роль коллекционера городов и стран: меня слишком поглощали так называемые житейские дела. Впрочем, то, что еще в начале XX века могло считаться экзотикой, с течением лет становилось обыденностью — сообразно эпохе всеобщего ускорения.

Предки мои редко выезжали за пределы своего Кейданского повета, а уж если куда ездили, то в один из наших городов — Вильно или Ригу. Но отец еще до отъезда в Красноярск* привез из балтийского путешествия кое-какие европейские сувениры 1910 года, и я, разглядывая альбом о Голландии, любовался каналами Амстердама. А еще — отцовской фотографией 1913 года на борту корабля Нансена в устье Енисея.

Во времена моего детства было мало фотографий, и представление о дальних странах можно было составлять по рисункам и гравюрам — например, по иллюстрациям к книгам Жюля Верна и Майн Рида. Однако уже начало появляться кино.

Столько городов, стран — и никаких космополитических навыков. Наоборот, робость провинциала. Поселившись в каком-нибудь городе, я не любил покидать свой район, и перед глазами у меня каждый день были одни и те же виды. В этом выражалась моя боязнь разменяться на мелочи, лишиться центра тяжести или духовного дома. Впрочем, я бы определил это несколько иначе. Всю жизнь мы создаем свои мифологии, но те, что сохранились с раннего детства, запечатлеваются в нас сильнее всего. Чем дальше меня заносило (а Калифорния, надо полагать, находится достаточно далеко), тем больше я искал связующую нить с прежним собой, с мальчиком из Шетень и Вильна. Этим объясняется моя привязанность к польскому языку. Выглядит это красиво, патриотично, но в сущности я запирался в своей крепости и поднимал мосты — а они там, снаружи, пусть бесятся. Потребность в признании (у кого ее нет?) была недостаточно сильной, чтобы выманить меня оттуда и заставить писать по-английски. Я чувствовал, что призван к чему-то другому.

Возвращение спустя полвека в мои родные места и Вильно замкнуло круг. Я сумел оценить выпавшую мне невероятную встречу с прошлым, хотя сила и сложность этого переживания превзошли мои языковые возможности. Быть может, я просто онемел от избытка чувств и потому решил высказаться опосредованно: вместо того, чтобы говорить о себе, начал составлять нечто вроде списка биографий и явлений.

(...)

* Имеется в виду отъезд семьи Милошей в Россию, где в 1913 г. отец поэта начал работать инженером.

Адам и Ева. Величайшее достоинство библейской истории о наших прародителях состоит в том, что она неясна и, видимо, благодаря этому действует на нас сильнее, чем какое-либо понимание. По мнению Льва Шестова, трудно представить себе, чтобы неграмотные пастухи сами придумали загадочный миф, над которым уже несколько тысячелетий ломают голову величайшие мыслители.

Рай, где нет болезней и смерти, а двое людей испытывают полноту счастья... Во вкушении запретного плода с древа познания добра и зла народное воображение охотно усматривало сексуальное удовлетворение, однако Джон Мильтон в «Потерянном рае» следует иной традиции и очень образно описывает любовные утехи Адама и Евы как часть их райского состояния.

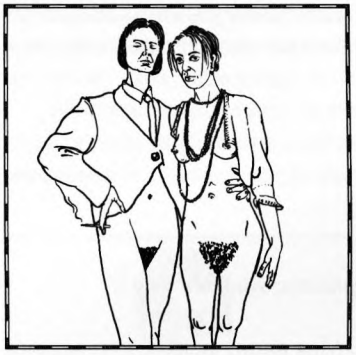
Так молвила Праматерь, томный взор
С невинною, супружеской любовью
И ласковостью мягкой возведя
На Праотца, его полуобняв,
К нему прильнув. Под золотом волос
Рассыпанных ее нагая грудь,
Вздымаясь, прилегла к его груди.

(Пер. Аркадия Штейнберга)

Так что же означает древо познания добра и зла? Предположений множество. Некоторые иудейские библеисты усматривают тайный смысл в расположении древнееврейских букв. Критики нашей цивилизации и тупиков, в которые зашел разум, видят в голосе змея искушение рационализмом. Другие утверждают, что вкушение запретного плода положило начало истории человечества, ибо прежде Адам и Ева жили бессознательной, животной жизнью; иными словами, змей-сатана был прав, когда говорил, что у них откроются глаза. Впрочем, Творец тоже был прав, предостерегая, что, вкусив от этого плода, они умрут. Однако чаще всего подчеркивается совершенное дружеское доверие, которое они испытывали к Богу, прежде чем нарушили запрет. Катастрофа произошла, когда они низвели Его до уровня тварных существ и заподозрили в зависти, то есть первый грех был в сущности актом гордыни.

Почему, нарушив запрет, они увидели, что наги, и почему устыдились? Это, наверное, важно, но совершенно непостижимо. Можно размышлять об этом бесконечно. Может быть, они встали на путь истории, цивилизации, а нагота — ее противоположность? И именно поэтому Бог должен был сделать им кожаные одежды? И почему одно это мгновение вызвало столь ужасные последствия — не только их смерть, но и необратимые перемены в природе (ведь в раю и природа была бессмертной)? Впрочем, и этого мало: первородный грех тяготеет над каждым мужчиной и каждой женщиной на протяжении бесчисленных поколений. К счастью, католическое богословие причисляет первородный грех к тайнам веры и не пытается выяснить, почему мы его наследуем.

По нашему глубочайшему, затрагивающему суть нашего естества убеждению, мы должны жить вечно. Мы воспринимаем нашу бренность и смертность как насилие над собой. Только рай может быть настоящим; мир — ненастоящий и дан нам лишь на время. Поэтому история грехопадения оказывает на нас такое эмоциональное воздействие — словно вызывает в уснувшей памяти какую-то старую истину.



Адамиты. Чтобы все ходили голыми — вот о чем были мои смутные детские эротические мечты. Но ведь мечты эти почти повсеместны — вдохновляют они и секты адамитов, которые на протяжении веков появляются, исчезают и вновь возрождаются. Читая о чешских гуситах, я узнал, что они испытывали немалые трудности с адамитами, которые переманивали у них сторонников на периферии движения. Хотя вернуться в рай — то есть к первобытной наготе и невинности — в северном климате, наверное, было трудно. Любопытно, как им это удавалось. Это было в начале XV века, но, видимо, что-то витало тогда в воздухе, если черпавший из местных (кажется, еретических) голландских источников Иероним Босх написал немного позже «Сад земных наслаждений» — в высшей степени чувственный сон о стране всеобщей наготы. Правда, непонятно, похвала это была или предостережение.

Станислав Ежи Лец говорил когда-то о пытке, которую испытываешь в обществе голых женщин в полностью закрытых платьях. На вечеринках в военной Варшаве, когда гости продолжали пить после комендантского часа, я с удивлением обнаружил у женской части компании потребность сбрасывать с себя всё — возможно, постоянную и лишь высвобождавшуюся благодаря алкоголю.

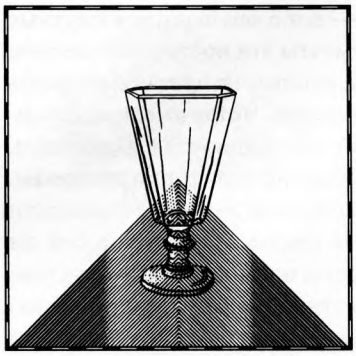
(...)

Алик, Протасевич. Это было мое первое знакомство с жестокостью Бога, открытие, что Высшая Сила может печься о многом, но не о принципе сочувствия в нашем понимании. Александр, или Алик, был русским, моим школьным товарищем. Русских, оставшихся со времен царизма, в Вильне было мало. Впоследствии его сестра училась со мной на юрфаке. О том, чтобы считать Алика чужим из-за его национальности, в нашем классе не могло быть и речи. Он участвовал во всех наших затеях, в том числе и в походах. Помню одну такую пешую прогулку в Троки*. Когда мы уставали, он говорил, что нужно сделать *привал***, и мы приваливались отдохнуть в придорожной канаве. Вот почему в моем стихотворении говорится:

Передышку сделав, быть может, в Сарлá
(Как мой бедняжка Алик говорил, *привал*).

Алик заболел (а было ему тогда лет пятнадцать) и уже не вернулся в школу. Его парализовало — вероятно, это был полиомиелит, хотя в те времена эту болезнь еще так не называли. Я любил его и навещал. Годы инвалидности. Постепенно он научился делать несколько дрожащих шагов на костылях. Впоследствии я познакомился с разными людьми, которые усилием воли научились жить нормально, несмотря на увечье. Однако Алик — полнокровный, крепкого телосложения — переносил свое бессилие тяжело, находился на дне депрессии, и в комнате его почти звучал вопрос: «Почему я?»

* Ныне Тракай.
** Слова, выделенные курсивом, — по-русски в тексте..



Алкоголь. «Итак, после вечери пили мы у пана Рудомины lutissime*, и после каждой здравицы, выпитой залпом до дна, играли валторны, а девки весело подпевали хором:

Выпил, выпил, чарку допил!
Ух! Ха! Чарку допил!
Видно, Бог его сподобил —
Ух! Ха! Бог сподобил!»

(Игнаций Ходзько. Литовские картины. Вильно, 1843)

Это прошлое тяготеет надо мной. Моя нация искалечена веками пьянства. Сам я начал пить не слишком рано: впервые напился на выпускном вечере в ресторане «Затишье», но в студенческие годы не принадлежал ни к какому «конвенту» и не носил фуражку студенческой корпорации, а в нашем Клубе бродяг не пили даже пива. Хотя, если появлялись какие-то деньги, мы (в основном с Драугасом) ходили в еврейские ресторанчики на узких улочках в районе Немецкой и пили там холодную водку, закусывая деликатесами еврейской кухни.

Настоящие попойки начались в Варшаве, во время оккупации — с Ежи Анджеевским и Янкой**. У Ежи это пристрастие к спиртному постепенно переросло в алкоголизм и кончилось циррозом печени, от которого он и умер. Довольно жалкое это торжество — дожить до моего возраста с чистой печенью, тем более что заслуга это не моя, а генов. Пил я много, но старательно отделял время работы от времени расслабления. Пил водку, во Франции — вино, в Америке — бурбон.

Хуже всего в алкоголе то, что он превращает человека в паяца. А трезвый внутренний взгляд за всем этим наблюдает и рисует потом перед нами картины, разрушающие наше доброе мнение о себе. Стыд, который мы тогда испытываем, может иметь педагогическое значение, напоминая, что все наши достижения подрывает сидящая в нас глупость и нечего задирать нос. Стыд, а зачастую и запоздалый страх — например, когда вспоминаешь, как спьяну понапрасну провоцировал немцев.

Отвращение к пьяницам за их разнузданность совершенно оправданно. В литературной среде у меня перед глазами был пример Броневского и Хласко, а Оскар Милош рассказывал о хулиганских выходках Есенина в Париже. Этих примеров вполне хватило бы, чтобы стать трезвенником, но, к сожалению, слишком много поколений моих предков пило, чтобы и мне не хотелось порой заглянуть в рюмку. Я не могу представить себе пьяного Гомбровича. Он не позволил бы себе появиться на людях без своих доспехов.

А может быть (это только гипотеза), в глубине души мужчины-поляки до такой степени не любят себя, что запоминают свое поведение в пьяном виде?

Алхимия. На протяжении жизни мне довелось наблюдать, как менялось отношение общества к этому слову. Сначала всем было ясно, что алхимия — всего лишь донаучная химия, то есть дисциплина тех времен, когда граница между магией и наукой была еще размытой. Затем ученые, занимавшиеся XVII веком — столетием алхимии — и задававшиеся вопросом, что, собственно, означала надежда найти философский камень и получить золото, открыли духовный аспект алхимических опытов и их связь с герметической традицией. После этого началась эпоха уважения к символам и архетипам, чему немало способствовал Карл Юнг, а вероятно, и Мирча Элиаде, и многие другие. Во всяком случае, лаборатория алхимика перестала быть лишь местом, где стоят диковинные реторты, перегонные кубы и

* Вероятно, неологизм, происходящий от слова «люто».
** Янина Милош (1909-1986), первая жена поэта.

мехи, поддерживающие огонь, ибо там совершалась трансмутация (излюбленное слово, означающее превращение одного элемента в другой) высшего порядка. Иными словами, понятие духовной алхимии, известное в кругах герметистов XVII века, обрело былую ценность.

Мое жизненное приключение можно описать так. Неоперившийся, плохо образованный провинциал, я получил незаслуженное право войти в лабораторию алхимика и много лет сидел там в уголке, наблюдая и думая. А когда вышел оттуда в большой мир, выяснилось, что многому научился.

Амальрик, Андрей. Пожалуй, самым непостижимым событием двадцатого века стал распад государства, которое само себя именовало СССР, а во внешнем мире называлось the Soviet Union или L'Union Sovietique. Астрономические суммы, тратившиеся на самую многочисленную в мире политическую полицию, позволили ей стать силой, в чьем распоряжении были миллионы доносчиков и сеть лагерей рабского труда на просторах Евразии. Щедро финансировалась пропагандистская и шпионская деятельность за границей, благодаря чему иностранцы не знали правды о системе. Казалось, дорогостоящая машина террора и его маскировка гуманными лозунгами гарантируют незыблемость империи. Ее победы на полях сражений Второй мировой войны и участие в разделе Европы свидетельствовали о внутренней стабильности и порождали у населения вновь захваченных стран фаталистические настроения. Правда, с течением времени на монолите начали появляться трещины, однако оптимисты, замечавшие признаки разложения, навлекали на себя обвинение в том, что принимают желаемое за действительное.

Я принадлежал к числу умеренных оптимистов, то есть ожидал перемен. Во всяком случае, продолжительное господство Москвы над нашими странами казалось мне маловероятным. Перемены должны были произойти, но не при моей жизни. Кажется, Ежи Гедройц, ссылавшийся на конец британской и французской империй, был гораздо более уверен в крахе СССР, но и он не называл никаких дат. Я знал только двух людей, утверждавших, что империя распадется, причем не в отдаленном будущем, а сейчас — через десять, самое большее полтора десятка лет.

Одним из них был Андрей Амальрик, сын историка, родившийся в Москве в 1932 году*. Он был русским, гражданином Советского Союза, но осознавал французское происхождение своей семьи и любил ссылаться на свою, в сущности, вестготскую фамилию, которую носили два короля-участника крестовых походов XII века, а также папский легат, прославившийся тем, что после взятия альбигойского города Безье крикнул: «Убивайте всех, Господь узнает своих». Другой средневековый Амальрик — Бенский — был еретиком и мучеником за свою веру**. Предок русского Амальрика прибыл в Россию из Авиньона в XIX веке. Андрей интересовался прошлым и писал диплом о Киевской Руси. Однако, когда от него потребовали внести в работу изменения в духе официальной теории, утверждавшей, что первыми князьями были не скандинавы, а славяне, он отказался и остался без диплома. Амальрик вел собственный образ жизни, зарабатывая чем придется, лишь бы сохранить внутреннюю свободу. С государством он не боролся, но и не признавал его. Газет не читал из-за их лживости, а всё написанное им было неподцензурно — например, пять сатирических пьес в духе театра абсурда. Его тактика сознательной отстраненности напоминала тактику Иосифа Бродского. Таким же, как у Бродского, было и обвинение, предъявленное ему после ареста в 1965 году: тунеядство (речь шла о помощи знакомым художникам в отправке за границу их картин). Приговор: два с половиной года ссылки в сибирский колхоз. Андрей написал об этом книгу «Нежеланное путешествие в Сибирь» и передал рукопись за границу. Книга увидела свет в 1970 году в Нью-Йорке. Я прочел ее, и содержащиеся в ней меткие наблюдения о повседневной жизни русской деревни позволили мне лучше понять

* На самом деле Андрей Амальрик родился в 1938 году.

** В действительности Амальрик Бенский умер своей смертью. Лишь позднее, после осуждения его учения собором в Париже, прах Амальрика велели выкопать и разбросать по полю.

труд «Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?». Руководствуясь своей тактикой борьбы за свободу в рамках закона, Андрей печатался открыто, под своим именем, с указанием адреса. Книжка (по сути дела эссе) вышла в 1969 году в Амстердаме, а затем издавалась в переводах на разные языки — в том числе и на польский, в парижской «Культуре».

В 1966 году Амальрику разрешили вернуться из ссылки, однако в 1970-м его вновь арестовали и приговорили к трем годам лагерей строгого режима. Наказание он отбывал на Колыме и выжил, но тогда ему добавили еще три года. Благодаря международному протесту, организованному Сахаровым, лагерь был заменен ссылкой, откуда Андрей вернулся в 1975 году, а в 1976-м уехал на Запад. Там его поочередно принимали Утрехтский и Гарвардский университеты, а затем Фонд Гувера в Калифорнии.

Предсказание Амальрика сбылось. Он ошибся всего на несколько лет. И, разумеется, сегодня мы воспринимаем это предсказание совершенно иначе, чем тогда, когда автора можно было обвинять в безответственных бреднях. Ввиду исключительности на фоне современников Амальрика сравнивали с Петром Чаадаевым, которого Николай I велел объявить сумасшедшим. Однако, как выяснилось, суждения Амальрика были вполне трезвыми, хотя и резкими.

Будучи историком, он писал о зарождении Киевской Руси, в эссе же, по его собственным словам, — о конце возникшей на ее месте империи. Вопреки советологам, занимавшимся в первую очередь импортированным с Запада марксизмом, он утверждал, что благодаря марксизму империя просто продержалось немного дольше, подобно Риму, который, приняв христианство, продлил свое существование на несколько столетий. Он не доказывал этот тезис, но, следуя ему, направлял острие критики против некоторых особенностей своей страны, в чем у него было немало предшественников, начиная с Чаадаева. Амальрик сравнивал государство царей и их преемников с кислым тестом, которое по инерции пучится и расползается. Залог скорого краха и утраты территориальных приобретений (Германия объединится, восточноевропейские страны обретут независимость) он видел в инертности умов «среднего класса», то есть бюрократии, уже неспособной принимать разумные и смелые решения. И предрекал, что многие из этих решений будут приняты лишь из страха потерять власть. Вообще, читая Амальрика, мы легко узнаём причины краха, о которых ведутся бесконечные споры, но уже задним числом, в то время как он выявил их раньше. Одна из этих причин — ментальность народа, которому чужды понятия достоинства и прав человека, который свободу отождествляет с анархией, справедливость видит в том, чтобы ближнему было так же плохо, как ему, а если кому-то живется лучше, то это несправедливо. Ко всему этому следует прибавить контраст между научным прогрессом и вековыми навыками. «Советские ракеты достигли Венеры — а картошку в деревне, где я живу, убирают руками. Это не должно казаться комичным сопоставлением, это разрыв, который может разверзнуться в пропасть. Дело не столько в том, как убирать картошку, но в том, что уровень мышления большинства людей не поднимается выше этого «ручного» уровня».

Амальрик достоин восхищения как человек, свободный вопреки обстоятельствам, но я вовсе не пытаюсь сделать из него пророка. Он предсказывал войну России с Китаем, усматривая в ней одну из причин катастрофы (вместо нее была война в Афганистане). Предрекал он и апокалиптический конец, взрыв накопившихся в обществе кровожадных инстинктов, что не подтвердилось. Мне кажется, что за его попытками рационализировать свои предчувствия стоял опыт сибирского колхоза и ощущение безысходности жизни, которая была настолько нищенской и жестокой, что требовала исторического возмездия. Тем не менее перечисленные Амальриком причины кажутся мне недостаточными, и событие предстает перед нами во всей его невероятности.

С Андреем я познакомился в Пало-Альто в Калифорнии — с ним и его красавицей-женой Гюзелью, художницей, на которой он женился в Сибири. От Гюзели, татарки, я узнал, что родом она из Москвы, а отец ее был дворником — там это татарская профессия: «Когда-то мы правили Русью, а теперь они взяли реванш и сделали нас дворниками».

В Сибири и после освобождения Гюзель разделяла судьбу Андрея, поэтому ее не приняли в Союз художников, а значит, у нее не могло быть выставок. В Америке я не видел ее картин и не знаю, какой она была художницей. Она очаровала меня своей красотой и обаянием.

Амальрик не дожил до исполнения своих предсказаний. В 1980 году он погиб в автокатастрофе по дороге на какой-то конгресс в Испании. Я всегда пытался представить себе, что́ делала Гюзель, потеряв его, как она жила.

Вторым человеком, утверждавшим, что Советский Союз вскоре распадется, был литовский политолог Александрас Штромас, недавний эмигрант, профессор одного из американских университетов. Правда, наш общий друг Томас Венцлова тоже не предвещал этому государству долгого будущего с тех пор, как, отслужив в советской армии, узнал, какие там царят неразбериха и коррупция. Однако Штромас прямо заявлял, что оно продержится еще несколько лет, но никак не десятилетий.

(...)

MIŁOSZ
MILOSH

Английский, язык. Первая мировая война положила конец господству французского, владение которым означало в Европе принадлежность к высшим кругам. Однако в межвоенное двадцатилетие он отчасти сохранил свои позиции, и лишь к концу 30-х люди начали учить английский. Я освоил азы английского по самоучителям и по достоинству оценил двуязычные книжечки с легкими рассказами — например, Киплинга. Впрочем, настоящее изучение этого языка началось во время войны, в Варшаве. Меня и Янку учил ее приятель из киногруппы «Старт» Тусь Теплиц, впоследствии мэтр Лодзинской киношколы. Он, как ни в чем не бывало, ходил по Варшаве, давая уроки и не позволяя себе думать, что, будучи евреем, рискует при этом жизнью. И под его влиянием мы тоже отгоняли от себя мысль, что ему грозит опасность. Правда, на крайний случай у него, кажется, были итальянские документы. Затем нашей учительницей была Мэри Скрижалина — англичанка, квакерша, которая приехала в Польшу с квакерской благотворительной миссией после Первой мировой и вышла замуж за русского эмигранта. У нее было двое детей: сын считал себя русским, дочь — англичанкой. Начало немецко-советской войны обернулось для Мэри трагедией: ее сын ушел служить в какие-то русские войска при немецкой армии, чтобы сражаться с большевиками, и с тех пор она не получила от него ни единой весточки. Мэри Скрижалина была доброй и славной. Вероятно, она погибла во время восстания.

Мои успехи в английском придали мне смелости, и по заказу Эдмунда Вертинского из тайного Театрального совета я решился перевести «Как вам это понравится» Шекспира. Правда, я всё-таки заглядывал во французские и польские переводы. Лучше всего у меня получились песни — их исполнение радовало нас и наших друзей. На первую половину 1944 года пришелся мой перевод «Бесплодной земли» Т.С. Элиота.

Живя в Америке, я столкнулся с проблематикой переводов во всем ее многообразии. Совершенно очевидно, что переводы в значительной мере формируют литературу и лексику многих стран. В Польше так было с латынью и французским. Неизбежное столкновение с технической цивилизацией и ее английскими терминами заставляет задуматься, что оставить как есть, а что полонизировать. Например, как перевести mass media — как «средства массовой информации»*? Боюсь, что этот полонизированный вариант ввел в обиход именно я, переводя эссе для изданного парижской «Культурой» сборника «Массовая культура».

В Университете Беркли я вел семинар по переводу поэзии, используя то, чему научился в нашей виленской гимназии на уроках латыни Адольфа Рожека. Это был демократический метод коллективного перевода. Результатом этой работы со студентами стала антология послевоенных польских поэтов, однако я предпочитал переводить других, а не себя — последнее гораздо труднее. Долгое время я был известен в одних кругах как автор «Порабощенного разума», в других — как переводчик поэтов, в первую очередь Збигнева Херберта. Как самостоятельный поэт я приобрел известность лишь в конце семидесятых.

(...)

* По-польски «środki masowego przekazu».

Биографии. Разумеется, все биографии лгут — не исключая моей, если читатель вздумает выстроить ее на основании этой азбуки. Лгут, ибо их главы соединяются друг с другом, исходя из некоей заранее принятой концепции, в то время как на самом деле они соединялись совсем иначе, хоть никто и не знает, как именно. Впрочем, точно так же лгут и автобиографии — ведь, чтобы понять все взаимосвязи, человек, пишущий о своей жизни, должен был бы смотреть на нее глазами Бога.

Биографии — как раковины, из которых можно узнать очень немногое о живших в них моллюсках. Даже моя биография, дополненная литературным наследием, вызывает у меня ощущение, будто я оставляю после себя пустую скорлупу.

Ценность биографий лишь в том, что они позволяют хоть как-то воссоздать эпоху, на которую пришлась та или иная жизнь.

(...)

Русский, язык. Я родился в Российской империи, где детям в школе запрещалось говорить на других языках, кроме русского. Даже уроки римско-католического Закона Божия нужно было вести по-русски, хотя, как рассказывал мне отец, в Вильне законоучитель обошел этот запрет, велев детям выучить по-русски какую-нибудь библейскую историю — на случай инспекции. Тогда вызванный ученик вставал и декламировал всегда одно и то же: *«Авраам сидел в своей палатке...»*

От принадлежности к России трудно избавиться. Законодательство СССР считало советскими гражданами всех, кто родился на территории царской империи. Впрочем, возможно, в этом формальном основании не было необходимости, коль скоро люди, пришедшие в 1944 году с Красной Армией, чтобы взять власть в свои руки, и так были советскими гражданами.

В детстве русский проникал в меня во время скитаний по России в Первую мировую войну, а затем в Вильне, где среди детей с нашего двора на Подгурной, 5 были говорившие по-русски Яшка и Сонька. Мне кажется, русификация Вильна и окрестностей шла весьма успешно, особенно после 1863 года.

Формально я никогда не учил этот язык, однако он сидел во мне довольно глубоко. Рискну утверждать, что у людей родом, скажем, из Галиции был немного другой слух, то есть они немного по-другому ощущали свой польский, что могло отразиться и в поэзии. У Лесьмяна, родившегося в Варшаве и учившегося в Киеве, угадывается как бы русское ямбическое эхо — впрочем, его первые стихи были написаны по-русски. Меня и самого очень сильно влекло к русской мелодике стиха. К примеру, Пушкин так покоряет силой и стройностью своих строк, что они запечатлеваются в памяти навсегда, словно высеченные. Однако я достаточно рано осознал, что регистр польской поэзии совсем другой и подражание русским таит в себе опасность. Надо сказать, что я совершенно не переводил с русского. Даже дружба с Иосифом Бродским, который перевел на русский немало моих стихов, не смогла этого изменить. Есть только одно его стихотворение в моем переводе, при том, что я довольно много писал о его поэзии по-польски и по-английски.

Спор о различии законов двух языков вспыхнул с новой силой в 1952 году после выхода «Евгения Онегина» в переводе Тувима. Интерпретацию Тувима раскритиковал автор конкурирующего перевода Адам Важик. Как известно, польский — язык с постоянным ударением на предпоследний слог, в то время как в русском ударение подвижное, с предрасположенностью к ямбическим стопам. Чтобы подражать пушкинскому ямбу, нужно использовать для рифм односложные польские слова. Тувим справился с этой задачей, но результат получился несколько монотонным. Важик в значительной

степени отказался от этого метода рифмовки, и его перевод легче дышит, лучше согласуется с духом польского языка. Несоответствие двух языков хорошо прослеживается на примере отношения русских к польской поэзии. Чаще всего им нравятся стихи, сильно модулированные ритмом и рифмой, то есть напоминающие их собственную поэзию.

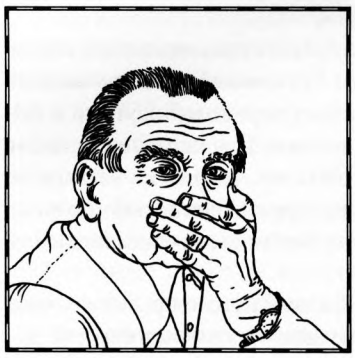
Польский язык избавляется от корсета метрического стиха и рифм без какого-либо серьезного для себя ущерба. Как это будет выглядеть в русском, неизвестно. Иосиф Бродский по-прежнему был метрическим поэтом.

До 1914 года Россия участвовала в общеевропейской цивилизации активнее, чем пришедшая в упадок после разделов Польша. А русская интеллигенция была в сущности космополитической. Отсюда заимствования в польской культуре через столицы держав-захватчиц: Пшибышевский из Берлина, Ярослав Ивашкевич из Киева — хотя по сути дела, благодаря новшествам в русской поэзии, из Петербурга. В межвоенном двадцатилетии коллеги Ивашкевича из «Скамандра» кажутся по сравнению с ним провинциалами.

Поколению моих родителей Россия представлялась *простором* — неслучайно свое первое место инженера отец получил в Сибири. Необходимость возвращаться оттуда после революции на берега Вислы многие воспринимали так, будто их запирали в клетку, и мне известно несколько знаменательных случаев тяжелой адаптации к мелочности, интригам, наветам и войне всех со всеми. Блиставший в Петербургском университете Леон Петражицкий, на чьи лекции валили толпы, в Польше покончил жизнь самоубийством. Та же участь постигла и Александра Ледницкого.

Должен прибавить, что в 1945 году из-за русского языка меня чуть не расстреляли: «Откуда ты знаешь русский? Шпион!»

(...)



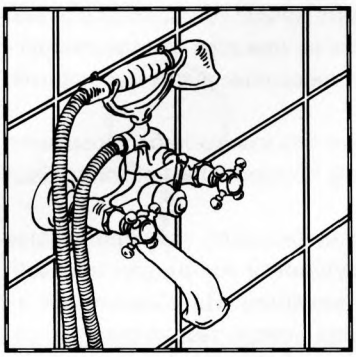
Самолюбие. Дает о себе знать, когда его задевают, а поскольку случаев для этого всегда предостаточно, нам приходится постоянно иметь с ним дело. На нем зиждется весь театр человеческого общения, то есть именно оно дергает за ниточки нашей трагикомедии.

О себе могу сказать: я бывал и наверху, и внизу. Наверху самолюбие немного успокаивается, и в этом достоинство успеха. Внизу обнаруживается, что, за неимением лучшего, оно способно утешаться мелкими удачами. Скольких неудавшихся художников ободряют похвалы из уст Каси или Иоланты, сколько мелких чиновников в провинциальных городках делает предметом своей гордости коллекцию почтовых марок...

Самолюбие — это шопенгауэровская воля, двигатель, равный по силе биологическим страхам и вожделениям. Однако воля может далеко не всё — даже в спорте, где так много значат ежедневные упорные тренировки. Работать в гармонии телу позволяют открытость, доверие и некоторая пассивность. Тем более не нужно напрягаться в поэзии, где мы получаем дар — заслуженный или нет. Возникает противоречие между стремлением к признанию и славе, с одной стороны, и созиданием вещей, которые могут эту славу принести, — с другой.

Я, годами сидевший внизу в качестве профессора паршивого факультета языков, само существование которых сомнительно, с юмором думаю о мелких утешениях, немного успокаивавших жалобы моего самолюбия.

(...)



Студенческое, общежитие. В Вильне долго не было ничего подобного, кроме «менсы», то есть столовой, название которой распространялось и на довольно неприглядное общежитие на улице Бакшта. Новое студенческое общежитие на улице Буффалова гора, напротив гимназии, где я проучился восемь лет, построили в 1932 году, и мне удалось получить там место в двухместной комнате. Вместе со мной поочередно жили: Владислав Рыньца, юрист из Силезии, в то время член «Стрельца», очень набожный и очень левый, в военные годы воротила черного рынка, с моей помощью скупавший в оккупированной Варшаве писательские рукописи для издания после войны; Ежи Штахельский, студент медицины в мундире харцмистра, из-за антисемитских скандалов в университете склонявшийся влево, вплоть до коммунизма, после войны министр здравоохранения Народной Польши; Кучинский, медик, из «Всепольской молодежи».

Затем я пошел на повышение — в одноместную комнату на пятом этаже. Это был почти рай. Металлическая кровать, рабочий стол, стенной шкаф, рядом на этаже прекрасные душевые. Что еще нужно человеку? Меня интриговал ближайший сосед за стенкой. Стоило ему появиться, как он сразу притягивал все взгляды — как всегда, недоброжелательные к любому отклонению от нормы. Вместо костюма он носил нечто вроде бурого балахона и двигался, как женщина, виляя бедрами, из-за чего был похож на гермафродита. Это был художник, но что он пишет, никто не знал, ибо он запирался у себя в комнате и не поддерживал ни с кем отношений. Фамилия его была Карчмаркевич. Мне удалось немного приручить его, так что он впустил меня к себе и показал картины. В сущности это были написанные на досках иконы, которые мне не слишком понравились, зато вполне подходили к этой келье отшельника.

Другим моим соседом по этажу был Франек Анцевич, или Пранас Анцявичюс, с которым годом раньше мы готовились к экзамену у профессора Гутковского. Бедняга Гутковский, расстрелянный немцами, был, видно, психопатом, потому что не только считал статистику королевой наук, но и истязал студентов, заставляя выписывать на доске математические уравнения. Тем не менее экзамен мы сдали, и у нас не осталось ни одного трудного предмета до самого диплома, так что на четвертом курсе юриспруденции мы предавались нескончаемым беседам — о марксизме и Советах, ибо Драугас (товарищ), как я его называл, был прирожденным советологом, при этом скептически относившимся к советской системе.

Пятый этаж студенческого общежития я вспоминаю как счастье. К этому нужно прибавить еще одно обстоятельство. Я до сих пор ума не приложу, как это было возможно без вмешательства какой-нибудь сверхъестественной силы, которая может либо сделать человека невидимым, чтобы он прошел через охраняемые ворота, либо навести сон на стражу. Во всяком случае, та, чье имя я не намерен упоминать, проникала в мою комнату, и там, в этом маленьком cubiculum, мы совершали радостные обряды отдаваемого и принимаемого наслаждения. Один из самых удивительных случаев в моей жизни — настолько малопонятный, что это почти как сон.

* Националистическая молодежная организация.

Игорь Мельников

БЕЛОРУССКИЙ КАТЫНСКИЙ СПИСОК

Тайна не раскрыта

Сенсационное заявление польской «Газеты выборчей» о том, что в Москве обнаружен белорусский катынский список, воодушевило не только родственников польских граждан, репрессированных советскими властями, но и исследователей данной проблематики в Польше, Белоруссии и России. Но, как оказалось, польская газета «обнародовала» документ, уже известный историкам. Еще в начале 1990 г. Александр Гурьянов из «Мемориала», работая над архивными материалами конвойных войск НКВД СССР, нашел данные выписки из «Книг учета конвоируемых лиц» за 1939-1941 гг. По заявлению специалистов исследовательского центра «Карта» (Польша) эти документы давно находились в распоряжении польской стороны.

Как отмечает газета «Жечпосполита», данный документ специалисты «Карты» использовали при составлении «Списка репрессированных» — серии научных изданий, в которых опубликованы фамилии польских граждан, подвергшихся репрессиям советских властей после присоединения Западной Белоруссии и Западной Украины к СССР. Таким образом, работы по поиску и реконструкции белорусского катынского списка продолжаются.

В 1959 г. председатель КГБ СССР Шелепин направил письмо Хрущеву, в котором, в частности, отмечалось:

«В Комитете государственной безопасности с 1940 года хранятся учетные дела и другие материалы на расстрелянных в том же году пленных и интернированных офицеров, жандармов, полицейских, осадников, помещиков и т.п. лиц бывшей буржуазной Польши. Всего по решению специальной тройки НКВД СССР было расстреляно 21.857 человек, из них: в Катынском лесу (Смоленская область) 4.421 человек, в Старобельском лагере близ Харькова 3.820 человек, в Осташковском лагере (Калининская область) 6.311 человек и 7.305 человек были расстреляны в других лагерях и тюрьмах Западной Украины и Западной Белоруссии.

Вся операция по ликвидации указанных лиц проводилась на основании Постановления ЦК КПСС от 5-го марта 1940 года. Все они были осуждены к высшей мере наказания по учетным делам, заведенным на них как на военнопленных и интернированных в 1939 году.

С момента проведения названной операции, т.е. с 1940 года никаких справок по этим делам никому не выдавалось и все дела в количестве 21.857 хранятся в опечатанном помещении.

Для Советских органов все эти дела не представляют ни оперативного интереса, ни исторической ценности. Вряд ли они могут представлять действительный интерес для наших польских друзей. Наоборот какая-либо непредвиденная случайность может привести к расконспирации проведенной операции, со всеми, нежелательными для нашего государства последствиями. Тем более, что в отношении расстрелянных в Катынском лесу существует официальная версия, подтвержденная произведенным по инициативе Советских органов власти в 1944 году расследованием Комиссии (...). Согласно выводам этой комиссии все ликвидированные там поляки считаются уничтоженными немецкими оккупантами (...).

Исходя из изложенного представляется целесообразным уничтожить все учетные дела на лиц, расстрелянных в 1940 году по названной выше операции. Для исполнения могущих быть запросов по линии ЦК КПСС или Советского правительства можно оставить протоколы заседаний тройки НКВД СССР, которая осудила указанных лиц к расстрелу, и акты о приведении в исполнение решений троек. По объему эти документы незначительны и хранить их можно в особой папке».

В итоге упомянутые документы по катынскому делу были уничтожены. В 1994 г. Служба безопасности Украины обнаружила и передала Польше т.н. украинский катынский список, в котором содержались фамилии 3435 польских граждан, расстрелянных НКВД на территории УССР. Этот документ представлял

из себя список личных дел арестованных и приговоренных к расстрелу польских граждан. Большинство историков по ту и эту сторону Буга считают, что должен быть и аналогичный белорусский катынский список, содержащий соответственно фамилии 3870 граждан Второй Речи Посполитой. НКВД БССР не мог не вести учет заключенных. К тому же речь идет не о сотне арестованных, а почти о четырех тысячах. Взятые под стражу представители т.н. польского контингента первоначально содержались в тюрьмах на территории западных областей БССР. 22 марта 1940 г. Лаврентий Берия подписал приказ №00350, в соответствии с которым органам НКВД БССР предписывалось перевести 3000 заключенных, содержащихся в западнобелорусских тюрьмах, в Минск. Транспортировка была осуществлена. В белорусской столице следы этих почти четырех тысяч человек теряются. По мнению польских, российских и белорусских исследователей, эти люди были расстреляны в соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 года.

Исследовательский центр «Карта» на основе архивных документов, имеющихся в его распоряжении, занимается реконструкцией белорусского катынского списка. Стоит подчеркнуть, что «Карта» обладает огромным количеством материалов, касающихся трагической судьбы польских граждан в период с сентября 1939 по июнь 1941 года. Благодаря данным материалам и после тщательного сопоставления фамилий польских граждан, арестованных на территории БССР в 1939-1940 гг., с уже известными катынскими списками удалось установить людей, имена которых, скорее всего, значились в Белорусском катынском списке. Приведу некоторые из них.

В марте 1940 г. в Скиделе был арестован крестьянин Болеслав Михайлович Бибило (1893 г.р.). Первоначально он содержался в скидельской тюрьме, но вскоре был оправлен в Минск. В декабре 1939 г. в Гродно в руках НКВД оказался сотрудник польской государственной полиции Емельян Винцентович Чайковский. В 1940 г. он был направлен в распоряжение НКВД в Минске. Также в городе над Неманом в феврале 1940 г. был арестован один из создателей Польской военной организации (POW) Ян Станиславович Мечковский (1913 г.р.). Его следы теряются в столице БССР. В октябре 1939 г. в Белостоке советские органы госбезопасности арестовали служащего почты Казимежа Викторовича Груберского (1895 г.р.). В 1940 г. из белостоцкой тюрьмы он был переведен в Минск. В сентябре 1939 г. в Бельске-Подляском НКВД арестовало капитана резерва Войска Польского Густава Нарбута (род. в 1896 г. в Волчине). Последнюю весточку от него родные получили в 1940 г. из Минска. В апреле 1940 г. в Лиде был арестован служащий польских железных дорог (PKP) Петр Викторович Негулуевин (род. в 1894 г. в Петербурге). Из лидской тюрьмы он был отправлен в Минск. В 1940-м в Литве был интернирован и отправлен в минскую тюрьму НКВД майор Войска Польского, инспектор управления физической культуры и военной подготовки при военном министерстве Польши Влодзимеж Секунда. На этом его следы теряются. В январе 1940 г. был арестован осадник, воевавший во время советско-польской войны в армии Галлера, войт гмины Высоцк Столинского повета Эдвард Вадлевский. В соответствии с приказом о «разгрузке тюрем западных областей БССР» он был отправлен в столицу БССР...

Скорбный список можно продолжать. Родственники этих людей до сих пор (спустя 72 года) ничего не знают о судьбе своих близких. Что же касается белорусского катынского списка, то вряд ли его стоит искать в Минске. Большинство документов Минского НКВД были уничтожены в июне 1941-го. В ходе немецких бомбежек одними из первых были разрушены канцелярии внутренней тюрьмы НКВД («Американки») и Центральной тюрьмы на ул. Володарского. В свою очередь, вся документация, касающаяся «польского контингента», уходила в Москву и должна была оседать в тамошних архивах. В 1959 г. Шелепин «уничтожил» личные дела арестованных НКВД граждан Второй Речи Посполитой. Но другие документы сохранились. Часть из них была обнародована в конце 1980-х — начале 1990-х. Последней катынской тайной остается «белорусский список».

Правда о сталинских репрессиях против граждан Второй Речи Посполитой на территории БССР важна прежде всего с человеческой точки зрения. Родственники безвинно убиенных тогда людей должны узнать всё о трагической судьбе своих близких. К тому же следует учитывать, что тогда жертвами НКВД стали не только поляки, но и представители других национальностей, в том числе и белорусы. Впрочем, не важно кем были те люди в плане национальности и религии. Главное, что их судьба была связана с нашей страной и историей.

23.06.2012

Мартин Мицнер

СЫГРАЙ В ГОРОД

Городские игры и их популярность — всё еще довольно новое явление для Польши. Что это за игры? Проще всего определить их как настольные игры, перенесенные в городское пространство. Участники перемещаются в определенном порядке и в соответствии с заранее установленными правилами по определенной территории и выполняют данные им организаторами задания. Таким образом, игра представляет собой смесь харцерского похода, компьютерной ролевой игры (RPG) и театрального представления, а точнее перформанса. Игры на местности и походы многие годы остаются традиционными для методики харцерского движения. Однако они отличаются от городских игр замкнутостью, недоступностью для участников «со стороны» и строго дидактичными целями их проведения. Городские игры больше напоминают RPG или их «живое» воплощение, т.е. всякого рода выездные «ролёвки», однако в отличие от них не погружены в фантастическую реальность, мир магии и драконов. Игры, о которых идет речь, — это еще и самая открытая разновидность.

Городские игры, как и настольные, могут сильно различаться. Это могут быть простые прогулки или сложные многочасовые «стратегии». Здесь существует много вариантов и подходов. Общее для всех игр — это использование игрового пространства. Оно влияет не только на логистику игры, но и на формы и содержание заданий, мемов (наименьших информационных единиц) таких проектов.

У истоков городских игр в Польше стоят различные неформальные общественные и художественные объединения. Жителям Варшавы, а именно здесь этот феномен прочно вписался в культурный пейзаж, пришлись по душе совместные и стихийные действия в городском пространстве. Это произо-

шло, возможно, потому, что в Варшаве, городе, практически полностью разрушенном и восстановленном после Второй Мировой войны, красивых мест немного, а интересных и заброшенных — сколько угодно. Именно они вдохновляют устроителей городских игр под знаком Urban Playground. Девиз «Город — это игра» привлекает сотни людей, выполняющих часто весьма простые задания (разгадать математическую загадку, пройти подземный лабиринт Центрального вокзала) в неожиданном контексте мест привычных и скучных.

Игры приобрели популярность и притягивают сотни, а иногда и тысячи участников. От «инициативы снизу» они развились до тщательно планируемых событий, в которых задействовано множество людей и большие деньги. Коммерческие предприятия заинтересовались играми как инструментом маркетинга, а общественные организации и гражданские объединения — как продолжением своей уставной деятельности. Игры имеют образовательный и развлекательный характер. Среди затрагиваемых в них тем стоит упомянуть хотя бы новейшую историю, гражданское участие, общественные обсуждения.

В основе прикладной игры лежит общая идея, от которой зависит, какие средства и в какой форме будут использоваться на этапах реализации. Идея игры может быть практически любой, но преобладают мотивы приключения, тайны, погони или бегства, т.е. киносюжеты. Именно такие игры привлекают больше всего участников и отвечают современному вкусу.

Тема существенным образом влияет на выбор места, где будет проходить игра. Это в свою очередь определяет продолжительность игры, т.е. насколько большой район должны будут «покорить» игроки. Контрольные пункты могут находиться в обычных, общедоступных местах, которые жители города посещают ежедневно. Но это могут быть и места необычные, закрытые, забытые или просто неизвестные. Именно такие часто становятся элементом игры, которая в этом случае дает дополнительную возможность лучше узнать выбранный район города.

Когда тема, место и время игры выбраны, нужно определить, какие задания должны будут выполнить игроки и как будет строиться фабула игры. Как и в кино, фабула складывается из действующих лиц и событий, которые с ними происходят. В зависимости от ожидаемого результата прорабатываются соответствующие диалоги, взаимодействия игроков, характеры героев, роли которых исполняют организаторы. Они должны обладать хорошими актерскими способностями и уметь импровизировать: каждый игрок или группа игроков по-разному ведут себя, противостоя игровой реальности.

Задания, иначе называемые пунктами, — это, как уже говорилось, основной структурный элемент игры. Они создают ее целостность. Они представляют собой элементы города, отделенные от реальности игрой. Когда игроки их обнаруживают и добираются до них, они узнают следующий фрагмент фабулы и должны выполнить связанное с ним задание. Задания бывают самыми разными: разыграть сценку, разгадать математическую загадку или шифр, написать стишок, нарисовать карту, подслушать разговор стоящих рядом людей, прокрасться за спиной охраны, приготовить блюдо по рецепту, пробежать определенную дистанцию на время. Типов заданий и их сочетаний сотни.

Важно то, что задания-пункты должны создавать цельную игровую действительность. Организаторы, присутствующие на соответствующих пунктах, могут, но не обязаны включаться в игру. Однако, если они этого не делают, шансы на то, что участники хорошо войдут в свои роли, уменьшаются.

Сходство сценариев игр и фильмов очевидно, и на нем построено множество игр. Одна из них — Городская киноигра, проводившаяся в Варшаве в 2009 году. Она была организована Польским институтом киноискусства с целью познакомить молодых поляков с классикой польского кино. Игроки — семьи с детьми, учащиеся школ, студенты, работающие — выступали в роли сыщиков, ищущих разбросанные по городу пункты, каждый из которых был связан с определенным фильмом.

Пункты были расположены в варшавском районе Центр. Здесь множество интересных и скрытых мест, проходов, парков и зданий. В то же время незначительная удаленность выбранных организаторами пунктов друг от друга позволяла пройти весь маршрут пешком примерно за три часа.

С самого начала игры были установлены ее обязательные условия, в том числе самое важное: победителем станет тот, кто закончит игру в определенное время. Среди команд, прошедших маршрут, но не занявших никакого места, награды разыгрывались по жребию.

Уже самый первый этап требовал знания польского кино и Варшавы. Чтобы принять участие в игре, нужно было ответить на вопрос, из какого здания выходил герой представленного фрагмента фильма «Не люблю понедельники». Именно здесь находилось место старта. Там каждая команда получала карту игры, которая также служила подтверждением выполнения заданий.

Организаторы выбрали фильмы, действие которых хотя бы частично происходило в Варшаве. Пункт, связанный с фильмом, не всегда относился к нему непосредственно или в нем появлялся — достаточно было атмосферы, ассоциации с героем или заданием.

На станции пригородной железной дороги игроки должны были приготовить «султанский десерт», связанный с фильмом «Девушки на выданье», где героинь угощают этим очень сладким блюдом и заставляют его съесть. Игроки должны были приготовить небольшую порцию этого блюда из подготовленных заранее ингредиентов и затем, как и героини фильма, съесть приготовленное.

Определенные трудности вызвал пункт, связанный с фильмом «Киллер». От игроков требовалось выполнить сложные математические расчеты, связанные с нелегальной продажей самого высокого здания столицы — Дворца культуры и науки. Как и в фильме, наградой служил сертификат о покупке Дворца.

«Разыскиваемый/разыскиваемая» — это фильм о приключениях мужчины, который, пытаясь скрыться от предполагаемого преследования, меняет пол и нанимается прислугой. Смена пола порождает множество комических ситуаций. В похожем положении находились участники игры, которым после переодевания в одежду противоположного пола нужно было выполнить, казалось бы, простую ручную работу.

В игре было два музыкальных пункта. Первый был связан с фильмом «Невинные чародеи», где значительную роль играл польский джаз 50-х годов. В контрольном пункте игроков ждал музыкант, игравший на саксофоне, и викторина о Варшаве того периода. Второй пункт относился к периоду Второй Мировой войны и фильму «Запрещенные песенки». Как и герои фильма, игроки пели запрещенные, анти-немецкие песни под аккомпанемент уличного оркестра.

Очень интересным был пункт, расположенный в небольшом студийном кинотеатре «Рейс». Там, в специально подготовленном зале, демонстрировался закольцованный фрагмент знаменитого фильма «Рейс». Игрокам нужно было составить диалог и затем прочитать реплики так, чтобы они «попали» и получилась озвучка. Сделанные во время игры записи были затем показаны участникам.

Последний пункт игры был инспирирован фильмом «Приключение на Мариенштадте» [в советском прокате — «Случай на Мариенштадте»]. Этот красивый район Варшавы был показан игрокам, как и в фильме, профессиональным, но слишком энергичным экскурсоводом. Задание состояло в том, чтобы выдержать темп и как можно больше узнать об этих местах.

Участники закончили игру в радостном настроении и заинтересовались показанными в ней фильмами. До финиша дошло 200 человек.

Игры отличаются друг от друга. Разница проистекает не только из намерений организаторов, но также из того, что в каждой игре участвуют разные люди. Участники создают игру, находясь «внутри» нее. Интерактивность игры и ее структуры — вот что составляет ее исключительность. Импровизация, частично ограниченная механикой и правилами, местом и временем. Смесь, которая часто дает весьма интересные эффекты.

Эугениуш Соболь

МАНДЕЛЬШТАМ И РЕВОЛЮЦИЯ

В Польше не ослабевает интерес к жизни и творчеству Осипа Мандельштама. В 2009 г. вышел сборник его стихов в прекрасном переводе Ярослава Марека Рымкевича «44 стихотворения и несколько фрагментов» (см. «Новая Польша», 2010, №2), а теперь опубликована книга Рышарда Пшибыльского «Вечная Россия. Мандельштам в 1917 году». Этот автор уже немало сделал для популяризации творчества Мандельштама в Польше. Он переводил его стихи, а также очерки «Слово и культура», «Путешествие в Армению», «Шум времени». У него была возможность лично узнать близких Мандельштаму людей — Анну Ахматову и вдову поэта Надежду Мандельштам, высказывания которых он приводит в своей книге, соглашаясь либо полемизируя с ними. (См. статью Ивоны Смольки «Рышард Пшибыльский, создатель польской улицы Мандельштама» — «Новая Польша», 2011, №12. — *Ред.*).

Признаюсь, что я с большой осторожностью подходил к чтению «Вечной России». Я опасался, что, привлекая внимание к общественно-политическим темам в поэзии Мандельштама, можно впасть в опасность обеднения слоя, содержащего универсальные культурные коды и аллюзии. Известно, сколько чернил извели в Советском Союзе, сочиняя ничего не стоящие и тенденциозные труды о Блоке и революции, Толстом и революции и т.п. Действительно, два из семи произведений, написанных либо опубликованных поэтом в бурном семнадцатом году, автор интерпретирует, ссылаясь на текущие политические события (стихотворения «Дворцовая площадь», «Когда октябрьский нам готовил временщик...»), но уже в остальных он показывает Мандельштама мастером тонкой и емкой исторической параболы. Немного особняком ставит Пшибыльский стихотворение «Кассандре», посвященное Ахматовой.

Трудно найти более подготовленного исследователя поэзии Мандельштама, чем Пшибыльский. В совершенстве зная древнегреческую и древнеримскую мифологию, а также иудео-христианскую культуру, он безошибочно улавливает скрытые в ней ссылки. Но прежде всего русского поэта и польского эссеиста связывает классицизм как попытка взглянуть на мир с позиции ничем не замутненного духовного спокойствия и даже в самых трагических событиях XX века, которые, казалось бы, уже не вмещаются в границы человеческого понимания, найти универсальные правила, имеющие аналогии в других исторических периодах.

Пшибыльский старается реконструировать работу поэтического воображения Мандельштама в неспокойном 1917 году. В своей книге он главным образом опирается на воспоминания Ахматовой, Зинаиды Гиппиус, а также вдовы поэта; исторический же фон этой эпохи он представляет на основе работ западных историков. Для каждого из семи рассматриваемых им стихотворений автор попытался раскрыть обстоятельства, сопутствовавшие его созданию: место, круг знакомых и литературные увлечения поэта. «Вечную Россию» Пшибыльский скрепил, как скобой, историософскими размышлениями поэта, подчеркивая эволюцию его взглядов: от замечания в очерке «Чаадаев», где тот отметил, что в России очень часто к историческим процессам относятся как к иллюзии, до стихотворения «Нашедший подкову», где Мандельштам решительно стал на позиции иррационализма, а в другом тексте (заметке, составленной во время чтения книги Анри Бергсона) сравнил историю с бурей — разгулявшейся стихией, функционирующей вопреки правилам логики.

Особенно интересными для меня были интерпретации Пшибыльского, в которых он сосредоточился на произведениях притчевого характера. Так, убежденность Мандельштама в мимолетности внешних форм истории, которые не меняют принципиально сущности явления, автор находит в стихотворении «Декабрист»: «Ссыльный пришел к выводу, что каждая смена строя в России — это в определенном смысле искажение ее сущности. Неизменным принципом этого строя было единовластие». Очевидно, исходя из этого, русский поэт находился далеко в стороне от революционных волнений

и скептически относился к любым попыткам введения в России западной парламентской демократии. Описывая отношение Мандельштама к революции, Пшибыльский на самом деле рассуждает о собственном отношении к России. После Второй Мировой войны он ребенком был вместе с семьей переселен с Волыни. Еще он пытается сам ответить на свой вопрос, действительно ли склонность к подчинению авторитарному правлению, «евразийскому деспотизму» — неотъемлемая черта русских или же это некий недостаток, который удастся постепенно преодолеть с помощью процессов демократизации общественной жизни? Было ли и свержение коммунизма сменой иллюзорной исторической формы, которая, по правде говоря, мало в чем изменила способ осуществления власти в Кремле? Была ли его собственная судьба изгнанника отдельной трагической исторической случайностью или же универсальным явлением, которое будет еще повторяться до бесконечности много-много раз?

Лето 1917 г. Мандельштам провел в Крыму. Пшибыльский восстанавливает его пребывание там на основании опубликованных на английском языке воспоминаний Игоря Стравинского и Роберта Крафта «Retrospectives and Conclusions» [в русском переводе — «Диалоги. Воспоминания. Размышления»]. Поэт был постоянно голоден, у него было от силы две смены одежды, но несмотря на это он выглядел счастливым. Ему удалось вырваться из занятого политикой Петрограда, полного яростно-агрессивных, большевицки настроенных солдат, на полуостров, освещенный лучами эллинской культуры. О двух «крымских» стихотворениях — «Золотистого меда струя из бутылки текла...» и «Меганон» — автор говорит по принципу контрапункта. Он мастерски толкует символы, восходящие к эллинской культуре и мифологии, встречающиеся в них обращения к приключениям Одиссея и Тезея. Дионисийская настроенность первого стихотворения у Пшибыльского интересно контрастирует с темой Танатоса, проявляющейся во втором. Таким образом, поэт подчеркнул тщетность любых человеческий усилий и стремлений, цель которых — изменить мир к лучшему, ибо так или иначе всему будет положен предел в бездне небытия.

Стихотворение «Среди священников левитом молодым» Пшибыльский называет произведением темным и неясным. Почему в год революции поэт обращается к отстоящей на две тысячи лет библейской традиции? Автор установил, что около 1905 г. Мандельштам познакомился с Семеном Ан-ским, благодаря которому начал рассматривать иудаизм не как мертвую традицию, а как источник художественного вдохновения. В первую очередь он почерпнул из него талмудический литературный жанр, называемый «мидраш», который состоит в объяснении библейских смыслов при помощи поучительных рассказов. Одной из разновидностей мидраша была хагада: «Итак, Осип Мандельштам, потомок «пастухов, патриархов и пророков», сразу же после победы большевиков, в разгар неопределенности и насилия, осенью 1917 г., придумал и рассказал чистую, как слеза, образцовую хагаду». Ссылаясь на книги Библии, Пщибыльский разъясняет лирическую ситуацию, представленную в стихотворении, указывая, что оно содержит предостережение: во время исторического вихря прежде всего не растерять свою личность. Ведь окончание старой эпохи всегда таит в себе какое-то начало, и эта цепь бесконечно вращается, подобно колесу.

Пшибыльский очень скупо использует сравнительный контекст, но всё же аналогия между отношением Блока и Мандельштама к бурным событиям 1917 г. в России напрашивается сама собой, хотя в этой книге ее нет. Существует как бы противостояние между поэтом-романтиком и классицистом. Для автора «Двенадцати» действительность была без остатка подчинена художественной идее, а большевицкая революция представляла собой прямое продолжение революции в духовной сфере, которую, по мнению Блока, ранее уже произвели символисты. В конфронтации с реальным миром романтический мечтатель чаще всего терпит поражение. Этой участи не избежал и Блок. В то же время Мандельштам как художник, обрядившись в доспехи классицизма, обращался к истории царской России, греческой мифологии и библейской традиции, используя историческую параболу для выражения смысла революционных событий при помощи категорий историософии. Эти доспехи не позволили сломить его даже в мрачные времена социализма, и только «кремлевский горец» заставил его замолчать, приговорив к смерти в ГУЛАГе.

Ryszard Przybylski. ***Odwieczna Rosja. Mandelsztam w roku 1917.*** Warszawa: Sic!, 2012.

ОТКРЫТКА МАНДЕЛЬШТАМУ

Существовать — высшее самолюбие художника.
Осип Мандельштам. Утро акмеизма

Это будет символическая открытка — поздравление Осипа Мандельштама с днем рождения. Отправлена из Варшавы, потому что здесь, в Варшаве, 15 января 1891 года, родился выдающийся акмеист.

И еще потому, что здесь, в Польше, появился, по-видимому, первый перевод его стихов на иностранный язык (см. статью Петра Мицнера в «Новой Польше», 2011, №12)

И еще потому, что как до войны (на страницах варшавской «Квадриги» и люблинской «Камены»), так и после войны — через «Твурчость», «Опинье», другие журналы, через выцарапанные у цензуры сборники стихотворений — Мандельштам приходил к польскому читателю, вдобавок ему везло на переводчиков. Когда в 1974 году Эва Демарчик пела его стихи в конгениальных переводах Виктора Ворошильского («Скрипач Герцович» [«Жил Александр Герцович...»]) и Ежи Помяновского («Цыганка» [«Сегодня ночью, не солгу...»]), эти песни обрели огромную популярность, о чем свидетельствует хотя бы количество проданных экземпляров пластинки, где они записаны.

И еще потому, что в 1983 г. Ярослав Марек Рымкевич выпустил в подпольном издательстве книгу под выразительным заглавием «Улица Мандельштама», отсылающим к воронежскому стихотворению автора «Камня».

И еще потому, что подобных запоздалых триумфов Мандельштама — и, кстати, не только в Польше — было больше, о чем метко написал Яцек Качмарский:

Мандельштам схоронен? Возможно ли этак?
Про него живого пишется в газетах!

(...)

Смотрит сверху Осип на земные шрамы,
Впитывая горечь запоздалой славы.

(Здесь и далее пер. Н.Горбаневской)

И потому, наконец, что не так давно, 18 мая 2012 г., возле здания исторического факультета Варшавского университета на ул. Краковское Предместье, впервые в мире именем этого поэта назвали улицу — маленькую университетскую улочку. Наверняка не случайно, что она находится на территории кампуса, между зданиями Института истории и Института польской культуры. Там, среди гуманитариев, он лучше всего известен. Быть может, если бы улица Мандельштама находилась в центре города как таковом, то не обладала бы таким очарованием и особой атмосферой, и ступали бы по ней миллионы людей, удивляющихся такому шершавому названию, как в знаменитом стихотворении поэта:

Это какая улица? — Улица Мандельштама.
Что за фамилия чертова? —
Как ее ни вывертывай,
Криво звучит, а не прямо!

Эта университетская улочка символически заполняет определенные пробелы. Раз — в вопросе запоздалого познания и упрочения памяти о поэте, два — в вопросе реального присутствия Мандельштама в современном польском литературном восприятии. Тем не менее без малого тридцать лет спустя можно вступить в диалог с Рымкевичем и ответить на его горький упрек:

Где она эта улица Улицы этой нету

Здесь нужно с благодарностью назвать имена двух людей, стараниям которых мы обязаны осуществлением этого начинания: Адама Поморского, президента Польского ПЕН-клуба, автора замысла, и тогдашнего проректора Варшавского университета Влодзимежа Ленгауэра.

Потому-то эта деньрожденная открытка должна быть отправлена из Варшавы, от представителя молодого поколения читателей. С весьма выразительного (хотя без номера дома и квартиры) адреса. С улицы Мандельштама.

***Дорота Семерыт**, студентка факультета культурологии*
Университета им. кардинала Стефана Вышинского (Варшава),
слушательница семинара «Восточный фон польской литературы XX века»

Эльжбета Савицкая

КУЛЬТУРНАЯ ХРОНИКА

» Для начала что-то, казалось бы, малосущественное — пальма. Финиковая пальма phoenix canariensis. 12 декабря отмечала свое десятилетие знаменитая инсталляция Иоанны Райковской «Привет с Иерусалимских Аллей». Искусственная пальма, стоящая на площади де Голля в Варшаве на пересечении Иерусалимских Аллей и Нового Света — части исторического Королевского тракта — поначалу вызывала раздражение и отвержение, особенно властей и администрации. Сегодня, окруженная симпатией варшавян, она стала одной из «икон» столицы. Откуда вообще замысел пальмы, выяснил критик Кароль Сенкевич.

— Что делает пальма в центральноевропейском городе, к тому же в столь неподходящем для нее климате? Вопрос следовало бы, однако, сформулировать иначе, хотя немногие это делают: почему главная улица Варшавы в своем названии содержит Иерусалим. Ответ прост: в XVIII веке на границе города был основан городок еврейских купцов и ремесленников, называемый Новым Иерусалимом. Именно от этого Иерусалима, а не того, ближневосточного, известного по Библии, получила свое название улица. История Нового Иерусалима не была, однако, счастливой. Польские купцы под предлогом конкуренции сумели вытеснить евреев. И название улицы мы можем символично прочесть как выражение отсутствия — не только евреев из Нового Иерусалима, а вообще евреев. До войны они составляли 30% жителей Варшавы. Большинство погибло в гетто и концлагерях. Не будем забывать и о позорных событиях антисемитской кампании 1968 года. Может ли пальма стать монументом, который «помнит» за нас? — спрашивает молодой историк искусства. — Наверное, не может, но хорошо, что она есть.

» В варшавской галерее «Захента» проходит первая в Польше ретроспективная выставка Петра Укланского, одного из самых непредсказуемых художников-постконцептуалистов. И известного провокатора, доставляющего заботы властям. Выставка носит отсылающее к Мицкевичу название «Сорок и четыре» (хотя это одновременно аллюзия на сорок четвертый день рождения художника). Пространство галереи наполнено специальной стенографией, на фоне которой Укланский разместил свои картины, инсталляции и фотографии. Имеются не разрешенные детям порнодвойники — фотомонтаж собранных из газет и интернета половых актов, в которых участвуют двойники известных людей. Есть зал, напоминающий большую матрицу, сконструированную из хлопкового тряпья. Есть символ Третьей Речи Посполитой — гигантский орел, — а также пульсирующий цветом и светом пол дискотеки. Есть стены, оклеенные фотографиями актеров из работы Укланского 2000 г. «Нацисты», собравшей фотографии из фильмов о гитлеровцах и говорящей о том, что образ нациста стал очень «секси» в кинематографии второй половины XX века (эротика власти и насилия!). Двенадцать лет назад выставка завершилась скандалом. Даниэль Ольбрыхский, протестуя против использования своего образа в композиции такого рода, изрубил фотографии саблей. А что усматривает в ретроспективе Укланского Дорота Ярецкая, художественный критик «Газеты выборчей»? Живую, пульсирующую современность.

— Даже если бы название выставки Петра Укланского в «Захенте» не было взято у Мицкевича — «Сорок и четыре», — ассоциации были бы те же: романтизм, Мицкевич, сны о могуществе, сверх-искусство. Власть — это ключ к мышлению Укланского, а ключ этот был позаимствован у нашего общества, точно так же одержимого стремлением властвовать. Гипнотическое пространство с мигающим полом, огромным орлом и композицией из нацистов, — все это напоминает мне польскую улицу последних нескольких лет, по которой маршируют всяческие демонстранты. Это, собственно, язык таких манифестаций — мешанина национальных символов и элементов массовой культуры: вот орел, вот польское диско, вот транспарант с Богоматерью, там карикатура на Туска, здесь хоральные распевы, а там — цифровой стенд.

Выставка в «Захенте» продлится до 17 февраля.

» Адам Загаевский, выдающийся поэт, эссеист и прозаик, получил 14 декабря степень почетного доктора Ягеллонского университета. «Эта поэзия не прославляла недостойных вещей, никогда не благословляла тиранию, не провозглашала и не провозглашает никаких готовых истин, а лишь задает робкие вопросы. Она говорит тихим голосом в окружающем нас гаме современности», — подчеркнула на торжественной церемонии Анна Чабановская-Врубель, профессор факультета польской филологии.

» Архив варшавской Национальной библиотеки пополнился собранием бесценных рукописей и личных вещей Чеслава Милоша, а также богатой библиотекой нобелевского лауреата, насчитывающей 10 тыс. названий, с автографами и рукописными пометами. Договор о приобретении Национальная библиотека заключала с сыном поэта Антонием Милошем. Передача архива библиотеки восполнила богатое собрание, посвященное Милошу и включающее, в частности, семейный архив Милошей (с XVI века), переписку нобелевского лауреата, а также так называемую «Черную тетрадь» — подготовленные Милошем собственноручно в 1964 г. автографы 35 поэтических произведений и переводов 28 стихотворений других поэтов, опубликованных после его смерти в сборнике «Стихи и штудии».

» Хотя по размаху «Вроцлавская промоция хороших книг» уступает книжным ярмаркам в Варшаве и Кракове, это мероприятие с каждым годом набирает популярность. Оно проводится в прекрасных интерьерах Вроцлавского музея архитектуры, разместившегося в бывшем Бернардинском монастыре и древнем костеле. В нынешнем году мероприятие проходило с 29 ноября по 2 декабря и собрало около ста экспонентов.

В конкурсе «Перо Фредро» на лучшую книгу года победила публикация профессора Марии Попшенцкой «55 сокровищ Польши» (издательство «Аркады»). Автор — крупный историк искусства и прекрасный популяризатор. В ее выборе польских сокровищ нашлось место для первоклассных произведений, таких как Гнезненские врата, образ Ченстоховской Божьей Матери, вавельские гобелены или Марьяцкий (Мариинский) алтарь в Кракове. Но в книге нашлось место и для новых произведений: пространственной композиции Катажины Кобро, художественной инсталляции Леона Тарасевича, который в 2003 г. покрыл стены и полы Варшавского центра современного искусства многоцветным ковром из красок и бетона. А также портрет Иоанна Павла II — знаменитая фотография Петра Укланского, представляющая портрет папы римского, образованный людской толпой. Во Вроцлаве отмечены премиями еще пять книг: «Станция Муранув» Беаты Хомонтовской (издательство «Чарне»), «Нусси и кое-что еще» Марека Бенчика и Адама Войтицкого (издательство «Формат»), «Напрасноpожденные. Репортаж об архитектуре ПНР» Филипа Спрингера (издательство «Карактер»), «Энциклопедия архитектуры Вроцлава» (издательство «Via Nova») и «Бессмертие. Медицинский сон Прометея» Анджея Щеклика (издательство «Знак»).

» Агнешка Колаковская, автор книги «Войны культур и другие войны», стала лауреатом литературной премии имени Анджея Киёвского за 2012 год. Постоянно живущая в Париже Колаковская (род. 1960), дочь философа Лешека Колаковского, занимается классической филологией и философией, переводами и публицистикой. Награжденная книга состоит из эссе, написанных в 2000-2010 гг. и опубликованных первоначально в польской периодике.

» На XXI Ярмарке исторической книги (29 ноября — 2 декабря», Аркады Кубицкого в Королевском замке в Варшаве) была вручена Историческая премия «Клио», присуждаемая в нескольких категориях за особый вклад в популяризацию истории. В «авторской категории» победительницей признана книга Ежи Вользера «Европа Холодной войны». Второй премией отмечена работа Эугениуша Дурачинского «Сталин. Создатель и диктатор сверхдержавы», третьей премией — книга Малгожаты Шпаковской «Литературные известия. Почти для всех».

» А в проводящемся уже в четвертый раз конкурсе на Историческую премию имени Казимира Мочарского (проводимом совместно Фондом «Агора», «Газетой выборчей» и Национальным центром культуры) победителем стал Тимоти Снайдер, автор книги «Окровавленные земли. Европа между Гитлером и Сталиным» (издательство «Свят ксёнжки»). Американский ученый, профессор истории Йельского университета, описывает в ней кровавые бойни пер-

вой половины XX века с точки зрения мирного населения. Земля была окровавлена в Польше, на западе России, на Украине, в Белоруссии, в прибалтийских странах. Сталин и Гитлер убили здесь 14 миллионов гражданских лиц и пленных. Смерть этих людей — половина погибла от голода — была заранее запланирована. «Нацистскую и сталинскую системы, — пишет Снайдер, — следует сравнивать не для того, чтобы понять ту или другую, но для того, чтобы понять наши времена и нас самих».

» В двенадцатый раз присуждена премия «Жечпосполитой» имени Ежи Гедройца. Лауреатами стали два профессора истории: только что названный Тимоти Снайдер, специалист по истории Центральной и Восточной Европы, автор таких публикаций, как «Реконструкция народов. Польша, Украина, Литва и Белоруссия, 1569 — 1999», «Красный князь» и последняя — «Окровавленные земли», а также Анджей Новак из Ягеллонского университета. Как написано в «Жечпосполитой», Анджей Новак, публицист и советолог, в своей научной работе занимается преимущественно политической историей и историей политической мысли Восточной Европы XIX-XX веков. Он знаток истории польско-российских отношений. С 1994 по 2012 год был главным редактором выходящего раз в два месяца журнала «Arcana». А вот чего «Жечпосполита» не пишет, так это того, что в сентябре профессор Новак участвовал в пресловутой встрече в клубе «Ронина» — месте политических дебатов правых идеологов. Известный своими крайними взглядами режиссер Гжегож Браун заявил там, в частности, что «демократия — это фальшивка». Он призывал: «Давайте встретимся на полигоне, пули должны свистеть». Призывал также к расстрелу журналистов «Газеты выборчей» и канала TVN (при аплодисментах зала). Делом занялась прокуратура.

» Премия имени Ежи Гедройца присуждается с 2001 г. за деятельность на благо польской государственности. Редакция «Жечпосполитой» учредила ее в первую годовщину смерти редактора Ежи Гедройца, создателя «Культуры» и «Института литерацкого» в Париже. В нынешнем году торжество вручения премии задержалось на месяц. Как можно предполагать, из-за землетрясения в редакции после напечатанной на первой странице газеты скандальной статьи «Тротил на остове «Туполева»» (полетели головы!). Первый раз в истории премии ею награждены в один год два человека. Во время торжества 12 декабря в варшавском Королевском замке были зачитаны два похвальных слова. Заслуги профессора Снайдера представил Чеслав Белецкий, а профессора Новака — Марек Корнат. Информация ПАП о премии прошла в прессе без откликов и без комментариев.

» Лауреатом проходившего в Кракове 5-13 декабря V Международного театрального фестиваля «Божественная комедия» стал Кшиштоф Варликовский. Из 27 спектаклей жюри выше всех оценило его «Африканские повести по Шекспиру». Статуэтку божественного комедианта и премию в размере 50 тыс. злотых, обеспечиваемую президентом Кракова Яцеком Майхровским, получил варшавский Новый театр, где поставлен этот спектакль.

» 18 декабря отмечала 60-летие Кристина Янда, одна из самых популярных польских актрис театра и кино, лауреат «Золотой пальмовой ветви» Каннского фестиваля за лучшую женскую роль (в «Допросе» режиссера Рышарда Бугайского). Незабываемая Агнешка в фильмах «Человек из мрамора» и «Человек из железа» Анджея Вайды, а в последнее время — Данута Валенса в спектакле «Данута В.». Актриса исполнила свыше пятидесяти ролей в кино и в театре, а кроме того режиссирует и руководит основанным ею театром. По случаю юбилея Кристина Янда выступила в спектакле «Долгий день уходит в ночь» Юджина О'Нила в своем театре «Полония».

» «Camerimage» — международный фестиваль операторского искусства, большой праздник кино в Быдгоще (24 ноября — 1 декабря) — проводился уже в двадцатый раз. Во время юбилейного мероприятия было показано 314 фильмов. Жюри конкурса польских фильмов признало лучшей картиной «Убить бобра» (режиссер Ян Якуб Кольский, оператор Михал Пакульский). Это уже не первая награда для фильма. На XLVII Международном фестивале в чешских Карловых Варах критики признали фильм Кольского лучшим из представленных, а Эрик Любос получил премию как лучший актер.

«Золотую лягушку», главную премию общего конкурса «Plus Camerimage» получил Никола Больдюк за операторскую работу в фильме «Ведь-

ма войны». «Серебряную лягушку» — Каролин Шампетье за съемки фильма «Holy Motors». Третья премия присуждена Тураю Аслани, оператору фильма «Времена носорога».

» Дебютный документальный фильм «Антон тут рядом» известного российского кинокритика Любови Аркус получил премию «Watch Docs» на конкурсе XII Международного кинофестиваля «Watch Docs. Права человека в кино» (Варшава, 7-16 декабря 2012). Премия присуждена Объединением польских кинематографистов. Жюри оценило «деликатный комментарий в отношении дисфункциональной системы общественного здравоохранения, рассматриваемой через историю аутичного подростка и его грустных взглядов на будущее в момент, когда в его жизни не стало матери».

Прощания

» 19 ноября в Варшаве умер Альбрехт Лемпп, выдающийся переводчик, инициатор и незаменимый организатор программы популяризации польской литературы за границей. Он родился в 1953 г. в Штутгарте, окончил факультеты славянской филологии и журналистики. Учился в Мюнхене, Софии и Кракове, докторскую диссертацию защитил в Чепел-Хилле (Северная Каролина, США). В Кракове познакомился со своей будущей женой Эльжбетой, сегодня известной как автор фотографий, преимущественно портретов польских писателей. Он был признанным мастером перевода польской литературы на немецкий язык, переводил книги Станислава Лема, Януша Гловацкого, Ежи Пильха, Анны Болецкой, Марии Нуровской, Анджея Барта. За переводческую деятельность, а также за пропаганду польской культуры был удостоен премии «Трансатлантик» в 2007 году.

Лемпп был основателем и руководителем краковского Объединения писателей, которое в дальнейшем, в 2004 г., было преобразовано в Институт книги. Ему мы обязаны успехом программы польской литературной презентации на книжной ярмарке во Франкфурте в 2000 г., где наша страна была почетным гостем. Гжегож Гауден, директор Института книги, вспоминает: «Именно благодаря ему в конце 1990-х в Германии познакомились с новым поколением польских писателей, таких как Анджей Стасюк или Ольга Токарчук. Человек широких горизонтов, друг многих польских писателей, умевший покорить других своим энтузиазмом и эффективно реализовать свои замыслы.

Альбрехту Лемппу было 59 лет.

» 29 ноября в Варшаве в возрасте 92 лет умер Яцек Возняковский — выдающаяся личность, исключительный человек для науки и культуры Польши и Европы. Историк искусства, писатель и публицист, он был одним из основателей созданного в 1959 г. в Кракове католического издательства «Знак», его многолетним директором и главным редактором. Для «Тыгодника повшехного» он представлял отчеты с 3-й сессии II Ватиканского собора. В 1953-1991 гг. преподавал в Люблинском католическом университете, в 1999-2000 гг. — на кафедре польской истории и культуры в иерусалимском Иудейском университете.

Возняковский участвовал в создании Клубов католической интеллигенции в Кракове и в Варшаве, входил в Папский совет по вопросам культуры. Состоял в Гражданском комитете при председателе «Солидарности». Участник «круглого стола». Был первым после падения коммунизма президентом Кракова (1990-1991).

Автор многих известных и любимых читателями книг, таких как «Мирянин в Риме и Бомбее», «Что происходит с искусством», «Татры в польской поэзии и искусстве», «Можно ли художнику жениться?», «Миряне», «Необходима ли культура для спасения?».

«Он был человеком мудрым, правдивым и смелым. Друзьям и ученикам являл пример гражданской позиции, лояльности, дружбы и критического мышления. Был продолжателем лучших традиций польского католицизма и гуманизма», — написал об умершем Адам Михник.

» 2 декабря в Варшаве в возрасте 88 лет умерла Мария Фултын, пользовавшаяся мировой славой оперная певица и режиссер. Известность ей принесло исполнение роли Гальки в опере Станислава Монюшко. Она выступила в этой роли свыше двухсот раз, в том числе и за рубежом. В 1971 г. подготовила премьеру в Гаване, в спектакле пела первая в истории чернокожая Галька. Артистка ставила «Гальку» в Мексике, Анкаре, Новосибирске, Канаде, США, Куритибе. Организовала также Международный Монюшковский фестиваль в Кудове-Здруе и Международный конкурс вокалистов имени Монюшко для молодых исполнителей.

Лешек Шаруга

ВЫПИСКИ ИЗ КУЛЬТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Вышел в свет «Общественный диагноз-2011» — компендиум социологических сведений о Польше и поляках, представленных профессором Янушем Чапинским, что послужило поводом для беседы с ним на страницах «Газеты выборчей» (2012, №281), озаглавленной «Только любовь».

Из беседы можно узнать, например, что «лишь 3% поляков доверяет польскому политическому классу. (...) В последние годы радикально снизился процент поляков, которые видят какую-либо связь между государственной властью и своей собственной жизнью. Только 7% усматривают какие-то мостки. (...) Поляки считают государство неэффективным во всё более широком спектре политических услуг. Еще недавно они полагали, что общественная служба здравоохранения должна гарантировать всё. А сегодня 49% платят дополнительные деньги частному сектору и на государство не оглядываются. Лишь бы Левиафан не вмешивался и дал им свободу выбора. (...) Средний гражданин всё еще требует от государства многого в трех сферах: национальной обороны, внешней политики и внутренней безопасности. (...)

Поляки не доверяют государству, а еще меньше доверяют всем политикам. То есть абсолютно не верят, что какая-либо политическая группировка может решить проблемы государства. Они думают: всё скверно, и с этим ничего особенно не поделаешь, так что везде, где я смогу обогнуть эти рифы, я их обогну сам. (...) А политики пусть отвяжутся. (...) Мы не мыслим категориями общего блага. Это показывают все исследования. (...) Поляков можно привлекать исключительно к тем проектам, в которых они будут видеть свой персональный интерес. (...)

Страна пока себя неплохо чувствует. К сожалению, времени всё меньше. Мы должны полюбить, иначе нас ждет сильное торможение. (...) Пожалуйста, вот доклад, который я должен прочесть через несколько дней: «Значение любви к ближнему для развития Польши». Это наше «быть или не быть». В Польше нет любви к ближнему, а если есть, то узко понимаемая. Ближний — это член моего ферейна или семьи. Исключительно. Остальные — это стая волков. Мы создаем такие ватаги. (...) Бежим наперегонки, занимаем повыше или пониже ступеньку на лестнице в зависимости от личных способностей и образования. Но не создаем никаких инноваций. Ибо для инноваций необходимо не только образование, но и любовь к ближнему. (...) Доверие, умение сотрудничать, отсутствие подозрений, что ближним движут низкие намерения и через минуту он меня вытолкнет. (...)

Вот взгляните на этот столбец. Он показывает, насколько сильно богатство развитых стран зависит от социального капитала. На 53%! Доверие между людьми позволяет работать в команде, позволяет также маленьким фирмам объединять усилия, капиталы и внедрять новые идеи. (...) Перед Польшей два сценария: или мы заморозим оплату труда и будем по-прежнему привлекательны в сборке стиральных машин, или сумеем развить в себе любовь к ближнему и сможем думать о переходе к инновационной экономике. (...)

Необходимо как можно скорее менять школу. Отказаться от идущей с XIX века бисмарковской модели. Ученики сидят здесь «как в кино», смотрят друг другу в спины. В скандинавской школе нет ничего похожего на ряды парт. Там парты стоят по кругу или по квадрату. Происходит взаимодействие. (...) Не то чтобы в нас главенствовал какой-то ген индивидуализма. Мы просто несем груз сарматских времен. Несколько родов боролись за влияние и латифундии, а крестьяне так и оставались прикрепленными к земле. Сотрудничество ни на что не было нужно».

Изменение модели образования может все радикально изменить: «Молодые польские предприниматели начнут доверять другим молодым польским предпринимателям, а если будут доверять, то смогут наладить сотрудничество. (...) В Силиконовой долине на этом всё и строилось, а не на каком-то чуде. Малые фирмы вступали в очередные фузии, создавали неформальный кластер. И росли. Сотрудничество приносило прибыли больше, чем конкуренция. В Польше, к сожалению, другой принцип: если я начну сотрудничать с другими, то могу иметь с этого только меньше, так как должен буду поделиться заслугами или прибылью. Или партнер меня выдавит. (...)

Взгляните, пожалуйста, на этот график. Мы замеряли уровень доверия с 1992 года. Горизонтальная линия, почти без отклонений. Поэтому государство должно добиться от поляков такой перемены. Сказать: 50% всех школьных заданий должны выполняться маленькими временными ученическими группами. А потом надо ждать плодов этих перемен».

Если их не будет, случится катастрофа: «Оплата труда в Польше — это 32% от средней в Евросоюзе. Быстро растет — в течение последних четырех лет на 7 процентных пунктов. Когда мы приблизимся к уровню в половину оплаты в Евросоюзе, то достигнем порога, за которым сборка стиральных машин в Польше перестанет окупаться. (...) Будет становиться меньше рабочих мест».

Чапинский, конечно, прав, но его вера в изменения образовательной системы в Польше несколько утопична. Поочередные реформы польского образования, от начальной школы и до аспирантуры, показывают, что никто из политиков, которые принимают решения об этих переменах, не в состоянии увидеть целого. Поэтому программы вырабатываются отдельно для каждого уровня обучения, так что они не в состоянии создать цельной системы. Всё по отдельности, ни один кубик не подходит к следующему. А ведь этого не сделать сразу: выработка такой системы, а затем ее внедрение — это не меньше семи-восьми лет. А результаты проявятся еще позже, и для политиков это ложка после обеда: у политиков мозг отформатирован, и они не способны смотреть дальше следующих выборов, а за это время на школьной реформе не прославиться. И они так же, как все общество, представленное в «Диагнозе», не мыслят в категориях общего блага. Патриотизм заменили на ПАРТИОТИЗМ. В основе — отсутствие доверия, влекущее за собой неспособность к сотрудничеству и деградацию публичного дискурса, в чем политикам отлично помогают журналисты. Этим последним посвящен серьезный блок статей в «Тыгоднике повшехном» (2012, №49/).

В очерке «Непоколебимые взгляды» проф. Тадеуш Славек так описывает положение вещей:

«Журналистика типа «да или нет?» несет часть ответственности за нынешнее состояние польского политического дискурса. Под флагом пытливости она бесцеремонно и любой ценой вынуждает собеседника высказаться в пользу одной из двух приготовленных для него возможностей, а тем самым снижает уровень рефлексии общественных проблем. Гражданин, спроектированный такого рода журналистикой, должен жить уверенностью, что мир — в сущности простая двоичная система событий, не требующая от нас интерпретационного усилия. Достаточно «да» или «нет». В свою очередь политики, действующие в таком мире, охотно принимают освобождающую их от рефлексии роль администраторов, а не конструкторов действительности. Коль скоро мир «прост», то в таком мире будет заметен тот, кто, не мудрствуя лукаво, четко и ясно произносит сиюминутные «да» или «нет», не считаясь с последствиями дефицита напряженного раздумья. (...) Все эти «да» или «нет» дополнительно укрепляют партийное противоборство, так как антиинтеллектуализм польской политики состоит в том, что раздумье и рефлексия замещаются простой формулировкой, определяемой верностью принципам партии. Категоричность, насаждаемая средствами массовой информации, углубляет противостояние и не способствует компромиссу. Тот же, кто склонен к уступкам, утрачивает медийную привлекательность. «Отчасти да, отчасти нет» — это плохо смотрится в «ярком» свете масс-СМИ, где подбирают таких собеседников, которые сразу продемонстрируют необратимый характер противоборства, а агрессивным поведением поднимут рейтинг программы».

Это верно, однако профессор Славек не обращает внимания на довольно существенную черту польской общественной, а стало быть, и политической жизни. Нетрудно заметить, что в поведенческом отношении полякам ближе модель борьбы, чем модель переговоров, поэтому любые компромиссы расцениваются как поражение: в конечном счете, те самые «да или нет?» должны означать «всё или ничего». Сам автор, впрочем, описывает это далее в своем очерке:

«Медийно-политическая привлекательность предполагает не только то, что я сам «непоколебим» в своих взглядах, но прежде всего то, что не дам и другим себя «поколебать», что меня не «тронуть» (не случайно ведь говорится, что политик должен быть «толстокожим). (...) Навязчивость нашей ситуации состоит в том, что мы путаем пустышку популярности, обретенной через беспардонность высказываний, с подлинным достоинством индивидуальности. Медийно-политическая привлекательность принадлежит миру вещей и «трофеев», а в связи с этим вещами (вроде роскошных автомобилей и экстравагантной одежды) хвастаются, их выставляют на обозрение. Но это действительность конкурентной гонки, здесь невозможна человеческая солидарность, к которой относится способность быть «поколебимым», а благодаря этому обрести привлекательность не навязывая себя, а рассуждая и размышляя».

Состоянию общественного дискурса, прежде всего позициям журналистов, посвящены два интервью в «Форуме» — приложении к «Польша — Таймс» (2012, №98). Под общим заголовком «Снижают ли СМИ качество политических дебатов в стране?» опубликованы беседы со Стефаном Братковским и профессором Ежи Бральчиком. Братковский — несомненно, один из высших авторитетов польской журналистики — подчеркивает:

«То, что мои коллеги дают втягивать себя в политические игры и в результате становятся участниками политической игры, — это последствие того, что после обретения независимости мы еще свежеиспеченная демократия. То, что сейчас происходит, напоминает мне начало двадцатых годов, Германию. Никто не обращает внимания, когда кто-то призывает к свержению правительства, кто-то подрывает стабильность государства, кто-то обвиняет правительство в убийствах. Такие вещи в нормальном государстве, при нормальных отношениях, неприемлемы. А мы их воспринимаем как нормальные, а потом удивляемся, что какой-то молодой человек хочет убивать всех, на кого ополчились журналисты, а другой готовит покушение на Сейм и на правительство. (...)

Как вы прекрасно знаете, в этой профессии надо себя показать, надо сделать что-то такое, что было бы замечено. Тогда можно надеяться, что журналиста возьмут в штат. Такие отношения всегда были в этой профессии. Гораздо серьезнее вопрос отношений между нормальной журналистикой и миром, в котором предмет раздоров — политика. Тогда появляются вот такие, с промытыми мозгами, и планируют взорвать Сейм. (...) Проблема состоит в том, что журналистика должна вернуться к своим основным задачам, к информированию. Наше дело — рассказывать о мире. (...) Ситуация, когда СМИ заняты исключительно политикой, — это несолидно. Раньше на Западе было правило, что политику давали слово тогда, когда он может сказать что-нибудь важное или что-нибудь очень мудрое. А у нас ситуация такова, что дают слово одному, потом тут же обращаются к другому, который говорит нечто противоположное, потому что это якобы повышает рейтинг».

В свою очередь профессор Бральчик, отвечая на вопрос о причинах брутализации языка политических дебатов, заявляет:

«В течение десяти с лишним лет использование максимально резких определений по отношению к людям прежнего строя вообще не сдерживалось. Потом возникла возможность размещать анонимные комментарии в интернете. Гуляй, душа, ад отменили. В интернете, действительно, ада нет, там позволено буквально всё, особенно без фамилии. Эти стандарты быстро распространились на блоги и сетевые СМИ, собирающие толпы адептов и любителей такого содержания. И пошло-поехало. Многие заметили, что можно, конечно, сделать карьеру, напряженно работая, мучительно выстраивая свою позицию, но можно дело и ускорить, разбрасываясь инвективами, и за счет этого пробиться на первые места в газетах. СМИ это допустили, так что они виновны в такой ситуации. (...)

СМИ коммерциализированы, состязаются друг с другом на свободном рынке. В этом, к сожалению, есть и та дурная сторона, что ценности языка отходят на дальний план. Трудно ожидать, чтобы в этой ситуации журналисты заботились прежде всего о тонкостях языка, деликатности. Хотя я всё еще верю, что это не единственное возможное направление эволюции СМИ. (...) Сегодня мы живем в период бури и натиска, но он когда-нибудь пройдет. И я надеюсь, что после этого периода мощного нарастания агрессии люди возжелают спокойствия. Сегодня они действительно видят и слушают тех, кто говорит резко, но потом голосуют за тех, кто ведет себя спокойно. На сегодняшних агрессоров мы со временем будем смотреть как на шутов. Словесная агрессия перестанет быть эффективной, перестанет раздувать рейтинги».

Признаюсь, меня тронул этот символ веры профессора Бральчика, доброжелательного к миру языковеда, который заговаривает нашу современность, чтобы превратить ее в то, что иногда называют добрыми старыми временами. В одном из давних анекдотов на вопрос о том, когда будет лучше, следовал ответ: уже было. Если же вести речь о качестве политических дебатов (не только, впрочем, в Польше), то, сколь ни печально, приходится признать правоту Николая Коперника в его утверждении, что фальшивая монета вытесняет полновесную. Но, возможно, я ошибаюсь, и прав профессор Бральчик, вера которого в лучший дискурс рифмуется с постулатом профессора Чапинского и его призывом к любви к ближнему.

Ежи Помяновский

Перевод Натальи Горбаневской

ПИСАНО В СЕДЛЕ

Человек, о котором пойдет речь, прожил недолго: 46 лет, шаг до полувека, минута до начала величайшей войны в истории его страны.

Его государство, правя половиной Азии и захватив половину Европы, в ходе этого полустолетия в пух и прах развалило свой общественный строй, затоптало руины гражданской войны, вызвало гибель отечественного крестьянства, эпидемию голода, загнало людей на принудительные работы, лопаты употребило на строительство индустрии, заперло свои границы и вторглось в чужие, вооружило несытую армию и создало всепроникающий, вездесущий аппарат госбезопасности. Вот его средства: использование рабского труда заключенных и всеобщее доносительство.

Наш человек всё это пережил на собственном опыте. Сначала, как многие другие, он хотел убрать хоть немного несправедливости и обид, накопившихся за последнее тысячелетие на столе. А собрать — какие-то права, без которых старые навыки к столу не допускали. В его городе люди разных вероисповеданий и с разными чертами лица до сих пор не имели надлежащих, то есть равных, прав. И вот они начали повторять иностранное слово — «интернационализм», которое этому движению доставило в мире разнообразных сторонников. Наш автор вскоре счел этот термин двусмысленным. Потому ли с самого начала взял чужое имя? Он считал, что это позволит ему быстрее достичь истины.

Этого человека характеризовали два особых, выдающихся свойства. Первым была редкая способность находить особые знамения, отличающие одного человека от остальных; тот, кто не знал искусства видеть настоящее лицо человека, повторял пустые слова: толпа, плебс, быдло. Наш человек этих терминов избегал, находил во встречном незнакомце черты, заслуживающие интереса.

Другим его свойством был яркий, но чрезвычайно сжатый и полный метафор язык, который, тем не менее, не резал читательских ушей.

Читая этого автора, его ровесники воспринимали его побасенки и кровавые приключения так, что те их захватывали, волновали, по крайней мере — западали им в память. Его воспоминания складываются из сцен иронии и ужаса. Таких писателей не уничтожить насилию, цензуре и забвению.

Этого человека нужно узнавать всерьез. Он оставил сборник коротких рассказов, две пьесы, несколько сценариев и рукопись дневника, обнаруженного по случайности, лишенного первых и последних страниц. Казалось, что автор обрел известность благодаря популярным рассказам, причудам языка, а то и хвастливым побасенкам, которые сам услышал в предместьях своего города. Между тем перед нами феномен — беспрецедентная книга. Редкие слова, сильные и смешные, эхом позволяют нам сохранить глоток восторга перед миром и горстку ужаса над человеческой темнотой. Это одна из немногих таких книг в мире.

Пожалуй, все знают, что он был одним из самых замечательных русских писателей XX века и что приговор ему был вынесен 26 января 1940 года военным судом, подписан председателем суда Ульрихом и народными заседателями Кандыбиным и Дмитриевым.

Защитник отсутствовал — как и место захоронения.

***

В мае 1920 года к командованию Первой Конной обратился штатский двадцати с чем-то лет, заявив, что он военный корреспондент Югросты, южного отделения советского телеграфного агентства Роста, того самого, для которого рисовал плакаты Маяковский. Он показал направление от одесского губкома, подписанное секретарем губкома Ингуловым, но не возбудил доверия. Из документа следовало, что его зовут Кирилл Васильевич Лютов и что он кандидат* прав Санкт-Петербургского университета, а

* Звание кандидата до революции присваивалось окончившим университет с отличием. — *Пер.*

это до революции, как правило, удавалось только православным русским. В конце концов, документу не противоречили ни заурядные черты лица, ни отсутствие какого бы то ни было акцента. Да только говорил он как по книге, а на курносом носу носил очки. Был он сдержанный, внимательный, уступчивый. Одним словом, интеллигент, очкарик, штафирка целиком и полностью — и уже поэтому чужак, непохожий на казаков, из которых осенью 1919 г. вахмистр Семен Буденный формировал на Кубани свою армию. Там, куда Екатерина II выселила запорожцев, тех самых, знакомых нам по «Трилогии» Сенкевича и высланных по приказу императрицы с Украины за Терек воевать с черкесами или чеченами.

Недоверие несколько ослабло, когда оказалось, что Лютов всё-таки ездит верхом, хотя и не казацкой рысью. В первый день ему пришлось пройти на коне 80 километров, наверное потому, что Конармии еще не удалось прорваться в тыл польских войск, которые уже стояли на Днепре. Несколько дней спустя, 5 июня 1920 г., этот маневр удался под Самгородком. Тем временем, однако, надо было повернуть от Козятина на Белую Церковь. Лютов не выдержал бы такого испытания, если бы за плечами у него не было службы на румынском фронте — в артиллерии, то есть при конях. И тогда его отправили в редакцию фронтовой газеты «Красный кавалерист» при 6-й кавдивизии под командованием Семена Тимошенко, выдали кормовые, гимнастерку и сапоги.

На самом деле его звали Исаак Бабель. Он родился в Одессе 13 (1-го по ст. ст.) июля 1894 года. Отец его, Эммануил, был торговец железом. Однако сразу надо подчеркнуть, что отец Бабеля был не — как родитель рассказчика — жалким еврейским лавочником, но купцом с амбициями. Жил он с семьей не в предместье Молдаванка, в подвале, как можно было бы заключить из рассказов сына, а на Ришельевской, 19, угол Жуковского, в самом центре. В отрасли сельскохозяйственных машин и сепараторов его амбиции не находили выхода: говорят, старик любил подремать в кресле перед лавкой. Зато он ничего не жалел, чтобы дать способному ребенку наилучшее образование. Исаак Бабель изучал с частным учителем древнееврейский язык и Талмуд, но не брал уроков игры на скрипке у одесского дрессировщика вундеркиндов Столярского — как герой его рассказа «Пробуждение». Он закончил Одесское коммерческое училище Николая I, а затем Киевский коммерческий институт — в обоих учебных заведениях для евреев существовала процентная норма. Еще в Одессе он начинал писать, притом по-французски: учитель французского языка Вадон снабжал своего ученика нужным чтением. В том числе, вероятно, были новеллы Мопассана — сам Бабель, впрочем, позже советовал писателям читать скорее Киплинга.

В лекции для молодых писателей в 1934 г. писатель признавался: «В детстве я учился плохо. В семнадцать лет на меня «нашло», я стал много читать и учиться. В течение одного года изучил три языка, прочел много книг. До сих пор я в значительной степени питаюсь этим багажом».

Пожалуй, эта страсть к внешкольному чтению превратила его в очкарика, показала, на какой высоте лежит планка, и привила ему чувство важной литературной обязанности: писать так поразительно, чтобы открыть читателям необычную сторону даже самых обычных событий. Но событий таких он видывал еще немного, пока в 1915 г. не попал в прихожую петроградской квартиры Максима Горького.

***

Сегодня Горькому припоминают скорее его несвоевременное возвращение из эмиграции в СССР; здесь он оказал позорные услуги сталинскому режиму в период принудительной коллективизации и рабского строительства каналов. Он продолжал их оказывать до тех пор, пока из его тщательно перлюстрированных писем и старательно подслушиваемых разговоров не стало ясно, что он сам себе отдает отчет в том, какую роль играет. И тогда он умер в своей постели, но с выгодой для советской власти, так как в этой смерти можно было обвинить саботажников-врачей. Шел 1936-й год.

Но до революции и еще долго после нее Горький был самым знаменитым русским писателем, совестью русской литературы и доказательством, что в низах общества дремлют силы, подавленные эксплуатацией, эксплуататорами, которых — уже хотя бы поэтому — следует смести. Он был самоучкой, кустарем, бродягой, арестантом, на дне жизни он написал свои первые рассказы — и вскоре блеснул на весь мир. Он стал доверенным другом Льва Толстого, а когда двор не утвердил избрания Горького в Академию, лучшие писатели вышли из ее состава. Его романы сегодня мало кто читает, но не должно позабыть о его необычайной способности открывать таланты — а также окружать их

опекой. Бабель — коронный тому пример. После похорон Горького Бабель сказал жене: «Теперь мне жить не дадут». Накануне революции, прочитав первые новеллы Бабеля, Горький напечатал их в своем альманахе «Летопись»; их, кстати, запретила цензура. Одновременно Горький прибавил, что надо «идти в люди». И не возвращаться, пока Бабель людей не познает.

Биографы Горького как правило считают доказанным, что юноша из Одессы воспринял это указание дословно и к писательству вернулся только тогда, когда Горький сказал, что, похоже, пора начинать, то есть в 1924 г., когда в №4 журнала «ЛЕФ» вышли рассказы «Король», «Письмо», «Смерть Долгушова», сразу сделавшие автора литературным явлением. Критики обычно скользят мимо нескольких десятков очерков, которые Бабель напечатал в 1917-1923 гг. Бóльшая их часть появилась в «Новой жизни», редактировавшейся Горьким и решительно — что следует подчеркнуть — оппозиционной к большевицкой практике, за что она и была закрыта с ведома Ленина 6 июля 1918 года.

Очерки, скорее заслуживающие названия заметок, выглядят собранием упражнений; из этой сети всё чаще вылавливаются тексты, полные наблюдательности. Бабелю важно было не само знакомство с новыми людьми и происшествиями, но способ, новый прием, который из хроники делал литературу, а из случаев — дробинки вечности.

Годы спустя он сказал Паустовскому: «Стилем-с берем, стилем-с. Я готов написать рассказ о стирке белья, и он, может быть, будет звучать, как проза Юлия Цезаря». И не так называемая форма его волновала, а то, что она составной элемент, более того — вектор содержания. Тому же человеку годы спустя предстояло сказать скромно, но решительно: «Два прилагательных к одному существительному может позволить себе только гений». И еще: «Ни одно железо не может войти в человеческое сердце так леденяще, как точка, поставленная вовремя». И даже: «Хорошо придуманной истории незачем походить на действительную жизнь; жизнь изо всех сил старается походить на хорошо придуманную историю». Однако этим тайнам ремесла он обучился позже. Благодаря им его признали недостижимым мастером Томас и Генрих Манны, Мальро, Хемингуэй, Адольф Рудницкий. А в то время ему «казалось пустым занятием — сочинять хуже, чем это делал Лев Толстой». Это помогло ему и в учении: беззаботная легкость стиля его зрелых рассказов — плод каторжного труда, черновики первых четырех «Одесских рассказов» составляют толстый том.

Не пошел Бабель и уже проложенной Горьким дорогой — «в люди», то есть в деревню или с босяками на большак. Он учился распознавать в потоке такие камни, которые (по Милошу) способны изменить его бег, а людей искать там, где им приходится особенно тяжко: тогда обнажается их нескрываемая натура. Но прежде всего он пошел вольноопределяющимся — притом что был освобожден от службы врачами — в артдивизион Шуйского полка 15-й пехотной дивизии. Несмотря на уговоры Керенского фронт разваливался. Мужики не хотели погибать за уже демократическое отечество, дезертировали, чтобы брать землю. Большевики, партия ничтожного меньшинства, взяли верх, более того — на их сторону скоро перекинулись массы.

Объяснением этому не мог быть ни заговор, ни таланты вождей, ни железная организация, ни демагогические лозунги. Была в этом тайна, черная метка целой эпохи.

Сегодня не всем хочется помнить, что тайной раннего успеха партии Ленина и Троцкого, секретом изначального тяготения к ней масс не был культ принуждения, тоска по кнуту, якобы присущие русским. Да, террор постепенно заслонил все другие стороны системы как в глазах подданных, так и во мнениях ее исследователей. Но большевицкие идеи ширились и всё еще находят сторонников и там, где для страха не было причины и карьера не зависела от этой ортодоксальности.

За такой выбор в 1917 г. были неслабые аргументы. «Царь, да Сибирь, да Ермак, да тюрьма», — писал Александр Блок о своей России. Произвол и самодурство по отношению к покоренным народам империи были испытаны и продолжали применяться и к самим русским. Не без причины именно среди русских размножился вид совершенно бескорыстных энтузиастов, которые с несколькими брошюрами за пазухой шли в народ, чтобы побудить его наконец к бунту. Достоевский видел в них бесов, или одержимых. Толстой — схизматиков святого дела, Короленко, Леонид Андреев, Горький — благородных смертников того же дела. Наш Бжозовский показал, чем было для них давление нравственного императива и результаты согласия на любые средства борьбы с несправедливостью.

Восторг, который охватывал этих людей, чаще всего вытекал из восхищения беспардонной геометрией теории классовой борьбы. Вот в руках у них появился ключ к тайнам власти и истории — теперь они сами могли открыть ворота будущего. Но других, огромное большинство, восторгала попросту возможность перерезать цепь несправедливостей. Так или иначе, но и тем и другим трудно отказать в чертах, которые в комплексе традиционно называют альтруизмом: в готовности к самопожертвованию, гражданской отваге, стремлении к справедливости, то есть в мотивах, которые их самих ставили в конфликт с собственным эгоизмом.

Фокус в том, что не на эти черты человеческой природы делала ставку власть, чтобы привлечь нужные ей массы. Она не слишком рассчитывала на брошюры, рассуждения очкариков, «гегелевские укусы» и стихи. Даже такие очаровательные, как «Гренада» Светлова, написанная много позже.

***

Сойдем теперь на минуту с высот на школьный стадион, до голой земли вытоптанной поколениями нападающих и защитников, постоянно меняющихся ролями. Над ним разносится эхо болельщиков, жаждущих крови и мести. Слышен также слабый голосок выговоров и моралей, провозглашаемых светскими и духовными воспитателями, которые изгоняют проявления насилия. Многие из них стремятся объяснить, что насилие есть абсурд, ибо верят во врожденную доброту человеческой натуры, которую, увы, испортила только эксплуатация. Или цивилизация. Впрочем — всё заглушает вой скинов и зачинщиков. Так вот, моралистов, может быть, лучше выслушали бы, припомни они, что роковая склонность к насилию и произволу была чертой — более того, залогом — выживания живых существ от амебы до позвоночных. Неприятно, но право сильного — первое из естественных прав. И только человек придумал и ввел *установленное* право. Он установил такие правила игры, цель которых была помешать истреблению борющихся путем взаимного уничтожения. Я не утверждаю, что намерение исполнилось успешно. Известно, что́ написал Чеслав Милош:

Эпоха наша — мертвый сон,
Громада Die Likwidation.
(Пер. И.Калугина)

Эти слова из «Морального трактата» относятся к событиям, которые произошли 2500 лет спустя после утверждения римского права и примерно 1900 лет после того, как были написаны Евангелия. Не думаю, чтобы сегодня гонение насилия общими словами оказало большее влияние, чем эти произведения. Судью на стадионе слушаются тогда лишь, когда он сам не нарушает правил игры.

Похоже, что к проблеме даже не подступиться, если не предположить, что свойство человеческой натуры — ее двойственность. Иначе говоря, готовность как любить ближнего, так и совершать самые жестокие поступки, часто, но несправедливо называемые бесчеловечными; были же мы долго каннибалами, чего даже с гиенами не бывает. Это банальное обстоятельство накладывает на законодателя элементарную обязанность: он должен понимать, какой из сторон человеческой натуры дает зеленый свет. Той ли, в которой сидит атавистическая скотина, или же той, в которой тлеет искра сверхъестественного сознания — совесть. Кто хочет, может эту искру считать послушанием правилам игры в согласии с инстинктом самосохранения.

Речь идет, таким образом, о том, что происходит в наших душах; не стоит забывать, куда толкают нас навыки, предрассудки, а особенно страсти, в конце концов мало зависящие от принужденных попыток сдержаться. Когда принуждение исчезает или власть переходит в другие руки — сразу обнаруживается, что эти неуловимые силы становятся решающими в том, как пойдет ход мира.

Большевики доставили самое красивое в истории оправдание самым позорным страстям человека. Оправдание было благородным и, что важно, каждому понятным. Вот благодаря равенству всех рас и народов, благодаря избавлению от всяческой эксплуатации и гнета — отпущен грех зависти, алчности, жестокости, в каждом из нас ожидающий подходящего случая. Это оно, отпущение всякой обиды, нанесенной во имя нового порядка, стало важным секретом успехов революции. И не о благе какого-то одного народа шла речь, но о повороте в истории всего человечества, о повороте, наконец-то совпавшем с вековыми надеждами всех угнетенных.

Слабой стороной этого упрека кажется неплохо известное явление: вся история войн, которые велись ордами, армиями, государствами, коалициями и союзами, доказывает, что воюющие стороны всегда прибегали к этому оружию, к этому расчету, к этой ставке на зверя в человеке.

Да, действительно. Да только никогда еще в истории планы этих кровавых деяний не входили в такое противоречие с посылками, мировоззрением и целью стратегов этих войн. Ведь на этот раз задача была установить такие условия материальной жизни, какие не давали бы никакого нового шанса тому зверю, что в нас дремлет. На этот раз игра шла за освобождение человека от пресловутых волчьих законов капитализма или даже вообще от дарвиновской борьбы за существование. И вот — ради этой святой цели — оборотня выпустили из клетки, причем совершенно сознательно.

«Дневник 1920 года» Исаака Бабеля — неопровержимое доказательство этого предательства. Он хотел докопаться до истоков и оставить свидетельство. Хотя бы себе на память. 21 августа 1920 г. он пишет в дневнике: «...наша армия идет зарабатывать, не революция, а восстание дикой вольницы. Это просто средство, которым не брезгует партия».

***

Так вот, согласно принципу, беспрепятственно применявшемуся в государствах гористых или пустынных, но в странах только коммунистических, всякие верования и предрассудки, диктовавшиеся Учением, были защищены законом и составляли как его сердцевину, так и обоснование репрессий. От края до края Лагеря ни один еретик не уцелел без ущерба... телесного или душевного. Ревизионисты, реформаторы, то есть пожарная охрана Системы, были признаны поджигателями.

Наконец (и это отнюдь не побочный результат), первопроходцы советского террора, передовики революции, принесенной на штыках, — почти все пали жертвой собственной системы. Чистки поглотили около девяти десятых первых большевицких кадров. Зеленый свет, который когда-то дали зверю, завистливому, подозрительному, не переносящему возражений и чужого мнения, теперь в свою очередь отнял у них не только физическую возможность защиты, но и любые моральные доводы. Из их же посылок делали выводы их палачи. И в этом следует искать причины того ужасающего явления, каким было молчание и покаянные показания обвиняемых на московских процессах.

Усиленно подчеркнем, что это явление, считающееся самоубийственным, уничтожило в чистках самые способные кадры самой системы. Не хаотическая сила репрессий действовала на распространение страха. Думаю, простой принцип Сталина привел к истинной эпидемии профилактики: косили любую голову, высовывающуюся над толпой. Сталин был убежден, что истребление таких голов и жизненных сил профилактически заведомо исключает любую оппозицию в случае грозившей войны. Действительно, эта эпидемия (символически называемая «ежовщиной») создала в начале войны с Германии миллионную массу дезертиров, вооруженных, но лишенных командиров. Вспомним, что Бабель на вопрос старого эмигранта в 1932 г. в Париже, кто из лучших советских командиров мог бы защищать советские границы, ответил, что лучше всех был бы Путна. И как раз Путна стал первым арестованным, когда Сталин взялся за список, заканчивавшийся Тухачевским.

Хоровод царских террористов и советских «изменников родины» не имел такого потенциала в истории любого другого народа. Не станем верить никому, кто скажет, что такое поведение давно было заложено в русских национальных генах и что вышеупомянутый зеленый свет извечно горел в туннеле русской истории. Народовольцы отнимали жизнь у сатрапов, как правило жертвуя своей жизнью. У сатрапов, подчеркивал Камю; они не признавали коллективной ответственности, не резали ножами прохожих. Сазонов после покушения на министра Плеве ждал полицию рядом с разбитой каретой; так же поступил убийца вел. кн. Сергея Каляев. Да и сама февральская революция, включая свержение царя с престола, произошла в целом без кровопролитий, в атмосфере праздника. Праздника несколько легкомысленного, как показали дальнейшие события.

***

Ленин черным по белому признал моральным всё, что служит победе революции, — и только это. Чего же еще? Он воплотил в жизнь учение Сореля, того, кто написал апологию насилия как «акушерки истории». Муссолини это учение открыто написал на своих знаменах. Это отступничество ставила

укор Ленину в 1918 г. Роза Люксембург, и это предательство имел в виду Горький, когда писал в том же году свои «Несвоевременные мысли». Бабель, увидев это очень рано, уже не прекращал наблюдать.

Чрезвычайное по тем временам знание языков позволило Бабелю после возвращения с фронта мировой войны в революционный Петроград пойти работать переводчиком в учреждение, известном как Чрезвычайная комиссия Союза северных коммун, то есть ЧК. Он быстро разобрался, чем это пахнет. Председатель ЧК Урицкий погиб от эсеровской пули, что дало повод развязать красный террор. В тот же день Дора Каплан, член партии эсеров, выстрелила в Ленина, но только ранила.

Бабель — внимание! — немедленно перебрался в Наркомпрос. Потом он поехал с продуктовой экспедицией в Поволжье, чтобы в зажиточных немецких селах менять гвозди и ткани на зерно для голодавших советских городов. В конце концов он вернулся в родную Одессу и женился на рыжеволосой красавице-киевлянке, дочери оптовика, к которому отец посылал его за инвентарем. Поступил на работу в издательство.

Может, он там бы и остался, если бы его друг (до гроба — общего), Михаил Кольцов, не приехал на побывку с польского фронта. От него Бабель услышал, что судьбы страны, а может быть, и всего мира решаются не в тылу, среди дезертиров, доносчиков и наемников новой власти, что передовой отряд революции не здесь и бойцы его не щадят крови — правда, не только своей, но верят, что за правое дело. И, что важно, только в годину испытания человек скажет, стоит ли ему умирать за это дело. Необходимо дать этому свидетельство.

В конце-то концов, известно, что любопытство — главная черта Бабеля. Тут его знает вся Одесса: он хочет всё знать, всё видеть, готов оплатить даме роскошный обед под странным условием: заглянуть в закутки ее дамской сумочки.

И вот Кольцов и страсть любопытства перевешивают. Бабель долго не думает. Отправляется военным корреспондентом Югросты к Буденному. И видит историю, спущенную с цепи.

***

Так назвал Ежи Стемповский стержневое течение событий XX века. История редко когда сидела на цепи, но в этом столетии ее видели за работой все, так как — внимание! — никогда раньше ее не записывали объективы и камеры, не разносили громкоговорители и экраны, не говоря о печатном слове. И никогда такое множество гражданских лиц из городов и сёл не стало целью — умышленно выбранной — смертоубийственных действий средств массового поражения. До тех пор всё это творилось как бы мимоходом; выжженная земля не пригодилась бы гуннам даже на пастбище. Войны вели солдаты, а население, конечно, грабили злые соседи. На западе Европы такие города, как чарующий Бамберг, веками стояли, как стоят: иногда достаточно было не быть крепостью, иногда — заплатить откуп. XX век был столетием ковровых бомбардировок, атомной бомбы, лагерей уничтожения, этнических чисток, плановой ликвидации целых классов и наций.

Исаак Бабель раньше и шире, чем кто бы то ни было, описал проявления, рост и направленность того кровавого нароста, который в его понимании перестал быть локальной болезнью. Он был свидетелем первой мировой войны и первого вооруженного наступления мировой революции.

***

Думаю, что всё это вступление позволит лучше понять то, что стало сердцевиной нижеследующих рассуждений, если в самую первую очередь «Дневник 1920 года» бросит нам свет на драмы и повести зрелого Бабеля.

Дневник сохранила в Киеве М.Я.Овруцкая, а Татьяна Стах, приятельница Бабеля, передала рукопись Антонине Пирожковой, когда та не была уверена, кто она — вдова или еще только вторая жена арестованного. Он оказался единственной сохранившейся рукописью Бабеля — все другие записи, черновики, начатые произведения были арестованы вместе с ним 16 мая 1939 года и пропали навсегда. После 266 дней ужасающего следствия Бабеля отдали под суд военного трибунала, несмотря на то что — а возможно, как раз потому что — он отказался от всех выбитых из него показаний против других писателей и друзей из Первой Конной. 26 января 1940 года в кабинете Берии в Бутырской тюрьме тройка судей на процессе, который шел без защитника и продолжался 20 минут, вынесла приговор Исааку Эммануиловичу Бабелю, беспартийному, родившемуся в Одессе, еврею, литератору. Его расстреляли перед рассветом следующего дня; жена много лет не могла дознаться о его судьбе.

Но я-то думаю, что приговор был бы вынесен раньше, если бы стало известно содержание его конармейского дневника.

Доминанта этих записок — ужас и разочарование. Ужас перед лицом жестокостей войны и деградации, которую война распространяет. Разочарование — в ее освободительных целях. Можно утверждать, что участие в польской кампании оказало на взгляды и прогнозы Бабеля такое же влияние, как опыт участия в испанской гражданской войне — на Джорджа Оруэлла, Артура Кестлера, Николу Кьяромонте. Они пошли защищать революционную демократию. И увидели, как велит понимать ее Москва. Фундаментально пересмотрели свои взгляды и в своих замечательных книгах пришли к тем же выводам, которые подсказывает тайный дневник Бабеля, писавшийся двадцатью годами раньше.

Главнокомандующий советской кампанией Михаил Тухачевский в приказе от 4 июля 1920 г. написал знаменитые слова: «На западе решаются судьбы мировой революции. Через труп белой Польши лежит путь к мировому пожару».

Об этом и шла речь. Такова была цель этой войны. Вне зависимости от того, кто первый выстрелил и правы ли были польские национал-демократы, желая только раздела Украины между Польшей и Россией, или Пилсудский, желая федерации с независимой Украиной, чтобы поставить заслон экспансии. Тем временем перед глазами Тухачевского, Буденного, Ленина и Троцкого стояла ошеломляющая перспектива — вооруженный экспорт революции на Запад.

***

Пилсудский в своей «Войне 1920 года» пишет: «...в общем и целом кровопролитные бои, где испытывались мужество и героизм в прямом значении этого слова, не были характерной чертой нашей войны 1918—1920 гг., так как боевые потери, понесенные нашими войсками в этой войне, были ничтожно малы по сравнению с потерями, понесенными нами в так называемой мировой войне» (цит. по русскому переводу: Тухачевский М. Поход за Вислу. — Пилсудский Ю. Война 1920 года. — М.: Новости, 1992).

Действительно, например русская армия уже в декабре 1914 г. сохранила в своих рядах едва половину контингента, мобилизованного в августе.

Как подсчитал историк-эмигрант Владислав Побуг-Малиновский в своей «Новейшей политической истории Польши» (т.3, первое изд. — Лондон, 1960), «с ноября 1918 до конца 1920 года число погибших на поле боя польских солдат составило 16 139, умерших от ран и болезней — 29 353, пропавших без вести — 50 700, всего — 96 201, раненых насчитали 110 210».

Советские потери в абсолютных числах были примерно такими же (при том, что численность армии Тухачевского почти в два раза превосходила численность польской). Оба советских фронта, воевавших в польской кампании, Западный и Юго-Западный, потеряли 18 тыс. убитыми, 17,5 тыс. умерших в лазаретах, 95 тыс. пропавших без вести и взятых в плен (см.: Гриф секретности снят. Потери вооруженных сил СССР в войнах, боевых действиях и военных конфликтах, Статистическое исследование. М.: Воениздат, 1993). Заметим, что, по данным Тухачевского (его работу об этой войне Пилсудский полностью включил в свою книгу), в решающем августе 1920 г. в его распоряжении было 794 645 человек и 150 572 лошади.

Но потери гражданского населения были куда больше. Жертвами этой войны были прежде всего безоружные. «Дневник» Бабеля доказывает это чуть ли не на каждой странице. Тем, что особенно потрясло автора, была резня пленных, жителей хуторов, колоний, местечек.

Всего несколькими годами раньше, в начале мировой войны, возмущение всего мира и ужас в Польше вызвало известие о немецком артиллерийском обстреле мирного Калиша.

***

Здесь неизбежна короткая вылазка на территорию политики.

Для некоторых российских политиков и историков проблема уничтожения в Катыни, Медном и под Харьковом свыше 22 тыс. польских военнопленных (точнее интернированных, так как Польша Советскому Союзу войны не объявляла) по-прежнему остается спорным. Одни, как Мухин, автор книжонки «Катынский криминал», вопреки всем существующим доказательствам продолжают ут-

верждать, что это — дело рук немцев. Другие, как П.Н.Ольшанский, дают понять, что у поляков на совести куда большее число военнопленных, захваченных во время войны 1920 года; речь идет даже о 60 тысячах, которые не вернулись домой. Но не забудем, что частично они ушли к союзникам поляков — Петлюре, Перемыкину, Савинкову. Политики в Москве, считающиеся умеренными, охотно повторяют, что в самом худшем случае Катынь была актом справедливой мести. Более неумеренные: черные, коричневые, красные разом — даже утверждают, что Красная армия никаких пленных не убивала. Помилуйте...

Это всего лишь показывает, что у таких людей были причины сначала «Дневник» не издавать, а теперь — не читать.

Цифры — не главное. Вот одна запись: «Почему у меня непроходящая тоска? Потому, что далек от дома, потому что разрушаем, идем как вихрь, как лава, всеми ненавидимые, разлетается жизнь, я на большой непрекращающейся панихиде».

2 августа в Белавцах Бабель просто записывает: «...ненавижу войну».

***

Описания насилий, зверских убийств, погромов, пожаров, грабежей, жертвами которых были беззащитные жители сёл и хуторов Волыни и Подолья, при чтении Бабеля производят впечатление даже на того, кто уже пресыщен рассказами, записками, романами об эре ГУЛАГа и Катастрофы, о жниве Второй Мировой. Здесь мы находим кое-что особенное.

Хотя там и сям мы читаем о том, как рушили польские имения и дворцы, украинские хутора, чешские колонии, о грабеже литургических одеяний в костелах и церквях — однако больше всего речь идет о евреях, о еврейских подрезанных горлах, о еврейских распоротых перинах, о еврейских девушках, насилуемых хором. Константин Паустовский, прекрасный писатель и самый верный из друзей Бабеля, приводит такое его высказывание: «Я не выбирал себе национальности. (...) Я еврей, жид. Временами мне кажется, что я могу понять всё. Но одного я никогда не пойму — причину той черной подлости, которую так скучно зовут антисемитизмом».

И всё-таки я думаю, что даже если бы Бабель не был одесским евреем, он сохранил бы те же пропорции, описывая жертвы разгула, жестокости, хищничества, которые с ужасом видел на пути Конармии. Причина была проста, ее знал каждый, кто наблюдал польские кресы и Украину до этой войны.

Мещанство на этих огромных пространствах было по преимуществу еврейским. Местечко Белз переходило из рук в руки на всём пути Конармии, а бедную Ревекку насиловали казаки и солдаты, пешие и конные. Местечки, которые захватывала, вытаптывала, грабила, а потом теряла Конармия, на 90% были населены бедными евреями. Теми самыми, которых по-польски описали Бруно Шульц и Юлиан Стрыйковский, Леопольд Бучковский и Станислав Винценз, на идише — Перец, Бялик, оба Зингера, по-немецки — Йозеф Рот. Там место действия «Дибука» Ан-ского, и там играл на крышах каждой Анатовки скрипач из романа Шолом-Алейхема, которого вывел в мир, на все экраны, Норман Джуисон. И вовремя, потому что вторая война и немецкая машина оккупации не оставили и следа от тех реликтов необычайной, скрытой культуры, которые всё же пережили топорные (это слово тут годится) погромы 1920 года. Здесь, в местечковой глуши, родился и таился хасидизм, мистическое движение, не имевшее и не искавшее себе подобных в Европе эпохи энциклопедистов и гильотины.

Здесь, в Корце, в конце XVII века, цадик Пинхас написал свое послание верующим, призывая их молиться за Речь Посполитую, потому что «когда нападут казаки Екатерины, то и на нас придет погибель».

При всём при том никто не найдет в этом личном дневнике ни следа пристрастности; похоже, что от своих евреев Бабель требует больше, чем от всех других, и к их порокам не снисходителен.

С евреями его соединяет человеческая солидарность, взятая из раннего обширного чтения. Он начитался французских книг той эпохи, произведения которой импонировали русской интеллигенции. В рассказе «Гюи де Мопассан» Бабель, полустудент, учит искусству перевода петербургскую даму, почитывающую иностранную литературу В его «Ди Грассо» одесский подросток открывает великолепие итальянского театра, которое современный ему критик едва замечает. Необычайной театр потаенной парижской улицы впитывается в жадное любопытство Бабеля — и вот он из каждой заграничной поездки возвращается и хочет возвращаться в Россию, хотя в нем вовсе нет «страсти мотылька».

Он попросту принадлежал к ранним знатокам России и ее невероятных и повсеместных феноменов, которых в подобной форме мир до тех пор не познал.

***

Последовательно, но тоже по-особому поразительно относится автор «Дневника» к полякам. В обширной военной мемуаристике вообще трудно найти пример подобной лояльности, беспристрастия и сострадания к неприятелю.

О пленных мы уже говорили. Но Бабель с уважением собрата по оружию способен писать об отваге противника и сочувствовать побежденным («5.8.20. Хотин. (...) В болоте завязли 600 коней, несчастные поляки». Нам, читателям, хватит описания битвы от 3 августа, заканчивающегося словами: «...солдатские книжки. Евангелия, тела в жите».

И одновременно с таким же беспристрастием Бабель записывает примеры жестокости и варварства, недостатка в которых не было на польской стороне. Уже 3 июня в Житомире он записывает рассказы свидетелей («...поляки вошли в город на 3 дня, еврейский погром, резали бороды, это обычно, собрали на рынке 45 евреев, отвели в помещение скотобойни, истязания...»), не забывая добавить, что «дворника, на руки которому мать сбросила из горящего окна младенца — прикололи, ксендз приставил к задней стене лестницу, таким способом спасались». Описание мук, которым польская жандармерия подвергла в Берестечке аптекаря, Бабель заканчивает словами, над которыми стоит задуматься: «... идиотизм. Поляки сошли с ума, они губят себя».

Польского читателя, однако, больше всего привлечет постоянно возвращающийся на этих страницах мотив зачарованности, прямо восхищения Бабеля польской культурой. В Бродах, уже под артиллерийским огнем, он сидит в книжном магазине: «...вот он, Запад, и рыцарская Польша, хрестоматия, история всех Болеславов, и почему-то мне кажется, что это красота (...) Отрываюсь от магазина с отчаянием». В Берестечке с отвращением и ужасом он созерцает осквернение польского храма: «Ужасное событие — разграбление костела, рвут ризы, драгоценные сияющие материи разодраны (...) великолепный темный Христос, Рембрандт, Мадонна под Мурильо...» В Ровно он цитирует Сенкевича каким-то неофитам революции, жалующимся на гонения от польских властей. В записи из Белёва приводит слова из воззвания Пилсудского с явным одобрением их патетической простоты. Под Замостьем ночует в польской хате, и жизнь бедных польских мужиков кажется ему чище, веселее («...играют с детьми, красивые иконы, красивые женщины»), чем та, которую он знал в России.

Я вижу в этом доказательство не столько голой любви к Польше и даже не тоски по Западу, который явился пареньку из Одессы в провинциальных Бродах, сколько разочарования, сожаления, что его армия, его революция, его родина разрушает то, что должна была побудить к новому расцвету.

***

Возвращение постоянной психологической икоты мучает многих критиков: так называемый синдром мотылька, считают они, склонял Бабеля как неизменно возвращаться в СССР, так и искать там общества чекистов, вплоть до самого наркома Ежова. Да, Бабель действительно бывал у него дома. Но допущен туда он был вовсе не по службе: Женя, жена Ежова, была его любовницей в 20-е годы, еще когда была замужем совсем за другим человеком, Хаютиным. Женщины, кстати, по Бабелю с ума сходили — по этому низенькому, лысоватому мужчине, страдающему астмой с тех пор, как он наелся пыли на пути Конармии; Не одной из них было достаточно, чтобы он раскрыл рот. Эренбург рассказывал, как ревнивый Ежов вытаскивал писателя из гостиной наркомовской виллы в подвал, где часами играл с ним в бильярд; игру прерывал только для того, чтобы на зеленом сукне подписывать смертные приговоры. Великая чистка была в разгаре. Да, как раз тогда Бабель вернулся из Парижа, куда ему удалось вырваться в 1935 г. только потому, что Мальро пригрозил не открывать Антифашистский конгресс защиты культуры, пока в советскую делегацию не включат Пастернака и Бабеля. Он был в немилости (имел «собственного» стукача — пресловутого литературоведа Эльсберга), молчал годами, на Горького рассчитывать уже не мог, но вернулся. Не как мотылек к огню, а как свидетель по призванию. И у нас есть право утверждать, что он собирался быть свидетелем защиты на суде над режимом.

***

В 1925 г. Бабель отправил из Одессы в Брюссель мать и сестру, а в 1926-м — жену в Париж (куда ездил, пока ему давали заграничный паспорт и где в 1929 г. родилась их дочь Наталья). Но это не главные доказательства в этом вопросе.

Этот год, 1929-й, в «Кратком курсе» назван годом великого перелома. Бабель не поехал к семье, дочку увидел только спустя годы. Одно лишь литературное любопытство толкнуло его в район Борисполя на Украине, где началась массовая принудительная коллективизация и откуда тронулись первые этапы кулаков в Сибирь, в снежную, затянутую колючей проволокой пустыню. А в 1930-м Бабель анонимно, в роли волостного писаря, — уже в деревне Молоденово, чтобы наблюдать, как учреждается колхоз.

Он сразу написал об этом несколько рассказов, которые должны были составить цикл «Великая Старица». По крайней мере один из них, «Колывушка», — не только шедевр прозы, но сверх того первое, по сей день непревзойденное описание той трагедии, какой была коллективизация для всей огромной страны. Никто до Бабеля — да и никто после него не описал эту трагедию так пронзительно и просто. Ни в какое сравнение с этими несколькими страничками не идут тома «Поднятой целины». Даже Гроссман в повести «Всё течет», даже Солженицын в тех главах «Круга первого», где Рубин вспоминает, как вывозили трупы из голодающих сел, — не вызывают у читателя такого потрясения, какое испытываешь, читая историю Колывушки, его жеребой кобылы, изгнания его из дома на мытарства. Рассказ написан без всякой надежды на скорую публикацию — лишь для того, чтобы дать свидетельство истине. Насильственная коллективизация загубила около 15 миллионов ни в чем неповинных. Такова правда. Но закон больших чисел в искусстве мало что значит. Нужен был Бабель, чтобы в истории одного мужика закрепить картину всеобщего бедствия.

Так вот, мужики из «Колывушки», «Гапы Гужвы», «Сулака», то есть рассказов 1930-х, написанных «в стол», — это попросту старые знакомые Бабеля из «Конармии», только на десять лет старше.

***

Тексты, посвященные казакам, евреям, великолепным, при всём параде, соседям из Одессы — всё это лаконические произведения мастера. Перед нами заведомо выдающаяся проза этого столетия — трудный жанр короткого рассказа.

Так считают не только литературоведы и писатели, здесь уже упомянутые, — что важнее, так считают и читатели. И, может быть, лучшее доказательство предоставили польские читатели. Книги Бабеля обычно стоят на тех полках, куда ставят любимые произведения родной литературы.

Так было с того времени, как в августе 1958 г. появилась на страницах варшавской «Новой культуры» статья «Еврей из Одессы» вместе с переводами нескольких рассказов Бабеля; я писал и переводил как в счастливой лихорадке. Когда затем «Чительник» решил выпустить его «Избранное», я пригласил участвовать в издании замечательных переводчиков, дружбой которых мог гордиться. После выхода книги (1961) оказалось, что в польский язык внезапно вошли словечки, да что там, целые фразы, взятые из уст героев Бабеля, и что Беню Крика признали за своего.

Собственно говоря, так могло бы быть, пожалуй, с первой минуты, с выхода в варшавском издательстве «Рой» сборника рассказов «Пещерные люди». Наряду с новеллами Замятина, Сейфулиной, Лидина, А.Н.Толстого, Яковлева и Пильняка в нем были и рассказы Бабеля. Их было десять — больше, чем у любого другого автора. Переводил книгу Бином, то есть Мечислав Бирнбаум, ветеран Польской войсковой организации, зять Винцента Драбика и дядя пишущего эти слова. От него я и узнал о Бабеле и об Одессе. Из Одессы с 4-й дивизией Желиговского он вел батальон на выручку Львову. Получил за это орден «Virtuti Militari». В кампанию 1920 года был начальником политотдела 2-го отделения Генерального штаба,принимал участие в переговорах в Борисове, Минске и Риге. Поручик Бирнбаум лежит в Катыни. К книге, которую он перевел, вступление написал Юлиуш Каден-Бандровский. Оно кончается такими словами:

«Слушайте там, коллеги: вот я вижу, что вы подставляете чистое зеркало миру своему, как и мы здесь своему миру стараемся чистое зеркало показать...

Лучше, счастливее, умнее будет сейчас, как и всегда, тот, кто первым увидит Человека по ту, чужую сторону».

***

«Конармия» вовсе не была написана сразу после «Дневника 1920 года», который, кстати, Бабель потерял. Ее первое издание вышло в мае 1926 года. Напечатанные раньше несколько новелл из цикла обратили внимание и укрепили надежды читателей — это немало. Но только появление всего сборника вызвало сенсацию. Галина Белая пишет, что поразила не тема, а спокойный голос автора, то есть отношение к событиям необычайным как к составному элементу повседневности. Этот важный стилистический прием Бабелю пришлось вырабатывать. Дневник написан лихорадочно. Он поражает искренностью, впечатлительностью, личной порядочностью автора. Но «Конармия» возносит описанные случаи и лиц на роль частиц истории. Она как бы открывает нам третий глаз, чтобы видеть необычайность и размах того чуда, каковое есть жизнь, в том числе и в своем ужасе и безнадежности. Поэтому Бабель выбирает крайние случаи, а значит, самые выразительные, самые четкие. Отсюда его склонность к краскам, метафорам, внезапным ассоциациям, неповседневным словам. Не об украшении он заботился. Отсюда же его потребность — более того, убежденность в необходимости фантазировать, расходиться не со смыслом своих дневниковых записей, а с их неловкой логикой.

Прежде чем сказать, чего он таким образом хотел достичь, напомним, что мистификация была настоящей страстью Бабеля. Корней Чуковский пишет в своем дневнике: «О Бабеле. Всем врал даже по мелочам. Окружал себя таинственностью. Уезжая в Питер, говорил (даже 10-летней дочери соседей): еду в Калугу».

В «Переправе через Збруч» нет переправы, в «Пути в Броды» нет пути, подчеркивает биограф Бабеля Федор Левин. Прибавим, что у Лютова из «Конармии» вообще мало что общего с автором «Дневника» — в нем преобладают черты ошеломленного интеллигента. А «Дневник» писал человек сообразительный, урожденный наблюдатель.

***

Правда у Бабеля правдива, но скрывает его личные страсти. Он наблюдает ее жадными глазами, выдавливает из полевой борозды, из горячей смерти жертвы, пленного, товарища. Наглядевшись на палачей, он подчеркивал, что несет в себе ***неспособность убить другого человека***, и буденовец Акинфиев отмочаливает рассказчика, потому что тот пошел в атаку без патронов в нагане. Правда, повторю, правдивее без хроники, необычайные события Бабель рассказывает нам без восклицательных знаков, скупо.

Прошу читателя ***прислушаться*** к словам героев этих рассказов. Они не искали красивых слов для новой эпохи. Слова их срослись с разгулявшейся фантазией уличного жаргона, с блатным языком и отрепьями армейских команд кавдивизии, вчерашние капралы на этой смеси писали и рапорты, и приказы о расстрелах. Кроме этих смертоносных свитков, почти нет свидетельств той переломной эпохи. Но уже скоро неповоротливый новояз войдет в употребление у российской улицы из речей Сталина и Молотова. Тем временем — две пьесы Исаака Бабеля бурлят совершенно неоценимым языком. Портовые возчики, бабы с базара, контрабандисты, укрывающиеся офицеры, следователь, проститутки — все вышли на просцениум и под скальпелем Бабеля подчиняются жестким правилам театра. Поэтому в светской России трудно было найти широкую сцену для этих драм.

После несмелых премьер в СССР «Закат» покорил мир, когда Ежи Яроцкий в 1966 году завоевал публику этим шедевром.

«Марии» в Советском Союзе досталась жизнь потруднее. Распад генеральской семьи свершился руками дезертиров и мошенников. Главная героиня известна только из названия пьесы. Ее гулящая сестра арестована. Одним словом, Горький был прав, упрекая Бабеля в «бодлеризме». Поэтому суть этого волнующего произведения — в том, что пьеса писалась, когда ее финал, увы, уже запоздал. «Мария» ждала премьеры в 1935 г.; простой народ должен был занять старые генеральские квартиры. Но в декабре 1934-го убили Кирова, и красный террор обрушился на всех. А роботы НКВД заняли место традиционных классовых иллюзий простого народа.

***

Жак Катто написал весьма проницательное эссе о нашем авторе, назвав его «L'epopée Babelienne», но использовал это определение совсем в ином духе, нежели неудачливые апологеты Бабеля, утверждавшие, что «Конармия» — это эпос, так как рассказывает о героях и воспевает их героизм. В открытом письме, протестуя против обвинений, которыми Буденный осыпал Бабеля, Горький писал, что герои «Конармии» не знают страха и глубоко чувствуют величие своей борьбы, и прибавил: «Бабель украсил бойцов его (...) лучше, правдивее, чем Гоголь запорожцев».

Нет, не украсил. Он лишь перенес их на другой этаж, на уровень сказа, той формы эпоса, которая самим способом повествования облагораживает героев. И начало «Илиады» было бы только историей склоки двух немытых атаманов, схватывающихся врукопашную из-за девки, если бы не серьезность и блеск, которые Гомер своим гекзаметром повелевает нам видеть в этом скандале.

«Конармия» и «Одесские рассказы» — произведения поэтические. Это поэзия без тумана и лирической тоски, зато использующая все средства, которые делают из поэзии колесницу значений, куда более вместительную и скоростную, чем другие литературные повозки. Лаконичность, о которой так заботился Бабель, достигается здесь благодаря использованию дополнительных носителей смысла, кроме словарного вещества. Каденция предложений, поразительные метафоры, почти слышимая красочность авторского голоса, необычайные в прозе определения заурядных вещей — всё это способы, которые делают поэзию несущей больше, чем другие пути к чувствам и мыслям читателя.

Бабель пошел этим путем без малейших уступок фальши. Он воздвиг на пьедестал эпики кровавые, грязные, грубые истории, ранее описанные в «Дневнике 1920 года» поспешным, полным ужаса шепотом. События и люди — те же самые. Но стиль, прием, литературный подход делают их иными. И не просто иными — великими. Сублимация протагонистов происходит в «Конармии» без смягчения и фальсификация их деяний. Бабелю удалось сконструировать миф без ущерба для правды. Это дело безмерно трудное и редкое.

Схватка с Буденным произошла не по той причине, что славный кавалерист не разбирался в поэзии (это само собой). Хуже, что он хотел вписать в историю другой миф, другую картину действий и роли своей дружины и ее верховного комиссара. Система, укрепленная железной рукой этого комиссара, давала власти монополию также и на создание мифов и описание былых или текущих событий. Право на такое описание имели только таланты-назначенцы. Бабель получил талант не по указке, а свыше. Потому и погиб.

Одесский друг Бабеля Сергей Бондарин приводит в воспоминаниях замечание Бабеля: «Толстого читаешь — и кажется: вот еще только одна страничка — и ты наконец поймешь тайну жизни».

У читателя Бабеля тоже часто возникает впечатление, что вот еще одна страничка...

Да только Исаак Бабель не успел нам всё поведать, не дали ему. Последние его слова в Переделкине в момент ареста так и прозвучали: «Не дали закончить...» Но значение этой тайны он предчувствовал и выразил это так, что не забыть и не отвергнуть.

Говорят, историю пишут победители. Нет, не всегда так.

Предисловие к книге:
Izaak Babel, *Utwory zebrane,*
Warszawskie Wydawnictwo Literackie MUZA S.A.,
Warszawa 2012.

В БЛИЖАЙШИХ НОМЕРАХ

- Дебора Фогель Письма к Бруно Шульцу
- Беседа с Олегом Орловым,
Владиславом Терлецким,
Владиславом Фрасынюком
- Анджей Стасюк специально для «Новой Польши»
о культурном наследии, которое не признает границ
- Валерий Мастеров о Тересе Тораньской

Проза
Владислав Мильчарек
Юзеф Хен

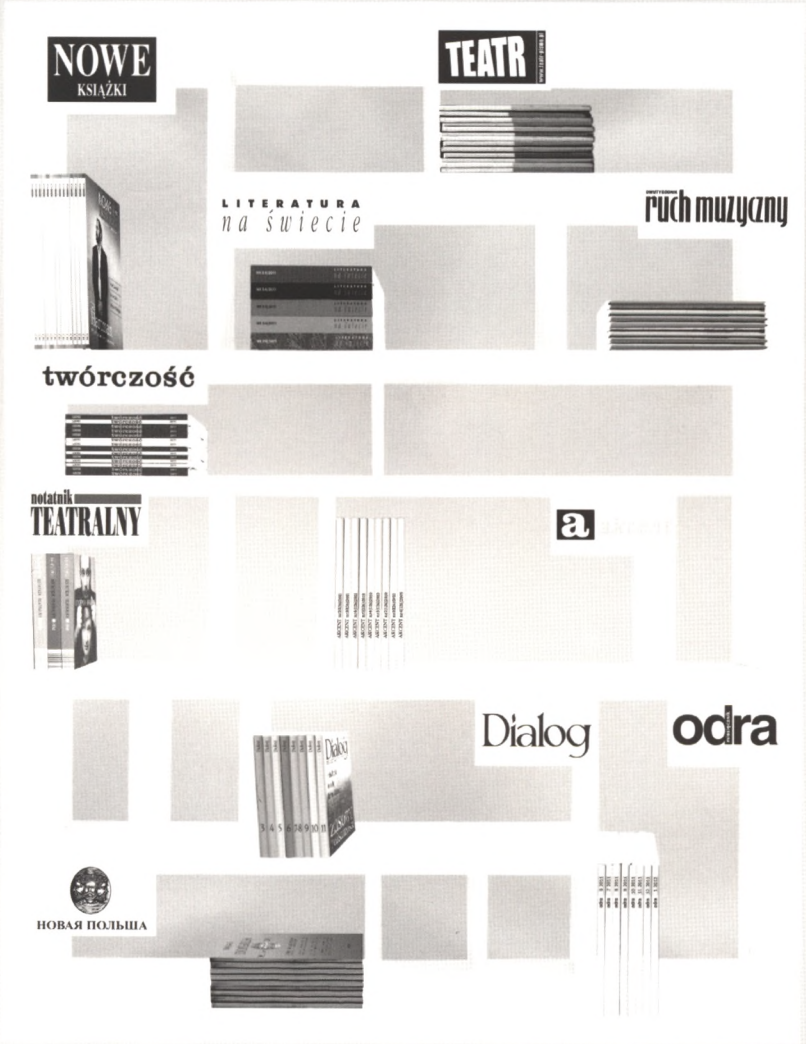
Стихотворения
Тадеуш Ружевич

Журнал «Новая Польша»
допущен к распространению на территории Российской Федерации
Решением Министерства Российской Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств массовых коммуникаций
(Свидетельство регистрации средства массовой информации ПИ №77-1063 от 3 ноября 1999 года)
Приглашаем всех читателей посетить интернет-сайт «Новой Польши»:www.novpol.ru

INSTYTUT KSIĄŻKI

©POLAND

Достаточно протянуть руку



Instytut Książki Dział Wydawnictw
al. Niepodległości 213, 02-086 Warszawa, tel. +48226082374, tel./fax +48226082488
e-mail: czaspatron@instytutksiazki.pl
www.instytutksiazki.pl

Cena 8 zł. w tym 5% VAT
ISSN 1508-5589